

263
АРКАДІЙ А ВЕРЧЕНКО

МУАЕСА ВЪ
РЪШЕТЪ

Н. Ревин 15

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА НОВЫЙ САТИРИКОН

436
263

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Ф 1-
17730

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ

РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
НОВЫЙ САТИРИКОНЪ.
Петроградъ, Невскій 88.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДѢЛЪ I.....	3
ЭХО ЦЕРКВИ ФЕЛИЧЕ.....	4
ПИРАМИДА ХЕОПСА.....	7
АМЕРИКАНЕЦЪ.....	10
РЪЗНАЯ РАБОТА.....	12
ДРАМА ВЪ СЕМЬѢ БЫРДИНЫХЪ.....	14
ОТЧАЯННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. I.....	17
ПЕРВЫЙ АНЕКДОТЪ ОБО МНѢ.....	20
КАКЪ ЖЕНИЛСЯ ПОНАСЮКЪ.....	21
ОТДѢЛЪ II.....	25
ОКРУЖАЮЩЕ НАСЪ.....	25
ЗНАТОКЪ ЖЕНСКАГО СЕРДЦА. I.....	26
РОКОВОЙ ВОЗДУХОДУЕВЪ.....	28
МАТЕРИНСТВО.....	30
ПРОФЕСІОНАЛЬ.....	32
ИСПОВѢДЬ, КОТОРАЯ ОБЛЕГЧАЕТЪ.....	35
КУСТАРНАЯ РАБОТА.....	38
ОТДѢЛЪ III.....	40
ТѢ, КОТОРЫЕ ДѢЙСТВУЮТЪ НА НЕРВЫ.....	40
ПРИБЪЖІЙ СЕЛЬДЯЕВЪ.....	40
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.....	43
ЧЕХОВІАНЕЦЪ.....	45
САМОНОВѢИШІЯ ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВѢ.....	48
ПЛАКУЧАЯ ИВА.....	50
РАЗСКАЗЪ О НИНОЧКѢ КРОХИНОЙ.....	53
ОТДѢЛЪ IV.....	55
ЛАСКОВЫЕ РАЗСКАЗЫ.....	55
СЕМЬ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.....	55
БЛИНЫ ДОДИ.....	57
СТРАШНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.....	60

ОТДѢЛЪ I.

ЧУДЕСА ВЪ РЪШЕТѢ.

ЭХО ЦЕРКВИ ФЕЛИЧЕ.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ мы съ пріятелемъ сидѣли за столикомъ въ саду и, попивая теплое красное вино, глазѣли на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавшій по крышѣ веранды, на которой мы сидѣли; необозримое снѣжное поле не занятыхъ никѣмъ бѣлыхъ столиковъ; рядъ самыхъ замысловатыхъ "номеровъ" демонстрировавшихся на открытой сценѣ; и, наконецъ, живительное теплое бордосское—все это настраивало нашу бесѣду на самый глубокомысленный, философическій ладъ.

Прихлебывая вино, мы дружно цѣплялись за каждое пустяковое обычное явленіе окружающей насъ жизни и тутъ же, сблизивъ носы, принимались его разсматривать самымъ внимательнымъ образомъ.

— Откуда берутся акробаты?—спросилъ мой пріятель, поглядывая на человѣка, который только что уперся рукой въ голову своего партнера и немедленно же поднялъ вверхъ ногами все свое затянутое въ лиловое трико тѣло.—Вѣдь просто такъ, зря, они же акробатами не дѣлаются. Почему, напримѣръ, ты не акробатъ или я не акробатъ?

— Мнѣ акробатомъ быть нельзя,—резонно возразилъ я.—Мнѣ рассказы нужно писать. А вотъ почему ты не акробатъ—я не знаю.

— Да я и не знаю,—простодушно подтвердилъ онъ.—Просто не приходило въ голову. Вѣдь, когда въ юности предназначаешь себя къ чему нибудь, то акробатическая карьера какъ-то не приходитъ въ голову.

— А вотъ имъ же—пришла въ голову?

— Да. Дѣйствительно это странно. Такъ иногда хочется пойти за кулисы къ акробату и разспросить его—какъ это ему вздумалось сдѣлать карьерой—еже вечернее влѣзаніе на голову своему ближнему.

Дождь барабанилъ по крышѣ веранды, официанты дремали у стѣнъ, мы тихо бесѣдовали, а въ это время на сценѣ уже появился "человѣкъ-лягушка". Былъ онъ въ зеленомъ костюмѣ съ желтымъ лягушечьимъ брюхомъ и даже съ картонной лягушечьей головой. Прыгалъ, какъ лягушка—и, вообще, ничѣмъ отъ обыкновенной лягушки, кромѣ размѣра, не отличался.

— Вотъ возьми—человѣкъ-лягушка. Сколько ихъ, такихъ "человѣковъ—чего нибудь" бродитъ по свѣту:

человѣкъ-страусъ, человѣкъ-змѣя, человѣкъ-рыба, чело вѣкъ-каучукъ. Спрашивается: какъ всякій такой человѣкъ могъ добраться до рѣшенія—сдѣлаться человѣкомъ-лягушкой? Осѣнила ли его эта мысль сразу, когда онъ мирно сидѣлъ на берегу тинистаго пруда, наблюдая дѣйствія просто-лягушекъ... Или эта мысль постепенно, исподволь росла въ немъ и крыла.

— Я думаю—сразу. Осѣнило.

— А, можетъ быть, у него съ дѣтства было стремленіе къ лягушечьей жизни и только вліяніе родителей удерживало его отъ этого ложнаго шага. Ну, а потомъ... Эхъ, молодость, молодость! Потребуемъ еще одну, — хорошо?

— Молодость?

— Бутылку. А это кто, въ клѣтчатамъ пальто съ громадными пуговицами, въ рыжемъ парикѣ? Ахъ, экъ сцеатрикъ! Замѣть, у нихъ уже есть свои освященные временемъ пріемы, традиции и правила. Напримѣръ— эксцентрикъ долженъ быть непременно въ рыжемъ парикѣ. Почему? Богъ его знаетъ! Но это хороишій клоунскій тонъ. Затѣмъ—появляясь на сценѣ, онъ никогда не сдѣлаетъ ни одного цѣлесообразнаго поступка. Всѣ его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратко-пропорциональны здравому смыслу. Чѣмъ бессмысленнѣе - тѣмъ болѣе успѣхъ. Погляди: ему нужно закурить папиросу... Онъ беретъ палочку, третъ ее о лысину—палочка загорается. Онъ закуриваетъ папиросу, а горящую палочку прячетъ въ карманъ. Теперь ему нужно погасить папиросу. Какъ онъ это дѣлаетъ? Беретъ сифонъ содовой воды и пускаетъ струю на тлѣющую папиросу. Кто въ действительной жизни зажигаетъ спички о голову и гаситъ папиросу съ помощью сифона? Онъ хочетъ разстегнуть пальто... Какъ онъ это дѣлаетъ? Какъ другіе люди? Нѣтъ! Онъ вынимаетъ изъ кармана громадную ножницы и отстригаетъ ими пуговицы. Смѣшно? Ты смѣешься? А знаешь, почему люди смѣются, глазѣя на это? Психологія ихъ такова: о, Боже, какъ глупъ этотъ человѣкъ, какъ онъ неуклюжъ!.. А вотъ я не такой, я умнѣе. Я зажгу спичку о спичечную коробку и разстегну пальто обычнымъ способомъ. Тутъ просто звучитъ замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похожъ на него.

— Богъ знаетъ, что ты такое говоришь...

— Да ужъ вѣрно, братъ, вѣрно. Жаль, что надъ этимъ никто не задумывается... Ну, вотъ посмотри: его партнеръ хочетъ его брить... Взялъ ведро съ мыльной водой, привязалъ его салфеткой за горло къ стулу, а потомъ нахлобучилъ ему ведро съ мыломъ на голову и, бѣть, торжествуя побѣду, по его животу

кулаками и ногами. Смѣшно? Публика смѣется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого рыжого съ ведромъ на голбѣ; она, вѣроятно, и не знаетъ, чѣмъ занимается ея сынъ, ея дитя, котораго она укачивала на колѣняхъ, тихо цѣлуя розовыя пухлыя губки, глядя шелковистые волосики, прижимая мланденческій теплый животикъ къ своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекій парень молотитъ своими ножищами, а съ пухлыхъ губокъ, измазанныхъ краской, стекаетъ мыльная пѣна, а шелковистыхъ волосиковъ нѣтъ—вмѣсто нихъ ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачетъ она и скажетъ:

Павликъ мой, Павликъ... На то ли я тебя растила, холила. Дитя мое! Да что же это ты съ собою сотворилъ такое?!...

— Во первыхъ,—категорически заявилъ я,—ничто не помѣшаетъ этому рыжему, если онъ, дѣйствительно, встрѣтитъ свою мать—заняться какой-нибудь другой болѣе полезной дѣятельностью, а во вторыхъ—ты, кажется, выпилъ вина больше, чѣмъ нужно.

Пріятель пожалъ плечами.

— Во первыхъ, этотъ парень уже ничѣмъ другимъ заняться не можетъ, а во вторыхъ, я выпилъ вина не больше, а меньше, чѣмъ нужно, — въ подтвержденіе чего могу тебѣ связно и толково рассказать одну дѣйствительную исторію, которая подтвердить мое я во первыхъ.

— Пожалуй,—согласился я,—подавай свою исторію.

— Эта исторія, сказали онъ торжественно—подтверждаетъ, что человѣкъ, который привыкъ стоять на головѣ, не можетъ уже стоять на ногахъ, и человѣкъ, который избралъ себѣ профессію лягушки — не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ лягушки—ни директоромъ банка, ни мануфактурнымъ приказчикомъ, ни городскимъ дѣятелемъ по выборамъ... Лягушка — останется лягушкой. Ну, вотъ:

Исторія итальянскаго слуги Джустино.

Какъ тебѣ извѣстно, а можетъ быть, какъ тебѣ не извѣстно, я исколесилъ всю Италію вдоль и поперекъ. Признаться тебѣ—я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италію. Какъ-то разъ, шатаясь по Флоренціи, попалъ я во Фьезоле—такое мирное идиллическое мѣстечко, безъ трамваевъ, шума и грохота.

Я зашелъ во дворикъ маленькаго ресторанчика, присѣлъ къ столику и, заказавъ какую то курицу, закурилъ сигару.

Вечеръ теплый, ароматный, настроеніе у меня прекрасное... Хозяинъ терся-терся около меня, очевидно, собираясь что-то спросить и не рѣшаясь—однако, на конецъ, рѣшился и спросилъ:

— А что, прошу извиненія—не нуженъ ли синьору слуга?

— Слуга? Какой слуга?

— Обыкновенный, итальянскій. Синьоръ, видно, человѣкъ богатый, и ему, вѣроятно, нужно, чтобы кто нибудь ему служилъ. У меня есть для синьора слуга.

— Да на кой дьяволъ мнѣ слуга?—удивился я.

— Ну, какъ же. Развѣ можно жить безъ слуги? Всякій баринъ долженъ имѣть слугу.

Признаться, мнѣ это соображеніе никогда не приходило въ голову.

— "А вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я.—Отчего бы мнѣ и не имѣть слуги? Въ Италиі я еще проброжу долго, а человѣкъ, которому можно взвалить на шею разныя мелкія хлопоты и дразги—очень бы меня облегчилъ"...

— Ладно,—говорю.—Покажите вашего слугу.

Привели... Парень здоровый, коренастый, съ ласковой улыбкой и предобродушнымъ выраженіемъ лица.

Потолковали мы пять минутъ, и въ тотъ же вечеръ я увезъ его во Флоренцію.

Со слѣдующаго дня и началась моя трагедія.

— Джустино!—сказалъ я утромъ.—Почему ты не почистилъ мнѣ ботинокъ?

— О, синьоръ! Я не умѣю чистить ботинокъ,—заявилъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ.

— Какой же ты слуга, если не умѣешь дѣлать такого пустяка! Сегодня же возьми урокъ у чистильщика сапогъ. А сейчасъ свари мнѣ кофе.

— Синьоръ! Осмѣлюсь заявить, что я не знаю, какъ варить кофе.

— Смѣешься ты надо мной, что ли?

— О, нѣтъ, синьоръ... не смѣюсь...—печально пробормоталъ онъ.

— Ну, а телеграмму сдать на почту ты съумѣешь? Запаковать чемоданъ, пришить къ пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну—сумѣешь?

И снова прозвучало грустное:

— Нѣтъ, синьоръ, не сумѣю. Я скрестилъ на груди руки.

— А что же ты умѣешь, скажи на милость.

— Будьте ко мнѣ, синьоръ, снисходительны... Я почти ничего не умѣю.

Во взорѣ его свѣтилась тоска и искреннее страданіе.

— Почти?! Ты говоришь "почти"... Значить, что нибудь ты умѣешь дѣлать?

— О, синьоръ! Да умѣю—но это къ сожалѣнію вамъ не нужно.

— Да что же это такое?

— О, не разспрашивайте меня... Мнѣ даже неловко сказать...

— Почему? А вдругъ это мнѣ понадобится...

— Нѣтъ, нѣтъ. Клянусь святымъ Антоніемъ—вамъ это никогда не понадобится...

— Чортъ знаетъ что!—подумаль я, опасливо на него поглядѣвъ,—можетъ быть онъ до этого былъ разбойникомъ и рѣзалъ въ горахъ проѣзжіи народъ. Тогда, дѣйствительно, онъ правъ,—это мнѣ никогда не понадобится...

Однако, милое простодушное лицо Джустино самымъ нагляднымъ образомъ опровергало это предположеніе.

Я махнулъ рукой —самъ заварилъ кофе, сдалъ на почту корреспонденцію и вечеромъ приготовилъ себѣ ванну.

На другой день я поѣхалъ во Фьезоле и зашелъ въ тотъ самый ресторанчикъ, хозяинъ котораго такимъ подлымъ образомъ подсунулъ мнѣ "слугу".

Я усѣлся за столъ—и снова появился кланяющійся, извивающійся хозяинъ.

— Эй, вы,—поманилъ я его пальцемъ.—Что это за чортова слугу вы мнѣ подсунули, а? Онъ приложилъ руки къ сердцу.

— О, синьоръ! Онъ прекрасный человекъ,—добрый, честный и непьющій...

— Да что мнѣ въ его честности, когда онъ палець-о-палець ударить не можетъ. Именно—не можетъ... Не "не хочетъ", а "не можетъ". Вы говорили—я господинъ, и мнѣ нужно слугу; а подсунули мнѣ господина, у котораго я играю роль слуги, потому что нѣтъ такой вещи, которую бы онъ могъ сдѣлать.

— Простите, синьоръ... Онъ можетъ кое-что сдѣлать и очень хорошо даже... Но это вамъ совсѣмъ не нужно.

— Что же это такое?

— Да ужъ я не знаю — говорить ли? Не хочется хорошаго парня конфузить.

Я ударилъ кулакомъ по столу.

— Да что вы всѣ, чортъ побери—сговорились, что ли!! Онъ умалчиваетъ о своей бывшей профессіи, вы тоже скрываете... Можетъ быть, онъ желѣзнодорожный воръ или морской пиратъ!!

— Сохрани Боже! Онъ служилъ по церковному дѣлу и ничѣмъ дурнымъ не занимался.

Крикомъ и угрозами мнѣ удалось вытянуть у хозяина всю исторію.

Удивительная исторія, глупѣйшая исторія,

Надо тебѣ сказать, что вся Италія отъ большихъ городовъ, какъ Римъ, Венеція, Неаполь—до самыхъ иаленькихъ—живетъ исключительно туристами. Туристы, это та "обрабатывающая" промышленность, которой кормится вся Италія. Все направлено къ уловленію туриста. Ихъ серенады въ Венеціи, развалины въ Римѣ, грязь и шумъ Неаполя—все это во славу форестьера во имя его кошелька.

Каждый городъ, каждый кварталъ въ городѣ имѣетъ свою достопримѣчательность, которая за двѣ лиры, за лиру, за мецца-лиру — показывается всякому шалому любопытствующему путешественнику.

Въ Веронѣ показываютъ могилу Джульеты, въ со борѣ св. Марка мѣсто, гдѣ на колѣняхъ стоялъ Фридрихъ Барбароса или еще кто-то... Исторія, живопись, скульптура, архитектура—все идетъ въ ходъ.

Есть въ сѣверной Италіи городишка—такой маленько такой скверный, что его даже и на картахъ стыдятся указывать. Даже не городишка, а нѣчто вродѣ деревни.

И вотъ деревушка эта стала чахнуть. Отъ чего можетъ чахнуть итальянская деревушка? Отъ безтуристскости.

Есть туристъ—сыты всѣ; нѣтъ туриста—ложись и помирай.

И все населеніе деревушки со скорбью и тоской видѣло, какъ каждый день мимо нихъ проносились поѣзда, биткомъ набитые туристскимъ мясомъ; останавливались на минуту и, не выкинувъ ни одного англичанина или нѣмца—мчались дальше.

А на слѣдующей станціи половина туристовъ выползала съ поѣзда и шла осматривать городокъ, который сумѣлъ обзавестись собственной достопримѣчательностью: церковью, въ которой былъ кто-то убитъ или замурованъ, или къ стѣнѣ прикованъ; показывали и кинжалъ убійцы, и замурованное мѣсто, я цѣпи—что кому больше нравилось. А можетъ, никого тамъ никого и не убивали—итальянцы большіе мастера соврать, въ особенности, съ корыстной цѣлью.

И вотъ однажды разнеслась по всей округѣ чудесная вѣсть: что въ той деревушкѣ, о которой я говорилъ раньше, послѣ перестройки церковнаго купола, появилось эхо, которое повторяетъ звукъ не разъ, и не два раза, какъ это иногда случается, а восемь разъ.

Конечно, праздный, бездѣльный туристъ валомъ повалилъ на эту диковину...

Дѣйствительно, слухъ оправдался; эхо честно аккуратно повторяло каждое слово восемь разъ.

И вотъ "эхо деревни Феличе" совершенно забило "замурованнаго принца городка Санта-Клара".

Двѣнадцать лѣтъ это продолжалось: двѣнадцать лѣтъ лиры и мецца-лиры лились въ карманъ гражданъ деревни Феличе... И вотъ—на тринадцатый годъ (несчастливый годъ!) разразился страшный скандалъ: компанія богатѣйшихъ американцевъ съ цѣлой гирляндой разодѣтыхъ дамъ пріѣхала посмотреть "эхо деревни Феличе". И когда эта пышная компанія вошла въ скромную церковку—эхо было, очевидно, такъ поражено блескомъ и роскошью компаніи, что въ отвѣтъ на крикъ одной дамы "Гудбай!" повторило это слово пятнадцать разъ...

Самый главный американецъ сначала изумился, потомъ возмутился, потомъ, расхохотался, а затѣмъ вся компанія, не слушая протестовъ церковной администраціи, бросилась отыскивать эхо... Обнаружили его въ замаскированномъ ширмой уголкѣ на хорахъ и когда вытащили "эхо", оно оказалось широкоплечимъ добродушнымъ парнемъ—короче говоря—моимъ слугой Джустино.

Двѣ недѣли вся Италія, прочтя о случаѣ съ "эхо Феличе", держалась за животики; потомъ, конечно, объ этомъ забыли, какъ забывается все на свѣтѣ.

Деревушка Феличе впала въ прежнее ничтожество, а Джустино—эхо Феличе—за свою неумѣстную щедрость лишился мѣста, на которое поступилъ еще мальчишкой—и, какъ человѣкъ, кромѣ эха ничего не умѣвшій—очутился на мостовой.

Всякому человѣку хочется ѣсть... Поэтому. Джустино сталъ искать себѣ мѣсто! Онъ приходилъ въ какую-нибудь деревенскую церковь и предлагалъ:

— Возьмите меня на службу...

— А ты что можешь делать?

— Я могу быть эхо. Очень хорошая работа... Отъ 8 до 15 разъ.

— Эхо? Не требуется. Мы кормимся плитой, на которой раскаялся однажды Борджія; человѣкъ на ней пролежалъ ночь, а нашимъ предкамъ, намъ и потомъ камѣнашимъ—на всю жизнь хватить.

Усталый, брелъ онъ дальше.

— Эхо хорошее, церковное! Не нужно-ли? Отчетливое исполненіе, чистая работа.

— Нѣтъ, не надо.

— Да почему? Туристъ эхо любить. Взяли бы меня, а?

— Нѣтъ, неудобно... То полтора ста лѣтъ не было эха въ церкви, а то вдругъ—на тебѣ—сразу появилось.

— А вы куполь перестройте.

— Будемъ мы изъ-за тебя куполь перестраивать... Иди себѣ съ Богомъ.

Онъ бы умеръ съ голода, если бы я его не взялъ себѣ въ слуги.

* *

*

Я долго молчалъ, размышляя о судьбѣ несчастного Джустино; потомъ спросилъ:

— Что же съ нимъ случилось?

— Промучился я съ нимъ годъ. Все не хватало духу выгнать. И когда я, взбѣшенный его манерой варить кофе, въ которомъ было на треть бензину, кричалъ:

"сегодня же забирай свои вещи и проваливай, бездарный негодяй!"—онъ прятался въ сосѣдную комнату и оттуда я слышалъ очень искусное эхо моихъ словъ:

"бездарный негодяй... дарный негодяй... и-и негодяй... негодяй... даяй... яяя..."

Это все, что умѣлъ дѣлать несчастный искалѣченный своей ненормальной судьбой парень.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Выгнать. Что съ нимъ, не знаю. Впрочемъ, недавно мнѣ въ Пизѣ говорили, что въ одной близлежащей деревушкѣ есть церковь, въ которой замѣчательное эхо,—повторяемое восемь разъ. Весьма возможно, что мой горемыка-слуга снова попадетъ на свои настоящія рельсы...

ПИРАМИДА ХЕОПСА.

Начало всей этой исторіи почему-то твердо вѣшалось мнѣ въ память. Можетъ быть, именно, потому я имѣю возможность, ухватившись за этотъ хвостикъ, размотать весь клубокъ, до самаго конца.

Пріятно, очень пріятно слѣдить со стороны за человѣкомъ, который въ простотѣ душевной увѣренъ, что всѣ звенья цѣпи его поступковъ скрыты отъ чужого взгляда и, потому онъ,—вышеупомянутый чело вѣкъ—простоудушно и безстыдно распускается пышнымъ махровымъ цвѣткомъ.

Авторъ—большой любитель такихъ чудесныхъ махровыхъ цвѣтковъ.

Итакъ, хватаю эту исторію за самый хвостъ:

Четыре года тому назадъ мнѣ пришлось прожить цѣлую недѣлю въ квартирѣ Новаковича—того самаго, который однажды зимой увѣрилъ всѣхъ, что можетъ проплыть въ водѣ шесть верстъ, а потомъ, когда я, поймавъ его лѣтомъ въ Севастополѣ, заставилъ продѣлать это—Новаковичъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что какой-то купальщикъ плюнулъ передъ тѣмъ въ воду.

Несмотря на такія странныя черты своего характера, Новаковичъ былъ въ сущности хорошимъ человѣкомъ, веселымъ, жизнерадостнымъ—и я не безъ удовольствія прожилъ у него эту недѣлю

Какъ-то послѣ обѣда, уходя изъ дому, мы измыслили забавную мистификацію: напялили на мольбертъ пиджакъ и брюки Новаковича, набили это сооруженіе тряпками, увѣнчали маской, изображавшей страшную святочную харю и, крадучись, ушли, оставивъ дверь полуоткрытой.

По уходѣ нашемъ было такъ:

Первой вошла въ комнату сестра Новаковича; увидѣвъ страшное существо, стоявшее передъ ней на растопыренныхъ ногахъ, нахально откинувшись назадъ—она съ пронзительнымъ крикомъ отпрянула, шарахнулась вмѣсто двери въ шкафъ, набила себѣ на вискъ шишку и уже послѣ этого кое-какъ выбралась изъ комнаты.

Второй сейчасъ же вбѣжала горничная съ графиномъ воды, который она несла куда-то. Отъ ужаса она уронила графинъ на полъ и подняла крикъ.

Третьимъ пришелъ швейцаръ, приглашенный перепуганными женщинами. Это былъ человѣкъ, котораго природа надѣлила желѣзными нервами. Подойдя къ молчаливому, жутко неподвижному незнакомцу, онъ сказалъ: "Ахъ ты, сволочь паршивая", размахнулся и ударилъ по страшной харѣ. Послѣ этого, полетѣвшій на полъ и буквально потерявшій голову незнакомецъ былъ освѣжеванъ, выпотрошенъ и водворенъ по частямъ на старое мѣсто: скелетъ поставили въ уголъ, мясо и кожу повѣсили въ платяной шкафъ, ноги задвинули подъ кровать, а голову просто выбросили...

Четвертымъ и пятымъ пришли мы съ Новаковичемъ. Въ зависимости отъ темперамента и общественного положенія мы были названы: "веселыми баринами", выдумщиками, вѣчно придумывающими что-нибудь эта кое..." и, наконецъ, "идіотами".

Графинъ мы компенсировали веселымъ ужиномъ, въ

которомъ участвовали нѣсколько графиновъ—и тѣмъ вся исторія окончилась.

Впрочемъ, что я такое говорю—окончилась...

Она только началась.

* *

*

Прошло три недѣли.

Сидя въ уголкѣ гостиной на одномъ шумномъ вечерѣ я услышалъ и увидѣлъ слѣдующее.

Новаковичъ подошелъ къ одной группѣ острившихъ и рассказывавшихъ анекдоты мужчинъ—и сказалъ:

— Ну, что этотъ вашъ анекдотъ о купцѣ! Старина матушка. Его еще Ной Каину и Авелю въ Месопотаміи рассказывалъ. А вотъ я вамъ расскажу фактъ, случившійся со мной...

— Ну, ну?

— Однажды вечеромъ, недѣли три тому назадъ я устроилъ у себя въ комнатѣ чучело человѣка, изъ мольберта, ботинокъ, костюма и святочной маски... Устроилъ, значить, и ушелъ... Ну-съ—заходить зачѣмъ-то моя сестра въ эту комнату... Видитъ эту штуку ну... и вы сами понимаете! Бросается вмѣсто дверей въ шкафъ—трахъ головой! Кровь ручьемъ! Падаеть въ обморокъ. На шумъ вбѣгаетъ горничная, а у нея въ рукахъ, можете представить, дорогой фарфоровый кувшинъ. Увидѣла лежащую хозяйку, увидѣла кровь, увидѣла этакого неподвижнаго страшнаго дядю, бросила дорогой фарфоровый кувшинъ на полъ,— да вонъ изъ комнаты. Выбѣжала на переднюю лѣстницу, а по лѣстницѣ какъ разъ швейцаръ поднимается съ телеграммой въ рукахъ. Бросается она на швейцара, сбиваетъ его съ ногъ, и катятся они внизъ по лѣстницѣ!! Ну, кое-какъ съ оханьями и проклятіями встаютъ, поднимаются, объясняются, швейцаръ беретъ револьверъ, идетъ въ комнату, пріотворилъ дверь, кричитъ: "Сдавайся!"—"Не сдамся!"—"Сдавайся!"—"Не сдамся!..."

— Виновать,—перебилъ Новаковича одинъ изъ слушателей, очень изумленный. — Кто же это могъ отвѣчать ему: "не сдамся"!? Вѣдь человѣкъ-то вашъ былъ сдѣланъ изъ мольберта и тряпокъ?..

— Ахъ, да... Вы спрашиваете, кто отвѣчалъ: "не сдамся!?" Гм... да. Это, видите-ли, очень просто: это сестра моя отвѣчала. Она, какъ разъ, очнулась отъ обморока, слышитъ, что кто-то кричитъ изъ другой комнаты "сдавайся!" да и подумала, что это товарищъ разбойника. Ну, и отвѣтила: "не сдамся!" Она у меня храбрая сестренка; вся въ меня.

— Да... Бываетъ. Что же дальше?

— Что? Швейцаръ изъ револьвера прямо въ грудь нашему чучелу: бахъ! Тотъ на полъ—бацъ. Бросились, а тамъ одни тряпки. Сестра со мной потомъ два мѣсяца не разговаривала.

— Почему два мѣсяца? Вы же говорите, что это произошло всего три недѣли тому назадъ.

— Ну, да! Что жъ такое... Уже три недѣли не раз-говариваетъ, да я думаю, еще недѣль пять не будетъ разговаривать—вотъ вамъ и два мѣсяца.

— Ахъ, такъ... Да... Бываетъ. Странная, странная исторія.

— Я же вамъ говорю! А вы имъ тамъ какой-то анекдотъ о купцѣ рассказываете!..

* *

*

Прошелъ годъ...

Однажды большая компанія собралась ѣхать на Иматру.

Были и мы съ Новаковичемъ.

Когда ѣхали въ вагонъ, то разсѣлись такъ, что я сидѣлъ черезъ двѣ скамейки—отъ Новаковича.

Видѣть я его не видѣлъ, но голосъ слышалъ,

Новаковичъ говорилъ:

— Я нахожу вашу ичторію съ привидѣніемъ конокрада—банальной— Вотъ со мной однажды случилась исторія—такъ исторія!

— Именно?

— Взялъ я однажды какъ-то, въ прошломъ году, да и соорудилъ у себя въ комнатѣ чучело

разбойника— изъ мольберта, пиджака, брюкъ и ботинокъ. Привязаль къ рукѣ ножъ... большой такой острый... и самъ ушелъ. Заходить зачѣмъ-то въ комнату сестра — видитъ эту ужасную фигуру... Бросается вмѣсто дверей, въ бѣльевоу шкафъ—трахъ! Дверка вдребезки, сестра вдребезги... Бросается она къ окну... Трахъ! Распахнула она его, да съ подоконника—прыгъ! А окно-то въ четвертомъ этажѣ... Послѣ этого вбѣгаетъ горничная, а въ рукахъ у нея на подносѣ дорогой фарфоровый сервизъ еще екатерининскихъ временъ... Отъ дѣда остался. Ему теперь и цѣны нѣтъ. Сервизъ, конечно, вдребезги, горничная тоже... вылетаетъ на лѣстницу, падаетъ на швейцара, который съ околodочнымъ и двумя городовыми поднимался по лѣстницѣ кому-то повѣстку вручать и вся эта компанія, можете себѣ вообразить летить, какъ этакій булденежъ—съ лѣстницы внизъ Крикъ, визгъ, стоны. Потомъ поднялись, разспросили горничную, подошли всѣ къ таинственной комнатѣ... Конечно, шашки на-голо, револьверъ на-голо... Приставъ кричить...

— Вы, говорили "околodочный",—кратко поправилъ Новаковича одинъ изъ слушателей.

— Ну, да, не приставъ, а помощникъ пристава. Это все равно, что околodочный... Онъ послѣ въ Батумѣ былъ приставомъ... Ну-съ, кричитъ, значить, приставъ въ дверь: "сдавайся!"—"Не сдамся!"—"Сдавайся!"—"Не сдамся!".

— Кто же это отвѣчалъ приставу: "не сдамся?". Вѣдь въ комнатѣ было только чучело...

— Какъ только чучело? А сестра?

— Да сестра вѣдь, вы говорите, выскочила изъ окна четвертаго этажа.

— Ну, да... Такъ вы же слушайте! Выскочить-то она выскочила, да зацѣпилась платьемъ за водосточную трубу. Виситъ у самага окна, вдругъ слышитъ: "сдавайся!" Думаетъ, разбойникъ кричитъ, ну, конечно, дѣвушка храбрая, съ самолюбіемъ: "не сдамся!" Хе-хе... "Ахъ,—говоритъ приставъ,—такъ ты такъ, мерзавецъ?!. Не сдаваться? Пали въ него, ребята!" Ребята, конечно:

бахъ! бахъ! Чучело-то мое упало, но за чучеломъ стоялъ старинный столикъ красного дерева, какъ говорятъ, изъ загороднаго шале Марш Антуанеты... Столикъ, конечно, вдребезги: Зеркало старинное вдребезги!.. Входятъ потомъ... Ну, конечно, сами понимаете... Ужасъ, разгромъ... Спросите сестру, она вамъ расскажетъ;

когда бросились къ чучелу, такъ глазамъ не хотѣли вѣрить—такъ было все хорошо прилажено. Сестра потомъ отъ нервной горячки померла, пристава въ Батумъ перевели...

— Какъ же вы говорите, чтобы мы сестру спросили, а потомъ сообщаете, что она умерла?

— Ну, да. Что-жъ такое. Она и умерла. А зато другая сестра есть, которая при этомъ была и все видѣла...

— Гдѣ же она теперь?

— Она? Въ Восьмипалатинскѣ. За члена Судебной Палаты замужъ вышла. Съ минуту помолчали. Да-съ. Исторія съ географіей!

* *
*
*

...Недавно, войдя въ гостиную Чмутовыхъ, я увидѣлъ возбужденнаго Новаковича, окруженнаго цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ.

— ...Полициеймейстеръ во главѣ наряда полиціи подходитъ къ дверямъ, кричитъ: "Сдашься ты, или нѣтъ?— "Не сдамся!"—"Сдашься?"—"Не сдамся!" "Пли, ребята!" Пятьдесятъ пуль! какъ одна—вдребезги! "Сдаешься?"—"Не сдамся!"—"Пли! Зови пожарную дружину!! Разбивай крышу! Мы его сверху возьмемъ! Выкуривай его дымомъ—взять его живымъ или мертвымъ!!" Въ это время возвращаюсь я... Что такое? Во дворѣ пожарная команда, дымъ, выстрѣлы, крики... "Виноватъ, г. по лицеймейстеръ", говорю я, "что это за исторія такая?"—"Опасный, говоритъ, бандитъ засѣлъ въ вашей комнатѣ... Отказывается сдаться!" Я смѣюсь: "А вотъ, говорю, мы его сейчасъ"... Иду въ комнату и выношу чучело подъ мышкой... Съ полицеймейстеромъ чуть ударъ не сдѣлался: "Это что за мистификаціи, кричитъ. Да я васъ за это въ тюрьмѣ сгною, шкуру спущу!!"—"Что-о?— отвѣчаю я.—Попробуй, старая калоша!"—Ш-штоссъ?! Выхватываетъ шашку—ко мнѣ! Ну, я не стерпѣлъ; развернулся... Потомъ четыре года крѣпости пришлось...

— Почему же четыре! Вѣдь это было года три назадъ?..

— А? Ну, да, Что-жъ такое... Три года и было. Подъ манифестъ попалъ.

— Ну, да... развѣ что такъ.

— Именно, такъ-съ!!

А когда мы съ нимъ вышли изъ этого дома и, взявшись дружески подъ руку, зашагали по тихимъ залитымъ луною улицамъ, онъ, интимно пожавъ мой локоть, сказалъ:

— Сегодня, когда ты вошелъ, я имъ одну исторію рассказывалъ. Ты начала не слышала. Изумительнѣйшая, прелюбопытнѣйшая исторія... Однажды устроилъ я въ своей комнатѣ изъ мольберта и разныхъ тряпокъ подобіе челоуѣка, а самъ ушелъ. Зашла зачѣмъ-то сестра, увидѣла...

Я не могъ дальше сдерживаться.

— Послушай,—сказалъ я.—Какъ тебѣ не стыдно рассказывать мнѣ ту самую исторію, которую мы

же съ тобой и устроили... Неужели, ты не помнишь? И драгоценныхъ сервизовъ не было, полицеймейстера не было, пожарныхъ не было... А просто горничная разбила графинъ для воды, потомъ позвала швейцара, и онъ сразу разобралъ на кусочки все наше произведение...

— Постой, постой,—приостановился Новаковичъ.— Ты о чемъ это говоришь? О той исторіи, которую мы съ тобой подстроили? Ну, да-а!.. Такъ это совсѣмъ другое! То, дѣйствительно такъ было, какъ ты говоришь, а это было въ другое время. А ты, чудакъ, думалъ, что это то же самое? Ха-ха! Нѣтъ, это было даже на другой улицѣ... То было на Широкой, а это на Московской... И сестра была тоже другая... младшая... А ты думалъ?.. Ха-ха! Вотъ чудакъ!

Когда я взглянулъ на его открытое, сіявшее искренностью и правдивостью лицо—я подумалъ: я ему не вѣрю, вы ему не повѣрите... Никто ему не повѣритъ. Но онъ—самъ себѣ вѣритъ.

* *

*

И строится, строится пирамида Хеопса до сихъ поръ...

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала излучину, такъ что получалось нѣчто въ родѣ полуострова.

Выйдя изъ лѣсной чащи и увидѣвъ вдали блестящіе на солнцѣ куски рѣки, разорванной силуэтами древесныхъ стволовъ. Стрекачевъ перебросилъ ружье на другое плечо и отеръ платкомъ потъ со лба.

Тутъ-то онъ и наткнулся на корявого мужиченку, который, сидя на пнѣ сваленнаго дерева, весь ушелъ въ чтеніе какого-то обрывка газеты.

Мужиченка, слышавъ шаги, отложилъ въ сторону газету, вздѣлъ на лобъ громадные очки и, ставивъ съ головы неопредѣленной формы и вида шляпченку, поклонился Стрекачеву.

— Драсти.

— Здравствуй, братецъ. Заблудился я, кажется.

— А вы откуда будете?

— На дачѣ я. Въ Овсянкинѣ. Оттуда.

— Верстовъ восемь будетъ отселева... Онъ пытливо взглянулъ на усталаго охотника и спросилъ:

— Ничего вамъ не потребуется?

— А что?

— Да, можетъ, что угодно вашей милости, такъ есть.

— Да ты кто такой?

— Арендатель,—солидно отвѣчалъ мужиченка, не реступивъ съ ноги на ногу.

— Эту землю арендуешь?

— Такъ точно.

— Что жъ, хлѣбъ тутъ сѣешь, что ли?

— Гдѣ ужъ тутъ хлѣбъ, ваша милость! И въ заводѣ хлѣбовъ не было. Всякой дрянью поросло,—ни тебѣ дерева настоящія, ни тебѣ луга настоящие. Буреломъ все, валежникъ, сухостой.

— Да что-жъ ты тутъ... грибы собираешь, ягоды?

— Нѣту тутъ настоящаго гриба. И ягоды тоже, къ слову сказать, чортъ-ма.

— Вотъ чудакъ,—удивился Стрекачевъ.— Зачѣмъ же ты тогда эту землю арендуешь?

— А это, какъ сказать, ваше благородіе, всяка земля человѣку на потребу дана и ежели произрастаніе не происходитъ, то, какъ говорится, человѣкъ не мытьемъ, такъ катаньемъ долженъ хлѣбъ свой соблюдать.

Эту невразумительную фразу мужиченка произнесъ очень внушительно и даже разгладилъ корявой рукой крайне скучную бороду, напоминавшую своимъ видомъ унылое "арендованное" мѣсто; ни тебѣ полюсу, ни тебѣ гладкаго мѣста,—одинъ буреломъ да сухостой.

— Такъ съ чего жъ ты живешь?

— Дачниками кормлюсь.

— Работаетъ на нихъ, что ли?

Хитрый смѣющийся взглядъ мужиченки обшарилъ лицо охотника, и ухмыльнулся мужиченка лукаво, но добродушно.

— Зачѣмъ мнѣ на нихъ работать! Они на меня работаютъ.

— Врешь ты все, дядя,—недовольно пробормоталъ охотникъ Стрекачевъ, вскидывая на плечо ружье и собираясь уходить.

— Намъ врать нельзя, возразилъ мужиченка.— За чѣмъ врать! За это тоже не похвалятъ. Бабъ обожаютъ?

— Что?

— Нѣкоторые изъ нашего полу до удивленія бабъ любятъ.

— Ну?

— Такъ вотъ я, можно сказать, по этой бабьей части.

— Кого?!!

— А это мы вамъ сейчаоъ скажемъ—кого... Мужиченка вынулъ изъ-за пазухи серебряные часы, открылъ ихъ и, приблизивъ къ глазамъ, погрузился въ задумчивость... Долго что-то соображалъ.

— Шестаковская барыня, должно, больны нынче, потому уже пять день, какъ не показываются, значить, что же сейчасъ выходить? Такъ что, я думаю, время сейчасъ Маслобоевымъ-дачницамъ и Огрызкинѣмъ; у Маслобоевыхъ-то вамъ кромѣ губернанки профиту никакого, потому сама худа, какъ палка, а дочки опять же такая мелкота, что и вниманія не стоящія. А вотъ Огрызкиной госпожой довольны останетесь. Дама въ самой красотѣ и костюмчикъ я имъ черезъ горничную Агашу подсунулъ такой, что отдай все да и мало. Раньше-то у нея что-то такое надѣвывалось, что и не разберешь: не то армячекъ со сборочкой, не то какъ въ пальтѣ оно выходило. А ежели безъ обтяжки—мои господа очень даже какъ обижаются. Не антиресно, вишь. А мнѣ что?... Да моя бы воля, такъ я безо всего, какъ говорится. Убудетъ ихъ, что ли? Вѣрно я говорю?

— Чортъ тебя разберетъ, что ты говоришь,—разсердился охотникъ.

— Дѣйствительно,—согласился мужиченка.—Вамъ не пинятно, какъ вы съ дальнихъ дачъ, а наши Окрочмѣ дѣловскіе меня ни въ жисть не забываютъ. "Еремѣй, нѣтъ ли чего новенькаго? Еремѣй, не освѣжился ли лепретуарчикъ. Да я на эту, можетъ, хочу глянуть, а на ту не хочу, да куда дѣлась та, да что дѣлаетъ эта?." Однимъ словомъ, первый у нихъ я человѣкъ.

— У кого?

— А у дачниковъ.

— Вотъ у тѣхъ, что за рѣкой?

— Зачѣмъ у тѣхъ? Тѣ ежели бы узнали—такую бы мятку мнѣ задали, что до зеленыхъ вѣтничковъ не забудешь. А я опять же говорю объ Окрочмѣ дѣловскихъ. Тутъ за этимъ бугромъ ихъ штукъ сто, дачь-то. Вотъ и кормлюсь отъ нихъ.

— Да чѣмъ же ты кормишься, шутъ гороховый?! Мужиченка почесалъ затылокъ.

— Экой ты непонятный! Какъ да что... Посадишь барина въ яму—ну, значить и живи въ свое удовольствіе. Смотри, конечно, за что и платятъ. За Огрызкинскую барыню я, братъ, меньше цѣлковаго никакъ не возьму; Шестеренкины дѣвицы тоже—на всякій скусъ потрафють,—рунь съ четвертакомъ грѣхъ взять за такую видимость али нѣтъ? Дрягина госпожа, Семененко, Косогорова, Лякина... Мало ли.

— Ты что же, значить,—сообразилъ Стрекачевъ,—купальщицъ на своей землѣ показываешь?

— Воѣ. Ихъ, значить, тотъ берегъ, а мой, значить, этотъ. Имъ убытку никакого, а мнѣ хлѣбъ.

— Вотъ, каналья,—разсмѣялся Стрекачевъ.—Какъ же ты дошелъ до этого?

— Да вѣдь это, господинъ, кому какіе мозги отъ Бога дадены... Иду я о прошломъ годѣ къ рѣкѣ рыбку поудить—гляжу, что за оказія! Подъ однимъ кустомъ дачникъ бѣлѣтся, подъ другимъ кустомъ дачникъ бѣлѣтся. И у всякаго бинокль изъ глазъ торчитъ. Сдурѣли они, думаю, что ли. Тогда-то я еще о бинокляхъ и не слыхивалъ. Ну, подхожу, значить къ рѣкѣ по ближе... Эге-ге, вижу. Тутъ тебѣ и блонетки, и брондинки, и толстыя, и тонкія, и старыя, и малыя. Вотъ оно что! Ну, какъ значить, я во всю фигуру на берегу объявился—онѣ и подняли визгъ: "Убирайся, такой-ся кой, вонъ, какъ смѣешь!.." И-и разстрекотались! Съ той поры я, значить, умомъ и вошелъ въ соображеніе.

— Значить, ты специально для этого и землю за арендовалъ?

— Специально. Шестьдесятъ рублей въ лѣто отвалилъ. Ловко? Да биноклей четыре штуки выправилъ, да кустовъ насажалъ, да ямъ нарылъ—прямо удобство во какое. Сидишь эт-то въ прохладѣ, въ ямѣ на скамеечкѣ, слѣва пива бутылка (отъ себя держу: не желаете ли? Четвертакъ всего разговору), слѣва, значить, пива бутылка, справа папирсы...—живи не хочу!

Охотникъ Стрекачевъ постучалъ ружьемъ о свѣсившуюся вѣтку дерева и какъ будто вскользь, спросилъ:

— А хорошо видно?

— Да ужъ ежели съ биноклемъ, прямо вотъ—рукой достанешь! И кто только это бинокли выдумалъ,—памятникъ бы ему!.. Можетъ, полюбопытствуете?

— Ну, ты скажешь тоже,—ухмыльнулся конфузливо охотникъ.—А вдругъ увидятъ оттуда?

— Никакъ это невозможно! Потому такъ ужъ у меня пристроено. Будто кустъ; а за кустомъ яма, а въ ямѣ скамеечка. Чего жъ, господинъ... попробуйте. Всего разговору (онъ приложилъ руку щиткомъ и воззрился острымъ взглядомъ на противоположный берегъ, гдѣ желтѣла купальня)... всего и разговору на рунь шестьдесятъ?!

— Это еще что за расчетъ?!

— Расчеты простые, ваше благородіе: Огрызкинская госпожа теперь купается—дамы замѣчательныя сами извольте взглянуть—рунь, потомъ Дрягина съ дочкой на пятиалтынный разговоръ, ну и за губернанку Лавровскую дешевле двухъ двугривенныхъ положить никакъ не возможно. Хучъ онѣ и губернанки, а благороднымъ ни въ чемъ не уступятъ. Костюмишко такой что, все равно, его бы и не было...

— А ну-ка... ты... тово...

— Вотъ сюда, ваше благородіе, пожалуйста, здѣсь двѣ ступенечки внизъ... Головку тутъ наклоните, чтобъ оттелева не примѣтили. Вотъ-съ такъ. А теперь можете располагаться... Пивка не прикажете ли

молодненькаго? Сей минутой бинокль протру, запотѣль что-то... Извольте взглянуть.

Смеркалось...

Усталый, проголодавшийся, выползъ Стрекачевъ изъ своего убѣжища и, отыскавъ ружье, спросилъ коряваго мужиченку, сладко дремавшаго на поваленномъ деревѣ:

— Сколько съ меня?

— Шесть рублей двадцать, ваше благородіе, да за пиво полтинничекъ.

— Шесть рублей двадцать?! Это за что же такое столько? Навѣрно, жульничаешь.

— Помилуйте-съ... Огрызкинскую госпожу положимъ рупь, да губернанка въ полтинникъ у насъ завсегда идетъ, да Дрягины—я ужъ мелюзги и не считаю,—да Синяковы трое съ бабушкой, да...

— Ну, ладно, ладно... Пошелъ высчитывать всякую чепуху!.. Получай!

— Счастливо оставаться! Благодаримъ покорниче!.. И подмигнувъ очень интимно, корявый мужиченка шепнулъ:

— А въ третьемъ и пятомъ номерѣ у меня съ обѣда наши Окрочеловскіе сидятъ. Ужъ и темно совсѣмъ, а ихъ никакъ не выкуришь. Веселые люди. дай имъ Богъ здоровья. Счастливо оставаться!

РѢЗНАЯ РАБОТА.

Недавно одинъ петроградскій профессоръ забылъ послѣ операціи въ прямой кишкѣ больного В. трубку (дренажъ) въ полъ-аршина длинной.

Въ операционной кипить работа.

— Зашивайте,—командуетъ профессоръ. — А гдѣ ланцетъ? Только сейчасъ тутъ былъ.

— Не знаю. Нѣтъ ли подъ столомъ?

— Нѣтъ. Послушайте, не остался ли онъ тамъ?..

— Гдѣ?

— Да тамъ же. Гдѣ всегда.

— Ну, гдѣ же?!!

— Да въ полости желудка.

— Здравствуйте! Больного уже зашили, такъ онъ тогда только вспомнилъ. О чемъ вы раньше думали?!

— Придется расшить.

— Только намъ и дѣла, что зашивать да расшивать. Впереди еще шесть операцій. Несите его.

— А ланцетъ-то?

— Богъ съ нимъ, новый купимъ. Онъ недорогой.

— Я не къ тому. Я къ тому, что въ желудкѣ остался.

— Разсосется. Слѣдующаго! Первый разъ оперируетесь, больная?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, я раньше у Дубинина оперировалась.

— Ага!.. Ложитесь. Накладывайте ей маску Считайте! Ну? Держите тутъ, растягивайте. Что за странность! Прощупайте-ка, collega... Странное затвердѣніе. А ну-ка... Ну, вотъ! Такъ я и думаль... Пенснѣ! Оригиналъ этотъ Дубининъ. отошлите ему, скажите—нашлось

— А жаль, что не ланцетъ. Мы бы имъ, вмѣсто пропавшаго, воспользовались... Зашивайте!

— А гдѣ марля? Я катушки что-то не вижу. Куда она закатилась?

— Куда, куда! Старая исторія. И что это у васъ за манія—оставлять у больныхъ внутри всякую дрянь.

— Хорошая дрянь! Марля, батенька, денегъ стоитъ

— Расшивать?

— Ну, изъ-за катушки... стоитъ ли?

— Я къ тому, что марля... въ животѣ...

— Разсосется. Я одинъ разъ губку въ желудокъ зашилъ и то нечего.

— Разсосалась?

— Нѣтъ, но оперированный горчайшимъ пьяницей сдѣлался.

— Да что вы!

— Натурально! Выпивалъ онъ потомъ, представьте, цѣлую бутылку водки—и ничего. Все губка впитывала. Но, какъ только животъ поясомъ потуже стянетъ—такъ сразу, какъ сапожникъ, пьянѣ.

— Чудеса!

— Чудеснаго ничего. Научный фактъ. Въ гостяхъ, гдѣ выпивка была бесплатная, онъ выпивалъ невѣроятное количество водки и вина и уходилъ домой совершенно трезвый. Потомъ дома уже—потреть руки, крикнуть: "Ну-ка, рюмочку выпить, что ли! И даванетъ себя кулакомъ въ животъ. Рюмку изъ губки выдавить, закусить огурцомъ, походить—опять: "Ну-ка, говорить, давнемъ еще рюмочку!.. Черезъ часъ—лыка не вяжетъ. Такъ пить по мѣрѣ надобности... Совсѣмъ какъ верблюдъ въ пустынь.

— Любопытная исто... Что вы дѣлаете? Что вы только дѣлаете, поглядите!!!... Вѣдь ему гланды нужно вырѣзать, а вы животъ разрѣзали!!!

— Гм... да... Заговорился. Ну, все равно разъ разрѣзаль—поглядимъ: нѣтъ ли тамъ чего?..

— Нѣтъ?
 — Ничего нѣтъ. Странно.
 — Разсосалось.
 — Зашивайте. Ффу! Усталъ. Закурить, что ли... Гдѣ мой портсигаръ?
 — Да тутъ онъ былъ; недавно только держали. Куда онъ закатился?
 — Неужто, портсигаръ зашили?
 — Оказія. Что же теперь дѣлать?
 — Что, что! Курить—смерть какъ хочется. И потомъ вещь серебряная. Расшивайте скорѣй, пока не разсосался!
 — Есть?
 — Нѣтъ. Пусто, какъ въ карманѣ банкрота.
 — Значить, у кого нибудь другого зашили. Всѣ оперированные здѣсь?
 — Неужели, всѣхъ а распарывать?
 — Много ли ихъ тамъ,—шесть человѣкъ! Порите.

 — Всѣхъ перепороли?
 — Всѣхъ.
 — Странно. А вотъ тотъ молодой человѣкъ, что въ двери выглядываетъ. Этого, кажется, пропустили. Эй, вы—какъ васъ?—ложитесь!
 — Да я...
 — Нечего тамъ,—не "да я"... Ложитесь. Маску ему. Считайте.
 — Да я...
 — Нажимайте маску крѣпче. Такъ. Гдѣ ножъ? Спасибо.
 — Ну? Есть?
 — Нѣтъ. Ума не приложу, куда портсигаръ закатился. Ну, очнулись, молодой человѣкъ?
 — Да я...
 — Что "вы", что "вы"?! Говорите скорѣе, некогда...
 — Да я не за операціей пришелъ, а отъ вашей супруги... Со счетомъ изъ башмачнаго магазина.
 — Что же вы лѣзете сюда? Только время отнимаете! Гдѣ же счетъ? Ложитесь, мы его сейчасъ извлечемъ.
 — Что вы! Онъ у меня въ карманѣ...
 — Разрѣзывайте карманъ! Накладывайте на брюки, маску...
 — Господинъ профессоръ, опомнитесь!.. У меня счетъ и такъ вынимается изъ кармана. Вотъ извольте.
 — Ага! Извлекли? Зашивайте ему карманъ.
 — Да я...
 — Слѣдующій!—бодро кричитъ профессоръ.—Очистите столъ. Это что тутъ такое валяется?
 — Гдѣ?
 — Да вотъ тутъ на столѣ.
 — Гм! Чей-то сальникъ. Откуда онъ?
 — Не знаю.
 — Сергѣй Викторовичъ, не вашъ?
 — Да почему жъ мой?!—огрызается ассистентъ.— Не меня же вы оперировали. Навѣрное, того больного у котораго камни извлекали.
 — Ахъ, ты жъ, Господи,—вотъ наказаніе! Верните его, скажите пусть захватить.
 — Молодой человѣкъ! Сальничекъ обростили...
 — Это развѣ мой?
 — Больше ничей, какъ вашъ.

 — Такъ что же я съ нимъ буду дѣлать? Не въ ру какъ же его носить... Вы вставьте его обратно!
 — Эхъ, вотъ возня съ этимъ народомъ! Ну, ложитесь. Вы уже поролись?
 — Нѣтъ я только зашивался.
 — Я у васъ не забылъ своего портсигара?
 — Ей Богу, въ глаза не видалъ... Зачѣмъ мнѣ...
 — Ну, что-то у васъ глаза подозрительно бѣгаютъ. Лежитесь! Маску! Считайте! Нажимайте! Растягивайте!
 — Есть?
 — Что-то такоу —нащупывается... Какое то инородное тѣло. Дайте.
 — Ну?
 — Пойдите... Что это? Нѣтъ, это не портсигаръ.

— Бумажка какая-то... Странно... Э, чортъ! Видите?
 — Ломбардная квитанція!
 — Ну, конечно: "Подержанный серебряный портсигаръ съ золотыми инициалами М. К.". Мой!
 Вотъ онъ куда закатился! Вотъ тебѣ и закатился..
 — Хе-хе, вотъ тебѣ и разсосался.
 — Оборотистый молодой человѣкъ!
 — Одесситъ, не иначе.
 — Вставьте ему его паршивый сальникъ и гоните вонъ, Больныхъ больше нѣтъ?
 — Нѣтъ.
 — Сюртукъ мнѣ! Ж-живо! Подайте сюртукъ.
 — Вашъ подать?
 — А то чей же?
 — Тутъ нѣтъ никакого сюртука.
 — Чепуха! Тутъ же былъ.
 — Нѣтъ!.. Неужели..?
 — Чортъ возьми, какой неудачный день! Опять сызнова всѣхъ больныхъ пороть придется. Скорѣе, пока не рязосался! Гдѣ фельдшерица?

— Нѣтъ ея..
 — Только что была тутъ!
 — Не зашили ли давеча ее въ одессита?!.
 — Неужели, разсосалась?..
 — Ну и денекъ!.. ..

ДРАМА ВЪ СЕМЬѢ БЫРДИНЫХЪ.

Въ богатыхъ апартаментахъ графа Бырдина раздался болѣзненный стонъ.
 Съ расширенными отъ ужаса глазами, схватившись за голову, застылъ графъ, и его взглядъ—
 взглядъ по мѣшаннаго—блуждалъ по страницѣ развернутаго иллюстрированнаго журнала.
 — Да, это такъ,—глухо произнесъ онъ.—Сомнѣній быть не можетъ!
 Испустивъ проклятіе, графъ схватилъ журналъ и помчался съ нимъ въ будуаръ графини.

* *

*

Графиня Бырдина—красавица роскошнаго? тѣлосложенія лежала на изящной козеткѣ и читала романъ въ желтой оберткѣ, изъ французскаго быта.

Ея высокая пышная грудь, какъ волна въ приливъ, вздымалась легкимъ дыханіемъ, бѣлыя полныя руки соперничали нѣжностью съ легкой воздушной матеріей пеньюара, а волнистая линія ведеръ свела бы съ ума самаго записного анахорета.

Вотъ какова была графиня Бырдина!

* *

*

Какъ вихрь, ворвался несчастный графъ въ будуаръ жены.

— Полюбуйтесь!—со стономъ произнесъ графъ (они не забывались даже, когда были съ глазу на глазъ и называли другъ друга всегда на "вы").—Полюбуйтесь

Читали!

— Что такое?—привстала встревоженная графиня.— Какое нибудь несчастье?

— Да ужъ... счастьемъ назвать это трудно!— горько произнесъ графъ.

Графиня судорожно схватила журналъ и на великолѣпномъ французскомъ языкѣ прочла указанное мужемъ мѣсто:

— "Въ предстоящемъ зимнемъ сеаонѣ модными сдѣлаются опять худыя женщины. Полныя фигуры, такъ нашумѣвшія въ прошломъ сезонѣ, по всѣмъ признакамъ, несомнѣнно, должны выйти изъ моды".

"Тихо сидѣла графиня, склонивъ голову подъ этимъ неожиданнымъ грубымъ ударомъ.

Ея потупленный взоръ остановился на туфелькахъ полной прекрасной ножки ея, нескромно обнаженной пеньюаромъ больше, чѣмъ нужно...

Съ туфелекъ взоръ перешелъ на колѣни, на прекрасный достойный рѣзца Праксителя станъ, и замеръ этотъ взоръ на высокой волнуемой груди.

И болѣзненный стонъ вырвался у графини. Какъ подкошенная, склонилась она къ ногамъ графа, обнимая его колѣни. Моментъ былъ такой ужасный, что оба, сами того не замѣчая, перешли на "ты".

— Простишь ли ты меня, любимый?! Пойми же, что я не виновата!! О, не покидай меня!..

Мрачно сдвинув брови, глядя на графа неотступно куда-то в угол.

— О, не гляди так!—простонала графиня.—Ну, хочешь уйдем от света! Я последую за тобой, куда угодно.

— Ха-ха-ха!—болтливо разсмѣялся граф—"куда угодно"... Но, вѣдь, и мода эта проникнет куда угодно. Нигдѣ не найдем мы мѣста, гдѣ на насъ бы смотрѣли безъ насмѣшки и язвительности. Всѣми презираемые, будемъ мы влачить бремя нашей жизни. О, Боже! Какъ тяжело!!

— Послушай!—робко прошептала графиня.—А, мо жетъ быть, все обойдется...

— Обойдется?—сардонически усмѣхнулся граф.— Скажи: считался ли до сихъ поръ нашъ домъ самымъ свѣтскимъ, самымъ моднымъ въ столицѣ?

— О, да!—вырвалось у графини.

— Чѣмъ же теперь будутъ считать нашъ домъ, если я покажу имъ хозяйку, въ самомъ началѣ сезона уже вышедшей изъ моды, какъ шляпка на головѣ свояченицы устьесольскаго околодочнаго?! Что вы на это скажете, графиня?

— О, не презирай меня,—зарыдала графиня.—Я постараюсь, я... я сдѣлаю все, чтобы похудѣть...

Графъ молча всталъ, холодно поцѣловалъ жену въ лобъ и вышелъ изъ будуара.

* *

*

Завѣдующая "институтомъ красоты" встрѣтила графа Бырдина очень радостно, но сейчасъ же осѣклась, увидѣвъ его мрачное разстроенное лицо.

— Графъ!—вскричала она.—Ваша супруга...

— Увы!—глухо произнесъ графъ. Онъ вынулъ журналъ, показалъ его притихшей хо зяйкѣ и потомъ, сложивъ умоляюще руки, простоналъ:

— Вы! На васъ вся надежда! Помогите... Послѣ долгаго раздумья и перелистыванія десятка спеціальныхъ книгъ, завѣдующая "институтомъ" вздохнула и рѣшительно произнесла:

— Выходи одинъ: вашей женѣ нужно похудѣть.

— Но какъ? Какъ?

— Одного режима и діеты мало Вамъ нужно еще почаше ее огорчать...

— Хорошо,—произнесъ графъ, и мучительная, страдальческая складка залегла на челѣ его.— Будетъ исполнено. Я люблю ее, но... будетъ исполнено!

* *

*

Въ тотъ же день графъ, зайдя къ женѣ, усѣлся на краю козетки и безо всякихъ предисловій началъ:

— Подвинься, чего тутъ разлеглась!

— Графъ!—кратко сказала жена.—Опомнитесь!..

— Я уже сорокъ лѣтъ, какъ графъ,—сурово прорычалъ графъ.—Но до сихъ. поръ не понимаю: какъ это люди могутъ цѣлыми днями валяться на козеткахъ, ровно ни черта не дѣлая, кромѣ чтенія глупѣйшихъ романовъ.

Графиня тихо заплакала.

— Да право! Работать нужно, матушка, хлѣбъ зарабатывать, а не висѣть на шеѣ у мужа.

— Графъ! Что вы говорите! Вѣдь у насъ около трехсотъ тысячъ годового дохода... зачѣмъ же мнѣ работать?

— Зачѣмъ? А зачѣмъ, что ты дура, вотъ и все.

— Графъ!?!..

— Вотъ ты мнѣ еще похнычешь!.. Дамъ по башкѣ, такъ перестанешь хныкать.

Графъ всталъ, холодно сложилъ на груди руки и сказалъ:

— Да, кстати! Я завелъ вчера любовницу, такъ ты тово... не очень-то много о себѣ воображай. Красивая канашка. Хо-хо-хо!

— Графъ!!

— Заладила сорока Якова: графъ да графъ! Думаю начать пить, а вечеромъ поѣду въ клубъ. Начну отъ нечего дѣлать нечисто играть. Выиграю деньги и обезпечу своихъ незаконныхъ ребятъ. Восемь-то ртовъ—всѣ ѣсть хотятъ! Не хнычь, тебѣ говорятъ! Давно я тебя за косы не таскалъ, подлюку?!

Пробормотавъ гнусное проклятіе, графъ выбѣжалъ изъ будуара, И тутъ на лицѣ его написалось страшное страданіе.

— О, моя бѣдная! О, моя любимая,—шептали его поблѣднѣвшія уста.—Для нашего общаго блага дѣлаю я это.

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, позвалъ всю мужскую и женскую прислугу и далъ всѣмъ точныя инструкціи, какъ имъ относиться къ графинѣ и какъ съ ней разговаривать.

* *

*

Точно тѣнь, бродила блѣдная похудѣвшая графиня по своимъ обширнымъ аппартаментамъ. Робко поглядывала она на двери кабинета мужа, но войти боялась...

Встрѣтила слугу Григорія, стиравшаго пыль съ золоченыхъ креселъ.

— Григорій, баринъ у себя?

— А чортъ его знаетъ,—отвѣчалъ Григорій, сплевывая на коверъ.—Что я сторожъ ему, что ли?

— Григорій! Вы пьяны?

— Не на твои деньги напился! Тоже фря выискалась. Видали мы такихъ! Почище даже видали.

— Ульянъ! Степанъ! Дорофей! возьмите Григорія— онъ пьянъ.

— Сдурѣли вы, что ли, матушка,—наставительно сказалъ старый съ сѣдыми бакенами дворецкій Ульянъ, входя въ гостиную.—Кричитъ тутъ, сама не знаетъ, чего. Нечего тутъ болтаться, вишь, человѣкъ работаетъ! Ступай себѣ въ будуваръ, пока не попало.

Внѣ себя отъ гнѣва, сверкая глазами, влетѣла графиня въ кабинетъ графа, писавшаго какія-то письма.

— Это еще что такое?!— взревѣлъ графъ, бросая въ жену тяжелымъ прессъ-папье.—Вонъ отсюда!! Всякія тутъ еще будутъ ходить. Пошла, пошла, вѣдьма кievская!

И когда жена, рыдая, убѣжала, графъ съ мучительнымъ вздохомъ снова обратился къ письмамъ...

Оаъ писалъ:

"Уважаемая баронесса! Къ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что двери нашего дома для васъ закрыты. Послѣ всего происшедшаго (не буду о семъ распространяться) ваше появленіе на нашихъ вечерахъ было бы оскорбленіемъ нашего дома. Графъ Бырдинъ".

"Кыягиня! Надѣюсь, вы сами поймете, что вамъ бывать у насъ неудобно. Почему? Не буду объяснять чтобы еще больше не обидѣть васъ. Такъ-то-съ! Графъ, Бырдинъ".

— Хорошія онѣ обѣ,—печально прошепталъ графъ.— Обѣ хорошія—и баронесса, и княгиня.—Но что же дѣлать, если въ нихъ пудовъ по пяти слишкомъ.

А графиня таяла, какъ свѣча. Даже самъ графъ Бырдинъ сталъ поглядывать на нее одобрительно и однажды даже похлопалъ по костлявому плечу.

Скелетикъ мой,—нѣжно прошепталъ онъ.

* *
*

Жуткій нечеловѣческій стонъ раздался въ ныхъ аппартаментахъ графа.

Остановившимися отъ ужаса глазами глядѣлъ графъ на страшныя, роковыя строки свѣжаго номера иллюстрированнаго журнала...

Строки гласили:

"Какъ быстро мѣняется въ наше время всесильная царица-мода! Только три мѣсяца тому назадъ мы сообщали, что устанавливается прочная мода на худыхъ женщиныцъ—и что же! Только три мѣсяца продержалась эта мода и канула въ вѣчность, уступивъ дорогу побѣдоносному шеотвию женщиныцъ рубенсовскаго типа, съ широкими мощными бедрами, круглыми плечами и полными круглыми руками. Ave, modes et robes для полныхъ женщиныцъ!!"

— Все погибло?—простоналъ графъ.—Я отказалъ отъ дому рубенсовской баронессѣ и тиціановской княгинѣ, а онѣ были бы украшеніемъ моего дома. Я извелъ жену, свелъ на нѣтъ ея прекрасное пышное тѣло.. Увы, мнѣ! Поправить все? Но какъ? До сезона осталось 2 недѣли... Что скажутъ?!

Мужественной рукой вынулъ онъ изъ роскошнаго футляра остро-отточенную бритву...

* *
*

Чье это хрипѣнье тамъ слышится? Чья алая кровь каплетъ на дорогой персидскій коверъ? Чьи ослабѣвшія руки судорожно хватаются за ножку кресла?

Графское это хрипѣнье, графская кровь, графокія руки...

И не даромъ поэтъ писалъ:

"Погибъ поэтъ, неводникъ чести"...

Спи спокойно!

* *
*
*

На похоронахъ платье графини Бырдиной было отдѣлано чернымъ валаньсеномъ, а сама она была отдѣлана на обѣ корки свѣтскими знакомыми за то, что погубила мужа, и за то, что не модная.

* *
*

Кладбище мирно дремлетъ... Тихо качаютъ ивы надъ могилой своими печальными верхушками:
— Дуравъ ты, молъ, дуракъ!..

ОТЧАЯННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. I

...Поѣздъ тронулся.

Мы помѣстились трое въ рядъ на мягкомъ вагонномъ диванѣ: я у окна, мой пріятель Незпяткинъ по-среди́нѣ, а по правую его руку—какой-то неизвѣстный намъ человекъ, съ быстрыми черными глазами, потонувшими въ темно-синихъ впадинахъ.

Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ, а на шеѣ было намотано такой иеимовѣрной длины кашне, что шея, голова и плечи напоминали гигантскую катушку нитокъ.

Едва поѣздъ тронулся, какъ я вынулъ изъ кармана журналъ и, примостившись поближе къ окну, погрузился въ чтеніе.

— Какъ мы мало заботимся о своемъ здоровьѣ,— замѣтилъ вдругъ незнакомецъ, обернувшись ко мнѣ съ самымъ привѣтливымъ видомъ.

— А что?

— Да вотъ, напримѣръ, вы читаете... Знаете-ли вы, что чтеніе въ вагонѣ поѣзда, находящагося въ движеніи—гибель для глазъ.

— Ну, ужъ и гибель!

— Вотъ, вотъ! всѣ вы, господа, такъ разсуждаете.. Мнѣ говорилъ одинъ нѣмецкій ученый профессоръ, что чтеніе въ вагонѣ—это ядъ для человѣческаго глаза. Лучше, говорилъ онъ, сразу взять и выжечь свои глаза кислотой, чѣмъ губить ихъ въ нѣсколько пріемовъ. Ужасъ!

— Да въ чемъ же тутъ вредъ?

— А какже. Какъ вамъ извѣстно, хрусталикъ глаза состоитъ изъ свѣтлой безцвѣтной жидкости, находящейся въ особомъ резервуарѣ. И вотъ если вы напрягаете хрусталикъ, то находящаяся въ немъ жидкость въ связи съ колебательными движеніями вагона начинаетъ постепенно высыхать... А въ связи съ этимъ высыханіемъ начинаетъ сжигаться и коробиться резервуаръ; яблоко глаза дѣлается не круглымъ, упругимъ и плотнымъ, какъ теперь, а вялымъ и мягкимъ, будто бурдюкъ, изъ котораго вылили вино. И вотъ однажды утромъ вы просыпаетесь и—простите за дешевый каламбуръ—вдругъ видите, что ничего не видите. Вотъ вы сейчасъ, напримѣръ, ощущаете нѣкоторую сухость въ глазу?

— Да... Какъ будто... Немножко.

— Ну, вотъ!.. Начинается... Извольте видѣть. Онъ замолчалъ. Я быстро перелисталъ журналъ, сразу увидѣлъ, что чтеніе тамъ было неинтересное и, поэтому, свернувъ его въ трубку, положилъ на верхнюю полочку.

— Разрѣшите мнѣ посмотреть вашъ журналъ,—непросилъ незнакомецъ.

— Пожалуйста! Тодько почему вы-то будете портить себѣ глаза?

— Ахъ, я въ этомъ отношеніи совершеннѣйшій безумецъ. Такъ разстраивать себѣ здоровье, какъ я— можетъ только самоубійца. Однажды мнѣ дали кокаинъ и что-же! Я сталъ его глотать чуть не чайными ложками. Въ Самарѣ я купался прошлымъ лѣтомъ въ проруби, а въ Петроградѣ мнѣ случалось пользоваться папиросами, вынутыми изъ кармана умершаго чумного.

Незпяткинъ всплеснулъ руками.

— Господи, какой ужасасъ! Кровь холодѣетъ.

— Еще-бы. Конечно, есть опасности явныя и есть тайныя. Вотъ, напримѣръ, вы сидите у окна. Знаете-ли вы что сквозь невидимый простымъ глазомъ щели въ рамѣ все время тянетъ тоненькій, какъ комариное жало сквознякъ, который, какъ стальная иголка, впивается въ легкія. Легочные пузырьки, охлаждаясь, лопаются, появляются сгустки, кровохарканье и...

— Что-жъ дѣлать, — съ блѣдной искусно сдѣланной улыбкой возразилъ я.—Кому-нибудь, все равно, приходится сидѣть у окна.

— Да давайте я сяду,—простымъ тономъ, какимъ вообще говорятся геройскія вещи, —сказалъ незнакомецъ.

— Однако, ваши легкія...

— Э! Мнѣ-ли жалѣть ихъ... Однажды въ Констаутинополѣ я два дня пробродилъ во время жестокихъ морозовъ въ одномъ пиджачкѣ. Въ Астрахани познакомился съ однимъ заклинателемъ змѣй... Ну-да чего тамъ говорить! Идите на мое мѣсто.

Мы пересѣли.

— Ну, знаете,— покачивая головой въ тактъ движенію вагона и обращаясь къ незнакомцу, замѣтилъ Незапяткинъ.—Онъ мой пріятель, я знаю его съ дѣтства, люблю его, но и я бы не сталъ такъ рисковать своей шкурой за другого.

— Э! Стоить-ли говорить объ этомъ, -- махнулъ рукой незнакомецъ.

Подсѣлъ поближе къ окну, развернулъ мой журналъ и погрузился въ чтеніе.

II.

Ѣзда въ вагонѣ безъ чтенія—очень скучная штука, Незнакомецъ читалъ, а мы съ Незапяткинымъ клевали носомъ, изрѣдка перебрасываясь лѣнивыми отрывочными фразами.

— Когда будемъ въ Тифлисѣ?

— Э! Еще не скоро.

— Время-то какъ тянется.

— Да ужъ.

— Душно въ вагонѣ.

— Да.

— Всюду зима, а тутъ весна.

— Это вѣрно.

— Смотри, какія деревья.

— Да. Большія.

Дочитавъ журналъ, незнакомецъ вернулъ его мнѣ, зѣвнулъ и сладко потянулся.

— Эхъ, поспать бы теперь!..

Онъ посмотрѣлъ на Незапяткина и сказалъ:

— Это самая подлая дорога въ Россіи.

— Почему?

— Почти каждый день столкновенія поѣздовъ.

— Что вы говорите! Почему-же въ газетахъ не пишутъ?

— Скрываютъ. Вы сами понимаете... Гм! Да. Сколько жертвъ!

— Жуткая вещь!—замѣтилъ Незапяткинъ, съ тревогой поглядывая на меня.

— А еще-бы!

— Самое скверное то,—сказалъ незнакомецъ,—что вагоны понастроены такими закоулочками.

Вотъ такъ, какъ мы сидимъ,—случись столкновеніе—пиши пропало!

— Почему?

— А какъ же! Смотрите: наши колѣки почти упираются въ стѣнку вагона. Представьте себѣ, на насъ налетѣлъ поѣздъ! Сейчасъ-же стѣна сосѣдняго вагона хлопаетъ по нашей стѣнѣ, а наша стѣна по нашимъ собственнымъ колѣнямъ. Давленіе въ нѣсколько сотъ атмосферъ.

— А что-же... случится?—тихо спросилъ Незапяткинъ, поглядывая на стѣнку вагона широко открытыми глазами.

— Какъ, что? Ноги ваши отъ удара моментально вонзаются въ вашъ животъ, выдавливаютъ оттуда печень, кишки, и вы складываетесь, какъ подозрѣнная труба. Да-съ, знаете... Непріятно почувствовать собственную берцовую кость въ томъ мѣстѣ, гдѣ определено природой быть только легкимъ и сердцу.

Мы, подавленные, молчали.

— Тазъ, конечно, вдребезги. Въ куски. И самое ужасное, что съ этого рода увѣчьями живутъ еще по три, четыре дня.

— Ну, а предположимъ,—спросилъ Незапяткинъ,—если пассажиръ въ моментъ столкновешя стоялъ въ корридорѣ? Опасность для него такая-же?

— Ничего подобнаго? Вы сами понимаете, что опасны не боковыя стѣнки, а передняя и задняя. Я зналъ въ Новоузенскѣ одного человѣка, который, единственный изъ сотни, остался живъ только потому, что бродилъ во время крушенія по корридору вагона. Семеновъ его фамилія. Электротехникъ.

Мы съ Незапяткинымъ молча поглядѣли другъ другу въ глаза и, безъ словъ, поняли одинъ другого.

Посидѣли для приличія еще минуты три, а потомъ я сказалъ:

— Совсѣмъ нога затекла. Пройтись, что-ли.

И я,—вскочилъ? Незапяткинъ.—Пойдемъ покуримъ.

III.

Когда мы вышли въ корридоръ, Незапяткинъ сказалъ, подмигнувъ:

— А ловко я это насчетъ куренія ввернулъ. Такъ то просто—было неудобно выйти. Онъ могъ бы подумать: трусы, моль. Испугались. Вѣрно?

— Конечно.

— А у него, однако, дьявольские нервы. Действительно, сознавать, что каждую минуту тебя может исковеркать, зажать, как торговую книгу в копиро вальномъ прессѣ—и въ то же время хладнокровно рассуждать объ этомъ.

— Посмотри-ка, что онъ дѣлаетъ? Незапяткинъ пошелъ взглянуть на нашего сумасброда и, вернувшись, доложилъ:

— Лежить чивой-то на диванѣ съ закрытыми глазами.

— Давай станемъ тутъ. Ближе къ срединѣ.

— А симпатичный онъ. Вѣрно?

— Да. Милый. Такой... предупредительный. Чѣмъ дальше, тѣмъ душнѣе было въ вагонъ. Чувствовалось приближенье юга.

— Что, если мы откроемъ окно?—прервалъ я.— Въ степи такая теплынь.

— Не открываются окна. Вагонъ еще на зимнемъ положеніи.

— Постой... А вотъ это окно! У него, кажется, эта задвижка еле держится. Ну-ка, потяни.

— Ножичкомъ-бы. Не увидитъ никто?

— Ничего. Потомъ скажемъ, что нечаянно. Рама съ легкимъ стукомъ упала—и намъ въ лицо пахнула сладкая прохлада напоенной ранними весенними ароматами степи.

— Какой воздухъ! Чувствуешь! Вотъ, что значить Кавказъ!

— Бальзамъ!

Мощные горы рисовались вдали легкими туманно голубыми призраками. Лаской вѣяло отъ теплаго воздуха и жирной пахучей земли.

... Часа два простояли мы такъ, почти не разговаривая, разнѣженные, задумчивые. Сзади насъ раздался голосъ:

— Что это вы тутъ дѣлаете?

Нашъ сосѣдъ по дивану стоялъ за моей спиной.

— Чувствуете, какой воздухъ?—спросилъ я.

— Да. Попробую-ка и я открыть другое окошечко.

— Нѣтъ,—возразилъ Незапяткинъ.— Всѣ окна задѣланы по зимнему положенію. Это единственное.

— Вотъ онъ, Кавказъ-то!—задумчиво замѣтилъ не знакомецъ.— Красивый, экзотическій, какъ змѣя-пифонъ но и ядовитый, какъ эта змѣя! Такъ-же могущей ужалить.

— Почему?

— Кавказъ-то? Вѣдь это разбойничья страна. Вотъ вы, напримѣръ, стоите у окна, тихо бесѣдуете, и вдругъ изъ-за того камня—бацъ! Пуля въ високъ, и вы безъ крика валитесь на полъ.

— Кто-же это... можетъ?

— Ясно, какъ день: туземцы. Да вотъ вчера въ газетахъ... не читали газетъ?

— Нѣтъ.

— Ну, какъ же. Такимъ точно образомъ стоялъ еврей, настройщикъ роялей, у открытаго окна. "Свѣжимъ воздухомъ дышалъ..." Бацъ! И не пикнулъ. Айзенштукъ фамилія.

— Да за что же, Господи!

— Абреки. Это у нихъ молодечество. Кто больше пассажировъ настрѣляетъ, тотъ большимъ уваженіемъ въ аулѣ пользуется. Кто меньше десятка уложилъ, за того ни одна дѣвушка замужъ не пойдетъ.

— Чортъ знаетъ что! Закроемъ окно, Незапяткинъ,

А позвольте-ка, я рискну,—хладнокровно сказалъ незнакомецъ, облакачиваясь на узенькій подоконникъ.— Послушайте... если меня тяпнетъ пуля, .. возьмите мои вещи и отошлите въ Тифлисъ на Головинскій проспектъ, 11—Михайленко.

Никогда я до сихъ поръ не видѣлъ, чтобы завѣщанія составлялись съ такимъ самообладаніемъ и быстротой.

Для очистки совѣсти мы попытались уговорить нашего сумасброда отойти отъ рокового окна, но онъ былъ непреклоненъ.

IV.

Выходя въ Тифлисъ изъ вагона, мы наткнулись на высокую красивую даму, встрѣчавшую нашего сумасброда.

— Ну, какъ доѣхалъ?—спросила она, цѣлуя его.

— Замѣчательно. Пока попадаютъ такіе поразительные спутники, какъ эти двое (онъ указалъ на насъ)—по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ еще можно ѣздить.

Усаживаясь на извозчика, Незапяткинъ сказалъ мнѣ:

— Слышалъ? говорить поразительные... Мы ему навѣрное, тоже понравились? Какъ ты думаешь?

Я пожалъ плечами.

А чѣмъ-же мы плохи?

ПЕРВЫЙ АНЕКДОТЪ ОБО МНѢ.

Недавно я съ ужасомъ прочелъ два анекдота объ извѣстныхъ людяхъ.

Первый былъ о покойномъ генералѣ Драгомировѣ.

Вотъ онъ—буквально:

"Какъ извѣстно, Драгомировъ отличался остроуміемъ и находчивостью.

Одинъ знакомый какъ-то спросилъ его:

— Что бы вы сдѣлали, если бы завтра получили извѣстіе, что турки перешли границу и находятся уже подъ Кіевомъ?

Ни слова не говоря, Драгомировъ снялъ съ пальца дорогое обручальное кольцо съ великолѣпнымъ брилліантомъ и сказалъ знакомому:

— Надѣньте это кольцо себѣ на ногу.

— Но это невозможно!—отвѣчалъ, вскрикнувъ, удивленный знакомый.

— Вотъ также невозможно, чтобы турки осмѣлились напасть на Россію,—хладнокровно отвѣтилъ покойникъ.

Эта манера рѣзко и прямолинейно, не стѣсняясь ни чѣмъ, говорить то, что онъ думаетъ, создала ему много враговъ, чего нельзя сказать объ окружающихъ".

Второй анекдотъ такой:

"Покойный поэтъ Минаевъ отличался замѣчательнымъ искусствомъ говорить экспромпты.

Вотъ одинъ изъ лучшихъ его экспромптовъ, сказан ныхъ на похоронахъ извѣстнаго въ то время желѣзно дорожнаго строителя М., отличавшагося всѣмъ извѣстной слабостью къ слабому полу, который имѣлъ нѣсколько побочныхъ семействъ, кромѣ прямого.

Именно, увидѣвъ погребальную колесницу съ трупомъ покойника, онъ сказалъ находившемуся тутъ же актеру, Б., большому любителю кутнуть и пріятелю начинавшаго входить въ моду Достоевскаго:

О, человѣче! Былъ ты глупъ— Теперь лежитъ предъ нами трупъ. Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра, Пока червякъ не съѣлъ твое все нутро.

Остроумные экспромпты извѣстнаго поэта доставляя ли ему въ свое время множество враговъ".

* *
*

Выше я сказалъ, что прочелъ эти два анекдота съ ужасомъ.

Дѣйствительно — вдумайтесь въ смыслъ всей этой полуграмотной чепухи: вплетаетъ ли она новые лавры въ чудесные вѣнки, которыми увѣнчаны оба "извѣстныхъ покойника".

И прочтя эти бессмысленныя строки, я, по ассоціаціи, призадумался надъ своей будущей судьбой.

Дѣйствительно: вчера въ одной изъ газетъ передъ моимъ именемъ я впервые увидѣлъ пряное, щекочущее слово: "известный".

Странное слово... Странное ощущеніе...

Итакъ—я "извѣстный"..

Неужели?

Я человѣкъ по характеру очень скромный, и никогда не думалъ о себѣ этого... Ну—пишу. Ну—читаютъ.

Но чтобы все это было до такой степени—вотъ ужъ не представлялъ себѣ!

И тутъ же я понялъ — какую громадную отвѣтственность налагаетъ на меня это слово.

— Дѣйствительно — когда я былъ неизвѣстный — пиши какъ хочешь, о чемъ хочешь и когда хочешь, ѣшь, какъ всѣ люди ѣдятъ, ходи въ толпѣ, толкаясь, какъ и другіе толкаются, и если на твоёмъ пути завязалась между двумя прохожими драка, — ты можешь остановиться, полюбоваться на эту драку или даже, въ зависимости отъ темперамента—принять въ ней дѣятельное участіе, защищая угнетенную, по твоему мнѣнію, сторону.

А въ новомъ положеніи съ титуломъ—"извѣстный" попробуй-ка!

Когда ѣшь—всѣ смотрятъ тебѣ въ ротъ. вмѣсто большого куска откусываешь маленькій кусочекъ, мизинецъ отставляешь, стараясь держать руку изящнѣе, и косточки отъ цыпленка уже не выплевываешь беззаботно на край тарелки (скажутъ—некрасиво), а, давясь, жуешь и проглатываешь, какъ какой-нибудь оголодавшій сеттеръ.

Съѣшь лишній кусокъ—всѣ глазѣющіе скажутъ— обжора.

Покажешься подъ руку со знакомой барышней— развратникъ.

Заступишься въ уличной дракѣ за угнетеннаго—всѣ закричатъ: буянъ, драчунъ! ("Навѣрное, пьянъ былъ!.. Вотъ они, культурные писатели... А еще извѣстный! Нѣтъ, Добролюбовъ, Бѣлинскій и Писаревъ въ драку бы не полѣзли").

И, благодаря этому, столько народа, заслуживающаго быть битымъ, остается не битымъ, что нравы грубѣютъ, и жизнь дѣлается еще тяжелѣе.

Наибольшая же трагедія—это тѣ „анекдоты о моемъ умѣ, находчивости и сообразительности, которые будутъ рассказываться и приводиться въ газетахъ (отдѣлѣ "смѣсь") послѣ моей смерти...

Воображаю:

„Извѣстный (разъ другіе писали, могу же и я написать?) писатель Аркадай Аверченко отличался дьявольской сообразительностью и находчивостью.

Одинъ знакомый спросилъ его:

— Кто, по-вашему, выше—Шекспиръ или Гѣте?

— Мой портной Кубакинъ,—отвѣчалъ остроумный писатель.

— Почему?—изумился ничего не подозревавшій знакомый.

— Потому,—улыбнулся покойникъ,—что онъ чуть не трехъ аршинъ росту.

Такими язвительными отвѣтами покойный юмористъ нажилъ массу враговъ среди сильныхъ міра сего.

* *
*

Конечно, никто изъ насъ не застрахованъ отъ такихъ "анекдотовъ", но я сдѣлаю слабую попытку застраховаться отъ нихъ.

Именно я рѣшилъ записывать самъ всѣ тѣ будущіе анекдоты, которые должны печататься послѣ моей смерти.

Для начала позволяю себѣ привести одинъ анекдотъ-фактъ обо мнѣ, имѣвшій мѣсто не болѣе мѣсяца тому лишили его тѣхъ немногихъ доствинствъ, который, я надѣюсь, отыщетъ въ немъ благосклонный читатель:

Изъ воспоминаній о покойномъ Аверченко.

Какъ извѣстно, покойный писатель любилъ въ хорошую минуту весело подшутить надъ своимъ ближнимъ, что доставляло ему много враговъ и тайныхъ недоброжелателей.

Приводимъ слѣдующій случай, правдивость котораго могутъ удостоверить многіе, пережившіе бѣднаго;

безвременно погибшаго писателя...

Однажды, будучи застигнутъ въ пути снѣжными заносами и отсиживаясь на какой-то глухой станціи, покойный писатель горько жаловался сосѣдямъ по вагону на то, что если пройдутъ еще сутки, то всѣмъ придется голодать.

Одинъ актеръ, сидѣвшій около, сталъ подтрунивать надъ Аверченко и, въ концѣ концовъ, заявилъ:

— Въдѣ завтра намъ всѣмъ уже придется бросать жребій — кому изъ насъ быть съѣденнымъ... Что вы скажете, Аркадій Тимофеевичъ, если жребій падетъ на васъ и мы васъ съѣдимъ?..

— Что я скажу?—отвѣтилъ, улыбаясь, симпатичный покойникъ.—Я скажу, что въ такомъ случае рискую очутиться въ дуракахъ.

Въ тотъ моментъ никто не понималъ этого загадочнаго отвѣта, но въ послѣдніе годы онъ подробно разъясненъ комментаторами писателя.

Вотъ, читатели, единственный пока анекдотъ обо мнѣ.

Нравится анекдотъ или нѣтъ—это другой вопросъ:

Но что онъ правдивъ—за это ручаюсь. Пріятно быть болѣе предусмотрительнымъ, чѣмъ такіе умные люди, какъ генераль Драгомировъ и поэтъ Минаевъ.

КАКЪ ЖЕНИЛСЯ ПОНАСЮКЪ.

I.

Будете?

— Гдѣ?

— На вечеринкѣ у Мыльниковъ.

— Ахъ, да. Я и забылъ, что нынче суббота—день обычной вечеринки у Мыльниковъ.

— Ошибаетесь. Сегодня вечеринка у Мыльниковъ именно—не обычная.

— А какая?

— Необычная.

— Что же случится на этой вечеринкѣ?

— Панасюкъ будетъ рассказывать, какъ онъ женился.

— Подумаешь—радость. Кому могутъ быть интересны матримоніальные курбеты Панасюка?..

— Съ луны вы свалились, что ли? Неужели вы ничего не слышали о знаменитой женитьбѣ Панасюка?

— Не слышалъ. А въ чемъ дѣло?

— Я, собственно, и самъ не знаю. Слышалъ только, что исторія потрясающая. Вотъ сегодня и

услышимъ,

— Что жъ... Пожалуй, пойду.

— Конечно, приходите. Мыльниковъ говорить, что это нѣчто грандіозное.

II.

Послѣ этого разговора я, все таки, немного сомневался, стоитъ ли идти на разглагольствованія Панасюка.

Но утромъ въ субботу мнѣ встрѣтился Передрягинъ, и между нами произошелъ такой разговоръ:

— Ну, что у васъ новаго?—спросилъ я.

— Да вотъ сегодня бенефисъ жены въ театрѣ. Новая пьеса идетъ.

— Значить, вы нынче въ театрѣ?

— Нѣтъ. У меня, видите ли, тестъ именинникъ.

— Ага. У тестя, значить, будете?

— Нужно было бы, да не могу. Долженъ провожать нынче начальника. Онъ за границу ѣдетъ.

— Чудакъ вы! Такъ вы бы и сказали просто, что провожаете начальника.

— Я его не провожаю. Я только сказалъ, что надо было бы. А, къ сожалѣнію, не смогу его проводить.

— Что же вы, наконецъ, будете дѣлать?!

— Вотъ тебѣ разъ! Будто вы не знаете!... Да вѣдь нынче Панасюкъ у Мыльникова будетъ о своей женитьбѣ докладывать.

— Тыфу ты, Господи! Рѣшительно вы съ ума сошли съ этимъ Панасюкомъ. Что особеннаго въ его женитьбѣ?

— Это нѣчто Гомеровское. Нѣчто этакое Шекспировское.

— Что же именно?

— Не знаю. Сегодня вотъ к услышимъ. Тутъ же я окончательно рѣшилъ идти слушать Па насюка.

III.

У Мыльникова собралось человѣкъ двадцать. Было душно, накурено. Панасюка, какъ рѣдкаго звѣря, загнали въ самый уголь, откуда и выглядывала его острая лисья мордочка, щедро осыпанная крупными коричневыми веснушками.

Нетерпѣніе росло, а Панасюкъ и Мыльниковъ оттягивали начало представленія, ссылаясь на то, что еще не всѣ собрались.

Наконецъ, гулъ нетерпѣливыхъ голосовъ разрѣшился взрывомъ общаго негодованія, и Панасюкъ далъ торжественное обѣщаніе начать рассказъ о своемъ бракѣ черезъ десять минутъ, независимо отъ того, всѣ ли въ сборѣ, или нѣтъ.

— Bravo, Панасюкъ.

— Благослови тебя Богъ, дуся.

— Не мучай насъ долго, Панасюченокъ. Тутъ же разнеслась среди собравшихся другая сенсация: рассказъ Панасюка будетъ исполненъ въ стихахъ. Панасюка засыпали вопросами:

— Какъ? Что такое? Развѣ ты поэтъ, милый Панасюкъ? Отчего же ты до сихъ поръ молчалъ? Мы бы тебѣ памятникъ поставили! Поставили бы тебя на кусокъ гранита, облили бы тебя жидкимъ чугуномъ—и стой себѣ на здоровье и родителямъ на радость.

— Я, господа, конечно, не поэтъ,— началъ Панасюкъ съ сознаниемъ собственного достоинства,—но есть, господа, такія вещи, такія чудеса, которія прозой не передашь. И въ данномъ случаѣ, по моему, человѣкъ, испытавшій это; если даже онъ и не поэтъ—все-таки, онъ обязанъ сухую скучную прозу переложить зъ звучные стихи!!!

— А стихи, дѣйствительно, звучные? — спросилъ осторожный Передрягинъ.

— Да, звучности въ нихъ не мало,—неопредѣленно отвѣтилъ Панасюкъ.—Вотъ вы сами услышите...

— Да ужъ пора,—раздался ревъ голосовъ.—Десять минутъ прошло.

— Рассказывайте, Панасюкъ!

— Декламируй, Панасище.

— Извольте,—согласился Панасюкъ.—Садитесь, господа, всѣ—такъ удобнѣе. Только предупреждаю: если будете перебивать—перестану рассказывать!

— О, не томите насъ, любезный Панасюкъ. Мы будемъ тихи, какъ трупы въ анатомическомъ театрѣ.

— И внимательны, какъ французъ къ хорошенькой жеищинѣ! .

— Панасюкъ, не терзайте!

— Начинаю, господа. Тихо!

IV.

Панасюк дернул себя за уголь воротника, пригладил жидкие белые волосы и начал глухим торжественным голосом:

Как я женился.

Я, не будучи поэтом, Расскажу, что прошлым летом, Жил на даче я в Терновке, Повинуясь капризу судьбы-плутовки.

Как-то был там вечер темный,

И ошибся дачей я...

Совершил поступок нескромный

И попал в чужую дачу, друзья. Выхожу комнату я незнакомую... Вдруг—издали шаги и голоса!! И ползу под кровать я, как нашкодное, Абсолютно провел там два часа.

Входит хозяин, а в руке у него двустволка...

Резкий звонок в передней перебил декламацию Панасюка на самом интересном месте.

Панасюк болезненно поморщился и недовольно сказал:

— Ну, вот, видите, и перебили. А говорили, что больше никого не будет...

Вошел запыхавшийся Сеня Магарычев.

— Не опоздал я?—крикнул он свежим с мороза, диссонирующим с общим настроением голосом.

— Носят тебя черти тут по ночам,—недовольно заметил Мыльников.—Не мог раньше прийти?! Панасюк уже давно начал.

— Очень извиняюсь, господин Панасюк,—распаркался Магарычев.—Надюсь, можно продолжать?

— Я так не могу, господа,—раскапризничался Панасюк.—Что же это такое: ходят тут, разговаривают, перебивают, мешают...

— Ну, больше не будем. Больше некому приходить. Ну, пожалуйста, милый Панасюк, ну, мы слушаем. Не огорчайте нас, дорогой Панасюк. Мы так заинтересованы... Это так удивительно, то, что вы начали.

— В таком случае,—кисло согласился Панасюк— я начну сначала. Я иначе не могу. — Конечно, сначала! Обязательно!

V.

Как я женился.

Я, не будучи поэтом, Расскажу, что прошлым летом Жил на даче я в Терновке, Повинуясь капризу судьбы-плутовки.

Как-то был там вечер темный,

И ошибся дачей я...

Совершил поступок нескромный

И попал в чужую дачу, друзья. Выхожу комнату я незнакомую, Вдруг— издали шаги и голоса!!

И ползу под кровать я, как нашкодное, Абсолютно провел там два часа. Входит хозяин, а в руке у него двустволка...

Мы все затали дыхание, заинтересованные развязкой этой странной истории, как вдруг мертвую паузу прорвал свистящий шопот экспансивного Вовы Ту беркуленко:

— Вот в этом месте ты, глупый Магарычев, и перебил чтение!.. Видишь?

Панасюк нахмурил свои брови и поднялся с места.

— Ну, господа, если вы каждую минуту будете перебивать меня, то тогда, конечно...я понимаю, что мне нужно сделать: я больше не произнесу ни слова!

— Чорт тебя потянул за язык, Туберкуденко!— раздались возмущенные голоса.—Сидеть бы и молчать!

— Да что же я, господа... Я только заметил Магарычеву, что он перебил нас на этом самом месте

"Входит хозяин, а в руке у него двустволка"...

— Нет, больше я говорить не буду,—угрюмо проворчал Панасюк.—Что же это такое: мешают.

— Ну, Панасюк! Милый! Алмазный Панасюк Даем тебе торжественное слово, что свиньи мы будем, базарные ослы будем, если скажем хоть словечко... Мертвецы! Склепы! Гробы!

— Так вот что я вам скажу, господа: если еще раздастся одно словечко или даже шопот—ну, вас! Ни звука от меня больше не добьетесь.

— Читай, драгоценное дитя. Декламируйте, талантливый Панасюк. Мы умираем от нетерпения.

VI.

И снова началъ Панасюкъ!

— Какъ я женился.

Онъ благополучно прочелъ первые десять строкъ... Когда началъ одиннадцатую—нахмурилъ предостерегающе брови и подозрительно поглядѣлъ на Туберкуленку и Магарычева.

Наконецъ, дошелъ до потрясающаго мѣста:

И полтъзъ подъ кровать я, какъ насѣкомое, Абсолютно провелъ тамъ два часа. Входить хозяинъ, а въ рукѣ у него дву... ствол...

Туберкуленко повелъ бровями и погрозилъ украдкой Магарычеву пальцемъ: тотъ смѣшливо дернулъ уголкомъ рта и сдѣлалъ серьезное лицо.

— Не буду больше читать, — сказалъ Панасюкъ, вставая съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и прыгающей нижней челюстью. — Что же это такое? Издѣвательство это надъ человѣкомъ?! Инквизиція?!

Всѣ были искренно возмущены Туберкуленкой и Магарычевымъ.

— Свины! Не хотите слушать—уходите!

— Господа, — вертѣлся сконфуженный Туберкуленко. — Да вѣдь я же ничего и не сказалъ. Только когда онъ дошелъ до хозяина съ двустволкой...

— Ну?!

— Я и вспомнилъ, что онъ уже два раза доходил до этого мѣста. И дальше ни на шагъ?!

— Ну?!

— Такъ вотъ я и испугался, чтобы и въ третій разъ кто нибудь не перебилъ его на "хозяинъ съ двустволкой".

VII.

Почти полчаса пришлось умолять Панасюка снова начать свою захватывающую повѣсть о томъ, какъ онъ женился. Клялись всѣ, били себя въ грудь, гарантировали Панасюку полное спокойствіе и тщательное наблюденіе за беспокойнымъ элементомъ.

И снова загудѣлъ глухой измученный голосъ Панасюка:

Какъ я женился.

Я, не будучи поэтомъ, Расскажу, что прошлымъ лѣтомъ...

Всѣ слушатели скроили звѣрскія лица и свирѣпо поглядывали другъ на друга, показывая всѣмъ своимъ видомъ, что готовы задушить всякаго, который осмѣлился бы хоть вздохомъ помѣшать Панасюку.

По мѣрѣ приближенія къ знаменитому мѣсту съ залѣзаніемъ подъ кровать, лица всѣхъ дѣлались напряженнѣе и напряженнѣе, глаза сверлили другъ друга съ самымъ тревожнымъ видомъ, нѣкоторыхъ охватила даже страшная нервная дрожь... А когда блѣдный Панасюкъ бросилъ въ толпу свистящимъ тономъ свое потрясающее:

"Входить хозяинъ, а въ рукѣ у него двустволка"...— грянулъ такой взрывъ неожиданнаго хохота, что дымный воздухъ заколебался, какъ студень, а одна электрическая лампочка мигнула, смертельно испуганная, и погасла. Панасюкъ вскопился и рванулся къ дверямъ...

Десятки рукъ протянулись къ нему; удержали; вернули; стояли всѣ на колѣняхъ и униженно ползая во прахъ, молили Панасюка начать свою поэму еще одинъ разъ: "самый послѣдній разокъ; больше не будемъ даже и просить"...

— Господа! Кричалъ Передрягинъ.— Дѣти мы, что ли, или идіоты какіе нибудь? Неужели мы на десять минутъ не можемъ быть серьезными? Вѣдь это даже смѣшно. Какъ дикари какіе-то!! Всѣ мы смертельно хотимъ дослушать эту удивительную исторію—и что же? Дальше 12-й строки не можемъ двинуться.

— Если бы ему перевалить только черезъ хозяина съ двустволкой,—соболезнующе сказалъ кто-то,—дальше бы уже пошло какъ по маслу.

VIII.

Долго уговаривали Панасюка; долго ломался Панасюкъ. Наконецъ, началъ съ торжественной клятвой, что "это въ самый, самый послѣдній разъ":

Какъ я женился.

Я, не будучи поэтомъ, Расскажу...

Каменные лица были у слушателей; мертвымъ по коемъ вѣяло отъ нихъ.

...Вижу комнату я незнакомую, Вдругъ— издали шаги и голоса! И полтъзъ подъ кровать я, какъ насѣкомое...

Сжатые губы, полузакрытые глаза ясно говорили, что обладатели ихъ рѣшили лопнуть, но выдержать то страшное давленіе, то ужасное желаніе, которое распирало cadaго.

Это были не люди,—это были мраморные статуи!
— ...Входит хозяинъ... а въ рукѣ у него... дву стволка...
Статуи заколебались, часть ихъ обрушилась на полъ катаясь въ судорогахъ ледящаго кровь смѣха, часть бросилась къ Панасюку, но онъ оттолкнулъ протянутыя руки и, замкнувшись самъ въ себя, закусивъ губу, молча вышелъ.

* *
*

Эта исторія на другой день разнеслась по всему городу.
И съ тѣхъ поръ никому, никогда и нигдѣ бѣдный Панасюкъ не могъ рассказать "исторію о томъ, какъ онъ женился"—дальше знаменитой фразы:
...Входитъ хозяинъ, а въ рукѣ у него двуствол... ха, ха!
Ха-ха-ха-ха-ха!

ОТДѢЛЪ II.

ОКРУЖАЮЩІЕ НАСЪ. ОКРУЖАЮЩІЕ.

Одинъ человѣкъ рѣшилъ жениться.

Мать.

— Я женюсь,—сказалъ онъ матери. Подумавъ немного, мать заплакала. Потомъ утерла слезы.
Сказала:

— Деньгами много?

— Не знаю.

— Ну, хоть такъ, тряпками-то—есть что-нибудь? Серебро тоже понадобится, посуда. А то потомъхватишься—ни ложечки, ни салфеточки, ни тарелочки... Все покупать нужно. А купчишки теперь такъ дерутъ, что приступу ни къ чему нѣтъ. Обстановку въ гостиной, я думаю, перемѣнить нужно, эта пообтрепалась такъ, что принять приличнаго человѣка стыдно. Перины есть? Пуховыя? Не спрашивалъ?

И не спросила мать:

— А любить тебя твоя будущая жена?

Любовница.

— Я женюсь,—сказалъ онъ любовницѣ. Любовница поблѣднѣла.

— А какъ же я?

— Ты постарайся меня забыть.

— Я отравлюсь.

— Если ты меня хоть немножко любишь — ты не сдѣлаешь этого.

— Я? Тебя? Люблю? Ну, знаешь ли, милый!.. Кстати ко мнѣ сегодня Сергѣй Ивановичъ три раза по телефону звонилъ. Думаю весной поѣхать съ нимъ на Кавказъ.

Помолчавъ, спросила:

— Что жъ она... богатая?

— Кажется.

И съ облегченнымъ сердцемъ подумала:

— Ну, значить, онъ меня оставляетъ изъ-за денегъ. Кажется, что это не такъ обидно. И не спросила любовница:

— А любить тебя твоя будущая жена?

Горничная.

— Я женюсь,—сказалъ онъ горничной.

— А какъ же я? Меня-то вы оставите? Или искать другое мѣсто?

— Почему же? Вы останетесь.

— Только имѣйте въ виду, баринъ, что ежели васъ двое, то жалованье тоже другое. Во-первыхъ, около женщины больше работы, а потомъ и мелкой стирки прибавится, то да сѣ. Не иначе, пять рублей прибавить нужно.

Даже въ голову не пришло горничной задать своему барину простой человѣческой вопросъ:

— А любить васъ ваша будущая жена?

Прохожій.

У прохожаго было такое веселое полупьяное располагающее къ себѣ лицо, что собиравшійся жениться человѣкъ улыбнулся прохожему и сказалъ:

— А я, знаете, женюсь.

— И дуракъ.

Растерялся собиравшійся жениться

— То есть?

— Да ужъ будьте покойны.

И, нырнувъ въ толпу, не догадался спросить этотъ прохожій...

— А любить васъ ваша будущая жена?

Д Р У Г Ъ.

— Я женюсь,—сказалъ онъ своему другу.

— Вотъ тебѣ разъ! Послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ другъ:

— А какъ же я? Значитъ нашей дружбѣ, крышка?

— Почему же? Мы, попрежнему, останемся друзьями. И только тутъ задалъ другъ вопросъ, который не задавалъ никто:

— А любить тебя твоя будущая жена? Взоръ человѣка, собиравшагося жениться, слегка затуманился.

— Не знаю. Думаю, что не особенно... Другъ, что-то соображая, пожевалъ губами.

— Красивая?

— Очень.

— М-дя... Н-да... Тогда конечно... Въ общемъ, я думаю: отчего бы тебѣ и не жениться?

— Я и женюсь.

— Женись, женись.

Холодно и неуютно живетъ намъ на бѣломъ свѣтѣ. Какъ тараканамъ за темнымъ вуступомъ остывшей печи.

ЗНАТОКЪ ЖЕНСКАГО СЕРДЦА.

I.

Когда на Макса Дзуутробникова напалъ приливъ откровенности, онъ простодушно признавался:

— Я не какой-нибудь тамъ особенный человѣкъ... О, нѣтъ! Во мнѣ нѣтъ ничего этакого... небеснаго. Я самый земной человѣкъ.

— Въ какомъ смыслѣ—земной?

— Я? Реалистъ-практикъ. Трезвая голова. Ничего небеснаго. Только земное и земное. Но психологъ. Но душу человѣческую я понимаю.

Однажды, сидя въ будуарѣ Евдокіи Сергѣевны и глядя на ея распухшіе отъ слезъ глаза, Максъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Плакали? Отъ меня ничего не скроется... Я психологъ. Не нужно плакать. Отъ этого нѣтъ ни выгоды, ни удовольствія.

— Вамъ бы только все выгода и удовольствіе,—покачала головой Евдокія Сергѣевна, заправляя подъ наколку прядь полусѣдыхъ волосъ.

— Обязательно. Вся жизнь соткана изъ этого. Конечно, я не какой-нибудь тамъ небесный человѣкъ. Я—земной. Но въ окружающей жизни разбираюсь во какъ.

— Да? А я вотъ вдвое старше васъ, а не могу разобраться въ жизни.

Она призадумалась и вдругъ рѣшительно повернула заплаканное лицо къ Максу.

— Скажите: Мастаковъ — пара для моей Лиды или не пара?

— Мастаковъ-то? Конечно, не пара.

— Ну, вотъ: то же самое и я ей говорю. А она и слышать не хочетъ. Влюблена до невѣроятности. Я ужъ, знаете,—грѣшный человѣкъ,—пробовала и наговаривать на него и отрицательныя стороны его выставять—и ухомъ не ведетъ.

— Ну, знаете... Это смотря какія стороны выставить... Вы что ей говорили?

— Да ужъ будьте покойны—не хорошее говорила:

что онъ и картежникъ, и мотъ, и женщины за нимъ бѣгаютъ, и самъ онъ-де къ женскому полу не

равно душень... Такъ расписала, что другая бы и смотрѣть не стала.

— Мамаша! Простите, что я называю васъ мамашей, но... въ умѣ ли вы? Вѣдь это нужно въ затмѣніи находиться, чтобы такое сказать!! Да знаете ли вы, что этими вашими наговорами, этими его пороками вы втрое крѣпче привязали ея сердце!! Мамаша! Простите, что я васъ такъ называю, но вы поступили по сапожнически.

— Да я думала, вѣдь, какъ лучше.

— Мамаша! Хуже вы это сдѣлали. Все дѣло испортили. Развѣ такъ наговариваютъ? Подумаешь — мотъ, картежникъ... Да, вѣдь, это красиво! Въ этомъ есть какое-то обаяніе. И Германъ въ "Пиковой дамѣ"— картежникъ, а смотрите, въ какомъ онъ ореолѣ хо дить... А отношеніе женщинъ... Да, вѣдь, она теперь, Лида ваша, гордится имъ, Мастаковымъ этимъ парши вымъ: "Вотъ, дескать, какой покоритель сердецъ!.. Ни одна передъ нимъ не устоитъ, а онъ мой!" Эхъ, вы! Нѣтъ, наговаривать, порочить, унижать нужно съ толкомъ... Вотъ я—наговорю, такъ наговорю! И глядѣть на него не захочетъ...

— Максъ... Милый... Поговорите съ ней.

— И поговорю. Другъ я вашей семьѣ или недругъ? Другъ. Ну, значить, моя обязанность позаботиться. Поговоримъ, поговоримъ. Она сейчасъ гдѣ?

— У себя. Кажется, письмо ему пишетъ.

— Къ чорту письмо! Оно не будетъ послано!.. Мамаша! Вы простите, что я называю васъ мамашей, но мы камня на камнѣ отъ Мастакова не оставимъ.

II.

— Здравствуйте, Лидія Васильевна! Письмецо строчите? Дѣло хорошее. А я зашелъ къ вамъ поболтать. Давно видѣли моего друга Мастакова?

— Вы развѣ друзья?

— Мы-то? Водой не разольешь. Я люблю его больше всего на свѣтѣ.

— Серьезно?

— А какъ-же. Замѣчательный человѣкъ. Кристальная личность.

— Спасибо, милый! Максъ. А то, вѣдь, его всѣ ругаютъ... И мама и... всѣ. Мнѣ это такъ тяжело.

— Лидочка! Дитя мое... Вы простите, что я васъ такъ называю, но... никому не вѣрьте! Про Мастакова говорятъ много нехорошаго,—все это ложь! Преотчаянная, зловонная ложь. Я знаю Мастакова, какъ никто! Рѣдкая личность! Душа изумительной чистоты!..

— Спасибо вамъ... Я никогда... не забуду...

— Ну, чего тамъ! Стоитъ ли. Больше всего меня возмущаетъ, когда говорятъ: Мастаковъ—мотъ! Мастаковъ швыряетъ деньги, куда попало! Это Мастаковъ-то мотъ? Да онъ, прежде, чѣмъ извозчика нанять, полчаса съ нимъ торгуется! Душу изъ него вымотаетъ. Отъ извозчика паръ идетъ, отъ лошади паръ идетъ и отъ пролетки паръ идетъ, А они говорятъ — мотъ!..

Раза три отойдетъ отъ извозчика, опять вернется, а все его изъ-за гривенника. Ха-ха! Хотѣлъ бы я быть такимъ мотомъ!

— Да развѣ онъ такой? А со мной когда ѣдетъ—никогда не торгуется.

— Ну, что вы... Кто же осмѣлится при дамѣ торговаться?! За то потомъ, послѣ катанья съ вами, придетъ бывало, ко мнѣ—и ужъ онъ плачетъ и ужъ онъ стонетъ, что извозчику цѣлый лишній полтинникъ передалъ. Жалко смотрѣть, какъ убивается. Я его, вѣдь, люблю больше брата. Замѣчательный человѣкъ. Замѣчательный!

— А я и не думала, что онъ такой... экононый.

— Онъ-то? Вы еще не знаете эту кристальную душу! Твоего, говоритъ мнѣ не нужно, но ужъ ничего и своего, говорить, не упущу. Ему горничная каждый вечеръ счетъ расходовъ подаетъ, такъ онъ копѣчки не упуститъ. "Какъ говорить, спички ты поставила 25 копѣекъ пачка, а на прошлой недѣлѣ онѣ 23 стоили? Куда двѣ копѣйки дѣла, признавайся". Право, иногда, глядя на него, просто зависть беретъ.

— Однако, онъ мнѣ нѣсколько разъ подносилъ цвѣты... Вонъ и сейчасъ стоитъ букетъ—бѣлыя розы и мимоза—чудесное сочетаніе.

— Знаю! Говорилъ онъ мнѣ. Розы четыре двадцать мимоза два сорокъ. Въ разныхъ магазинахъ покупалъ.

— Почему же въ разныхъ?

— Въ другомъ магазинѣ мимоза на четвертакъ дешевле. Да еще выторговалъ пятнадцать копѣекъ. О, это настоящій американецъ! Воротнички у него, напримѣръ, гуттаперчевые. Каждый вечеръ резинкой чистить. Стану я, говорить, прачекъ обогащать. И вѣрно—съ какой стати? Иногда я гляжу на него и думаю: "вотъ это будетъ мужъ, вотъ это отецъ семейства!" Да... счастлива будетъ та дѣвушка, которая...

— Постойте... Но, вѣдь, онъ получаетъ большое жалованье! Зачѣмъ же ему...

— Что? Быть такимъ экононымъ? А вы думаете, пока онъ васъ не полюбитъ, ему женщины мало стоили?

— Ка-акъ? Неужели онъ платилъ женщинамъ? Какая гадость!

— Ничего не гадость. Человѣкъ онъ молодой, сердце не камень, а женщины, вообще, Лидочка

(простите, что я называю васъ Лидочкой),—страшныя дуры.

— Ну, ужъ и дуры.

— Дуры!—стукнулъ кулакомъ по столу разгорячившійся Максъ.—Спрашивается: чѣмъ имъ Мастаковъ не мужчина?—Такъ нѣтъ! Всякая носъ воротитъ. Онъ, го воритъ она, неопрятный. У него всегда руки грязныя. Такъ что жъ, что грязныя? Велика важность! За то душа хорошая! За то человѣкъ кристальный! Эта вотъ, напримѣръ, изволите знать?.. Марья Кондратьевна Ноздрякова—изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я тоже, положимъ, не знаю. Но это не важно. Такъ вотъ она вдругъ заявляетъ: "Никогда я больше не поцѣлую вашего Мастакова—противно".—"Это по чему-же-съ, скажите на милость, противно? Кристальная чудесная душа, а вы говорите—противно?..."—"Да и, говорить, сию вчера около него, а у него по воротнику насѣкомое ползеть..."—Сударыня! Да, вѣдь, это случай! Можетъ, какъ-нибудь нечаянно съ кровати заползло",—и слышать не хочетъ глупая баба!" У него, говорить, и шея грязная". Тоже подумаешь, несчастье, катастрофа! Вотъ, говорю, уговорю его сходить въ баню, помыться—и все будетъ въ порядкѣ! "Нѣтъ говорить! И за сто рублей его не поцѣлую. За сто не поцѣлуешь, а за двѣсти, небось, поцѣлуешь. Всѣ онѣ хороши, женщины ваши.

— Максъ... Все-таки, это неприятно, то, что вы говорите...

— Почему? А по моему, у Мастакова ярко выраженная индивидуальность... Протестъ какой-то красивый. Не хочу чистить ногти, не хочу быть какъ всѣ. Анархистъ. Въ этомъ есть какой-то благородный про тестъ.

— А я не замѣчала, чтобы у него были ногти грязныя...

— Обкусываетъ. Всѣ великіе люди обкусывали ногти. Наполеонъ тамъ, Спиноза, что ли. Я въ календарѣ читаль.

Максъ, взволнованный, помолчалъ.

— Нѣтъ, Мастакова я люблю и глотку за него всякому готовъ перервать. Вы знаете, такого мужества, такого терпѣливаго перенесенія страданій я не встрѣчалъ. Настоящій Муцій Сцевола, который руку на сковородкѣ изжарилъ.

— Страніе? Развѣ Мастаковъ страдаетъ?!

— Да. Мозоли. Я ему нѣсколько разъ говорилъ:

почему не срѣжешь? "Богъ съ ними, говорить. Не хочу возиться". Чудесная дѣтская хрустальная душа...

III.

Дверь скрипнула. Евдокія Сергѣевна заглянули въ комнату и сказала съ затаеннымъ вздохомъ:

— Мастаковъ твой звонитъ. Тебя къ телефону проситъ...

— Почему это мой?—нервно повернулась въ креслѣ Лидочка.—Почему вы всѣ мнѣ его навязываете?! Скажите, что не могу подойти... Что газету читаю. Пусть позвонитъ послѣзавтра... или въ среду—не суть важно.

— Лидочка, — укоризненно сказалъ Двуутробниковъ,—не будьте такъ съ нимъ жестоки. Зачѣмъ обижать этого чудеснаго человѣка, эту большую ароматную душу!

— Отстаньте вы всѣ отъ меня!—закричала Лидочка падая лицомъ на диванную подушку.—Никого мнѣ, ничего мнѣ не нужно!!!

Двуутробниковъ укоризненно и сокрушенно покачалъ головой. Вышелъ вслѣдъ за Евдокіей Сергѣвной и, деликатно взявъ ее подъ руку, шепнулъ:

— Видалъ-миндалъ?

— Послушайте... Да, вѣдь, вы чудо сдѣлали!! Да вѣдь, я теперь вѣкъ за васъ молиться буду.

— Мамаша! Сокровище мое. Я самый обыкновенный земной человѣкъ. Мнѣ небеснаго не нужно. Зачѣмъ молиться? Завтра срокъ моему векселю на полтора ста рублей. А у меня всего восемьдесятъ въ карманѣ. Если вы...

— Да, Господи! Да, хоть всѣ полтора ста!.. И, подумавъ съ минуту, сказалъ Двуутробниковъ снисходительно:

— Ну, ладно, что ужъ съ вами дѣлать. Полтора ста, такъ полтора ста. Давайте!

РОКОВОЙ ВОЗДУХОДУЕВЪ.

Наклонившись ко мнѣ, сверкая черными глазами и страдальчески искрививъ ротъ, Воздуходуевъ прошепталъ:

— Съ ума ты сошелъ, что ли? Зачѣмъ ты познакомилъ свою жену со мной?!

— А почему же васъ не познакомить?—спросилъ я удивленно.

Воздуходуевъ опустился въ кресло и долго сидѣлъ такъ, съ убитымъ видомъ.

— Эхъ!—простоналъ онъ.—Жалко женщину.

— Почему?

— Вѣдь ты ее любишь?

— Ну ... конечно.
— И она тебя?
— Я думаю.
— Что жъ ты теперь надѣлалъ?
— А что?!

— Прахомъ все пойдетъ. Къ чему? Кому это было нужно? И такъ въ мірѣ много слезъ и страданій... Неужели еще добавлять надо?
— Богъ знаетъ, что ты говоришь,—нервно сказалъ я.—Какія страданія?
— Главное, ее жалко. Молодая, красивая, любить тебя (это очевидно) и... что жъ теперь? Дернула тебя нелегкая познакомить насъ...
— Да что съ ней случится?! — Влюбится.

— Въ кого?!

Онъ высокомерно, съ оттѣнкомъ легкаго удивленія поглядѣлъ на меня.
— Неужели, ты не понимаешь? Ребенокъ маленькій, да? Въ меня.
— Вотъ тебѣ разъ! Да почему же она въ тебя должна влюбиться? Удивился онъ:
— Да какъ же не влюбиться? Всѣ влюбляются. Ну, разсуждай ты логично: если до сихъ поръ не было ни одной встрѣченной мною женщины, которая въ меня бы не влюбилась, то почему твоя жена должна быть исключеніемъ?
— Ну, можетъ быть, она и будетъ исключеніемъ. Онъ саркастически усмѣхнулся. Печально поглядѣлъ вдаль,
— Дитя ты, я вижу. О, какъ бы я хотѣлъ, чтобы твоя жена была исключеніемъ... Но—увы! Исключенія попадаютъ только въ романахъ. Влюбится, братъ, она. Влюбится. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.
— Пожалѣлъ бы ты ее,—попросилъ я. Онъ пожалъ плечами.
— Зачѣмъ? Отъ того, что я ее пожалѣю, чувства ея ко мнѣ не измѣнятся. Ахъ! Зачѣмъ ты насъ познакомишь, зачѣмъ познакомишь?! Какое безуміе!
— Но, можетъ быть... Если вы не будете встрѣчаться...
— Да вѣдь она меня уже видѣла?
— Видѣла.
— Ну, такъ при чемъ тутъ "не встрѣчаться"? Лицо мое вытянулось.
— Дѣйствительно... Втяпались мы въ исторію.
— Я жъ говорю тебѣ!
Тяжелое молчаніе. Я тихо пролепеталъ
— Воздухоевъ!

— Ну?
— Если не ее, то меня пожалуй.
Въ глазахъ Воздухоева сверкнулъ жестоюй огонекъ.
— Не пожалѣю. Пойми же ты, что я не господинъ, а рабъ своего обаянія, своего успѣха. Это—тяжелая цѣпь каторжника, и я долженъ влачить ее до самой смерти.
— Воздухоевъ! Пожалѣй!
Въ голосъ его сверкнулъ металлъ;
— Н-нѣтъ!
Въ комнату вошла молодая барышня, хрупкаго вида блондинка, съ разъ навсегда удивленными сѣрыми глазами.
— Анна Лаврентьевна!—всталъ ей на встрѣчу Воздухоевъ.—Отчего вы не пришли ко мнѣ?
— Я? Къ вамъ? Зачѣмъ?
— Женщина не должна спрашивать: "зачѣмъ?". Она должна идти къ мужчинѣ безъ силы и воли, будто спящая съ открытыми глазами, будто сомнамбула.
— Что вы такое говорите, право? Какъ такъ я пойду къ вамъ ни съ того, ни съ чего.
— Слабѣтъ,—шепнулъ мнѣ Воздухоевъ.—По слѣднія усилія передъ сдачей.
И отчеканилъ ей жесткимъ металлическимъ тономъ:
— Я живу: Старомосковская, 7. Завтра въ три четверти девятого. Слышите?
Анна Лаврентьевна бросила взглядъ на меня, на Воздухоева, на вино, которое мы пили, пожала плечами и вышла изъ комнаты.
— Видалъ?—нервно дернувъ уголкомъ рта, спросилъ Воздухоевъ.—Еще одна. И мнѣ жалко ее. Барышня, дочь хорошихъ родителей... А вотъ, поди жъ ты!
— Неужели придетъ?!
— Она-то? Побѣжитъ. Сначала, конечно, борьба съ собой, колебанія, слезы, но, по мѣрѣ приближенія назначеннаго часа—роковыя для нея слова: "Воздухоевъ, Старомосковская, 7"—эти роковыя слова все громче и громче будутъ звучать въ душѣ ея. Я вбилъ ихъ, вколотилъ въ ея душу—и ничто, никакая сила не спасетъ эту дѣвушку.

— Воздуходуевъ! Ты безжалостенъ.

— Что жъ дѣлать. Мнѣ ее жаль, но... Я думаю, Господь Богъ сдѣлалъ изъ меня какое-то орудіе наказанія и направляетъ это орудіе противъ всѣхъ женщинъ. (Онъ горько, надтреснуто засмѣялся). Атилла, бичъ Божій.

— Ты меня поражаешь! Въ чемъ же разгадка твоего такого страшнаго обаянія, такого жуткаго успѣха у женщинъ?

— Отчасти, наружность,—задумчиво прошепталъ онъ, поглаживая себя по впалой груди и похлопывая по острымъ колѣнямъ.—Ну, лицо, конечно, взглядъ.

— У тебя синее лицо,—замѣтилъ я съ отгѣнкомъ почтительнаго удивленія.

— Да. Брюнетъ. Частое бритье. Иногда это даже надоѣдаетъ.

— Бритье?

— Женщины.

— Воздуходуевъ!.. Ну, не надо губить мою жену, ну, пожалуйста.

— Тссс! Не будемъ говорить объ этомъ. Мнѣ самому тяжело. Постой, я принесу изъ столовой другую бутылку. Эта суха, какъ блескъ моихъ глазъ.

Следующую бутылку пили молча. Я думалъ о своемъ непривѣтливомъ суровомъ будущемъ, о своей любимой женѣ, которую долженъ потерять,—и тоска щемила мое сердце.

Воздуходуевъ, не произнося ни слова, только поглядывалъ на меня да потиралъ свой синій жесткій подбородокъ.

— Ахъ!—вздыхнулъ я, наконецъ.—Если бы я пользовался такимъ успѣхомъ...

Онъ странно поглядѣлъ на меня. Лицо его все мрачнѣло и мрачнѣло—съ каждымъ выпитымъ стаканомъ.

— Ты бы хотѣлъ пользоваться такимъ же успѣхомъ?

— Ну, конечно!

— У женщинъ?

— Да.

— Не пожелалъ бы я тебѣ этого.

— Безпокойно?

Онъ выпилъ залпомъ стаканъ вина, со стукомъ поставилъ его на столъ, придвинулся, положилъ голову ко мнѣ на грудь и, послѣ тяжелой паузы, сказалъ совершенно неожиданно:

— Мой успѣхъ у женщинъ. Хотѣла бы одна собака посмотрѣла на меня! Хотѣла бы кухарка какая-нибудь подарила меня любовью... Сколько я получилъ отказовъ! Сколько выдержалъ насмѣшекъ, издѣвательствъ... Били меня. Одной я этакъ-то сообщилъ свой адресъ, по обыкновенію гипнотизируя ее моимъ властнымъ тономъ, а она послушала меня, послушала, да—хлопъ! А самъ я этакъ вотъ назначу часъ, дамъ адресъ и сижу дома, какъ дуракъ: а вдругъ, молъ, явится.—Никто не является?—сочувственно спросилъ я.

— Никто. Ни одна собака. Вѣдь я давеча при тебѣ бодрился, всякіе ужасы о себѣ рассказывалъ, а вѣдь мнѣ плакать хотѣлось. Я вѣдь и женѣ твоей успѣлъ шепнуть роковымъ тономъ "Старомосковская, семь, жду въ десять". А она поглядѣла на меня, да и говорить: "Дуракъ вы, дуракъ, и уши холодныя". Почему уши холодныя? Не понимаю. Во всемъ этомъ есть какая-то загадка... И душа у меня хорошая, и, наружностью я не уродъ—а вотъ, поди жъ ты! Не везетъ. Умомъ меня тоже Богъ не обидѣлъ. Наоборотъ, нѣкоторыя женщины находили меня даже изысканно-умнымъ, остроумнымъ. Одна баронесса говорила, что сложенъ я замѣчательно—прямо хотѣла сейчасъ лѣпить статую. Да что баронесса! Тутъ изъ за меня двѣ графини перецарапались. Такъ одна все время говорила, что "вы, молъ, едва только прикоснетесь къ рукѣ—я прямо умираю отъ какого-то жуткаго, жгучаго чувства страсти". А другая называла меня "барсомъ". Барсъ, говоритъ, ты этакій. Ей Богу. И какъ странно: только что я съ ней познакомился, адреса даже своего не далъ, а она сама вдругъ: „Я, говоритъ, къ вамъ пріѣду. Не гоните меня! Я буду вашей рабой, слугой, на колѣняхъ за вами поползу"... Смѣшныя онѣ всѣ. Давеча и твоя жена "Отъ васъ, говоритъ, исходитъ какой-то токъ. У васъ глаза холодныя, и это меня волнуетъ"...

Послѣ долгихъ усилій я уловилъ-таки взглядъ Воздуходуева. И снова читалось въ этомъ взглядѣ, что Воздуходуевъ уже усталъ отъ этого головокружительнаго успѣха, и что ему немного жаль взбалмошныхъ безвольныхъ, какъ мухи къ меду, льнущихъ къ нему женщинъ...

Съ нѣкоторыми людьми вино дѣлаетъ чудеса.

МАТЕРИНСТВО.

Въ 4 года.

Двѣ крохотныхъ дѣвочки сидятъ на подоконникѣ, обратившись лицами другъ къ другу, и шепчутся.

— Твоя кукла не растеть?

— Нѣтъ... Ужъ чего, кажется, я ни дѣлала.

— Я тоже. Маленькая все, какъ и была. Ужь я ее и водой потихоньку поливала и за ноги тянула—ника кихъ гвоздей!

— Какихъ гвоздей?

— Никакихъ. Это дядя Гриша такъ говорить:
пусто— и никакихъ гвоздей!..

Серафима, сидящая слѣва, угнетенно вздыхаетъ:

— А живыя дѣти растутъ.

— Весело! Сегодня дите два аршина, завтра сто— весело!

— Когда выйду замужъ, будутъ у меня дѣтишки— одна возня съ ними.

— Симочка,—шепчетъ другая, глядя вдаль широко раскрытыми глазами.— А сколько ихъ будетъ?

— Пять. У одного будутъ черненькіе глазки, а у другого зелененькіе.

— А у меня будетъ много-много дитѣвъ!

— Ну, не надо, чтобы у тебя много! Лучше у меня много.

— Нѣтъ, у меня! У одного будутъ розовые глазки у другого желтенькіе, у другого бѣленькіе, у другого

красненькіе.

Зависть гложетъ сердце Симочки:

— А я тебя ударю!

Дергаетъ свою многодѣтную подругу за волосы. Плачетъ.

Святое материнство!

Въ 12 лѣтъ.

— Федоръ Николаичъ! Вы уже во второмъ классѣ? Поздравляю.

— Да, Симочка. Вы говорили, что когда я чего-нибудь достигну, вы... этого... женитесь на мнѣ. Вотъ... я... достигну..

— Поцѣлуйте мнѣ... руку... Федоръ Николаичъ.

— Симочка! я никогда не унижался съ женщинами до этого, но вамъ извольте-я цѣлую руку! Мнѣ для васъ ничего не жалко.

— Разъ вы поцѣловали, намъ нужно пожениться. Какъ вы смотрите на дѣтей?

— Если не ревутъ—отчего же.

— Слушайте, Федоръ Николаичъ... Я хочу такъ:

чтобы у насъ было двое дѣтей. Одинъ у меня отъ васъ, а другой у васъ отъ меня.

— Я бы, собственно, трехъ хотѣлъ.

— А третій отъ кого же?

— Третій? Ну, пусть будетъ нашъ общій.

— Одѣну я ихъ такъ: мальчика въ черный бархатный костюмчикъ, на дѣвочкѣ розовое, съ голубымъ бантомъ.

— Наши дѣти будутъ счастливыя.

— Въ сорочкахъ родятся.

— И лучше. Пока маленькія—пусть въ сорочкахъ и бѣгаютъ. Дешевле.

— Какой вы практикъ. А мнѣ все равно. Лишь бы дѣти.

Святое материнство!

Въ 18 лѣтъ.

Разговоръ съ подругой:

— Симочка! Когда ты выйдешь замужъ—у тебя будутъ дѣти?

— Конечно! Двое. Мальчикъ—инженеръ съ темными усиками, матовая блѣдность, не курить, медленныя благородныя движенія; дѣвочка— известная артистка. Чтобы такъ играла, что всѣ будутъ спрашивать: "Господи, да кто же ея мать? Ради Бога, покажите намъ ея мать". Потомъ я ее выдамъ замужъ... За художника:

блѣдное матовое лицо, темные усики, медленныя благородныя движенія, и чтобы не курилъ.

Святое материнство!

Въ 22 года.

— Я, конечно, Сережа противъ дѣтей ничего не имѣю, но теперь... когда ты получаешь сто сорокъ да сестрѣ посылаешь ежемѣсячно двадцать восемь... Это безуміе.

— Но, Симочка...

— Это безумно! понимаешь ты? До безумія это безумно. Постарайся упрочить свое положеніе и тогда...

Святое материнство!

Въ 30 лѣтъ.

— Сережа! Мнѣ еще 27 лѣтъ, и у меня фигура, какъ у дѣвушки... Подумай, что будетъ, если появится -ребенокъ? Ты не знаешь, какъ дѣти портятъ фигуру...

— Странно... Раньше ты говорила, что не хочешь плодить нищихъ. Теперь, когда я богатъ...

— Сережа! Я для тебя же не хочу быть противной! Мнѣ двадцать седьмой годъ, и я... Сережа! Однимъ словомъ—время еще не ушло!

Святое материнство!

Въ 48 лѣтъ

— Докторъ! Помогите мнѣ—я хочу имѣть ребенка!!! Понимаете? Безумно хочу.

— Сударыня. Въ этомъ можетъ помочь только мужъ и Богъ. Сколько вамъ лѣтъ?

— Вамъ я скажу правду—46. Какъ вы думаете: въ этомъ возрастѣ можетъ что-нибудь родиться?

— Можетъ!

— Докторъ! Вы меня воскрешаете.

— У васъ можетъ, сударыня, родиться чудесная, здоровенькая, крѣпкая... внучка!

ПРОФЕСІОНАЛЬ.

На скачкахъ или въ театрѣ—это не важно—бритый брюнетъ спросилъ бородатаго блондина:

— Видишь вотъ этого молодого человека съ темными усиками, въ пенснэ?

— Вижу.

— Это Мушуаровъ.

— Ну?

— Мушуаровъ.

Лошадь ли пробѣжала мимо, или любимая актриса вышла на сцену—не важно, но что-то, однимъ словомъ, отвлекло вниманіе друзей, и разговоръ о Мушуаровѣ прекратился.

И только возвращаясь со скачекъ или изъ театра— это не важно—бородатый блондинъ спросилъ бритого брюнета:

— Постой... Зачѣмъ ты мнѣ давеча показаль этого Мушуарова?

— А какъ же! Замѣчательный человѣкъ.

— А я его нашель личностью совершенно незначительной. Что-жъ онъ, сыворотку противъ чумы открыль, что-ли?

— Еще забавнѣе. Пользуется безмѣрнымъ, потрясающимъ успѣхомъ у женщинъ!

— Дѣйствительно. При такой тусклой наружности— это замѣчательно.

— Непостижимо.

— Загадочно.

— Таинственно.

— И ты не знаешь тайны этого безумнаго успѣха?

— Совершенно недоумѣваю.

А у Мушуарова, дѣйствительно, была своя тайна. Скушавъ за своимъ одинокимъ столомъ супъ, котлеты и клюквенный кисель, Мушуаровъ съ зубочисткой въ лѣвомъ углу рта, поднимается съ мѣста и—сытый, отяжелѣвшій—лѣниво бредетъ въ кабинетъ; усаживается удобнѣе въ кожаное кресло, поднимаетъ голову, будто что-то вспоминая (очевидно, номеръ одного изъ многихъ телефоновъ) и, наконецъ, нажавъ кнопку, цѣдитъ сквозь торчащую въ зубахъ зубочистку:

— Центральная? Дайте, барышня, 770—17. Благодарю васъ.

— Кто говоритъ?—доносится издалека свѣжій женскій голосъ.

— Вы, Екатерина Николаевна? Здравствуйте, Екатерина Николаевна. Здравствуйте...

Странно: въ голосѣ его звучитъ самая неподдѣльная хватающая за душу печаль.

— Мушуаровъ? Здравствуйте. Что скажете?

— Что скажу? Скажу, что вы должны быть нынче вечеромъ у меня. Слышите? Я такъ хочу.

— Послушайте... Опять за старое? Вѣдь я вамъ уже сказала, что не люблю васъ, и, право, удивляюсь...

— Екатерина Николаевна,—тихо, съ какой-то странной сдержанностью отчеканиваетъ Мушуаровъ.—Конечно, всякій воленъ поступать, какъ ему заблагоразсудится, и я даже смотрю на это дѣло такъ: всякій имѣетъ право умертвить другого человека, если, конечно, душа его молчитъ и ему не страшно принять кровавый грѣхъ на эту душу...

— Кто кого умерщвляетъ? Что вы такое говорите?

— Слово "умерщвляетъ" я употребилъ въ фигуральномъ смыслѣ, но это почти такъ...

Онъ дѣлаетъ долгую паузу. Эта пауза леденить сердце Екатерины Николаевны. Ей кажется, что Мушуаровъ въ этотъ моментъ подперъ голову рукой и погрузился въ мрачныя мысли.

Однако, пауза дѣловаго Мушуарова не пропадаетъ даромъ: онъ успѣваетъ взглянуть на часы, поправить отстегнувшійся брелокъ и бросаетъ въ корзину для бумягъ какой-то скомканный конвертъ, неряшливо бѣлѣвшій на коврѣ.

— Да... Итакъ—прощайте, Екатерина Николаевна... Довольно. Я рѣшилъ вамъ сказать объ этомъ потому, что думаю—вамъ такъ будетъ легче.

— О чемъ сказать? Я васъ не понимаю.

— Не понимаете?—криво усмѣхается въ трубку Мушуаровъ.—Вы меня всю жизнь не понимали... А сейчасъ у меня къ вамъ одна просьба: ради Бога, не ходите ко мнѣ на панихиды, не провожайте меня на кладбище—терпѣть не могу всей этой пошлятины.

— Мушуаровъ!!!—тонкой струной болѣзненно звенить голосъ невидимой Екатерины Николаевны.—Съ ума вы сошли? Что вы такое говорите!!

— Екатерина Николаевна,—горько смѣется Мушуаровъ,—телефонъ многіе ругаютъ, но вотъ вамъ одно изъ его преимуществъ: вы со мной говорите, слышите сейчасъ мой голосъ, но удержать меня отъ того, что я задумалъ, измѣнить мое рѣшеніе—вы не можете! Когда вы повѣсите трубку, то черезъ пять минутъ...

Голосъ его срывается отъ волненія; онъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана часы, хлопаетъ крышкой раза два у самой телефонной трубки и, закусивъ губы, говорить со стономъ:

— Слышите вы это щелканье курка? Мой маузеръ чуетъ кровь и щелкаетъ зубами, какъ голодный волкъ передъ кровавымъ пиромъ!..

— Мушуаровъ, милый... Ради Бега, одну минутку,— доносится издалека торопливый, испуганный голосъ.— Подождите, не вѣшайте трубку... Дайте мнѣ честное слово, что вы не повѣсите трубку, пока меня не выслушаете...

— Хорошо,—соглашается Мушуаровъ.—Ради того чувства, которое теперь уносить меня въ невѣдомый міръ, я выслушаю васъ.

— Мушуаровъ, голубчикъ! Подумайте только,—что вы хотите сдѣлать?.. Жизнь такъ прекрасна...

— Безъ васъ? Ха-ха-ха! Вы меня смѣшите, Екатерина Николаевна. Нѣтъ, ужъ—что тамъ и говорить...

— Мушуаровъ! Еще одну минутку... Вы ради меня не должны дѣлать это съ собою! Подумайте, какой вы готовите мнѣ ужасъ, какая предстоитъ мнѣ страшная жизнь... Жить съ сознаніемъ, что на твоей совѣсти смерть человѣка... Пожалѣйте меня, Мушуаровъ!

— О Екатерина Николаевна! Къ чему такія громкія слова? Черезъ двѣ-три недѣли ваши терзанія утихнутъ, а черезъ годъ-два вы и думать позабудете, что гдѣ-то, когда-то жилъ такой сѣрый, незамѣтный человѣчекъ Мушуаровъ, который умеръ потому, что любилъ. Что я вамъ такое? Кустикъ при дорогѣ, мимо котораго проходитъ путникъ по своимъ дѣламъ; смялъ путникъ своей ногой этотъ кустикъ и даже не замѣтилъ своего поступка...

— Мушуаровъ! Вы не сдѣлаете этого. Горько смѣется Мушуаровъ.

— Ну, не будемъ объ этомъ говорить, Екатерина Николаевна. Довольно. У меня лежатъ двѣ ваши книги. Мои родственники потомъ, конечно, не откажутся выдать ихъ вамъ... Что еще? Да! Я вамъ проигралъ на пари цвѣты, не успѣлъ послать—извините меня... Прощайте, Екатерина Николаевна... Не поминайте лихъ...

— Пойдите!!! Мушуаровъ!!! Ахъ, какъ вы мѣня мучаете...

— А вы думаете, мнѣ легко?

— Одну минутку!!! Чего вы отъ меня хотите? - Я? Отъ васъ? Богъ съ вами. Ничего я отъ васъ не хочу. Да-а... А, въ сущности, какое это странное чувство... Черезъ пять-шесть минутъ...

— Пойдите!!! Вѣдь вы просили, чтобы я къ вамъ...пріѣхала?

— Екатерина Николаевна! Не будемъ говорить о томъ, что невозможно!

— Ну... а если бы, я... пріѣхала?..

— Къ чему? Пріѣдете, чтобы сказать, что вы ко мнѣ равнодушны? Нѣтъ, зачѣмъ же. Я насиловать вашу волю не хочу. Я не такой. Итакъ—прощ...

— Одну минутку, сумасшедшій!!1 Ну, а если мнѣ просто хочется васъ видѣть— можно къ вамъ пріѣхать?

— Что жъ... пріѣзжайте.

— И вы даете мнѣ слово, что до моего пріѣзда... вы... не выкинете никакого... безумства...

— Ха! Ха! Вы хотите сдѣлать осужденному маленькую отсрочку? Что-жъ... спасибо за милосердіе.

— Мушуаровъ, Мушуаровъ... Что вы со мной дѣлаете!.. Пауза.

— Мушуаровъ... Черезъ часъ я буду у васъ.

— Дворянская, второй домъ отъ угла, парадная дверь, третій этажъ, дверь налѣво. Я самъ вамъ открою.

Гдѣ-то далеко отъ Дворянской (второй домъ отъ угла) мечется сердобольная женская душа; какъ подстреленная охотникомъ птица, мечется женщина, натываясь на стулья и двери, въ поискахъ шляпы, кофточки, боа... Нужно торопиться, потому что Богъ знаетъ, что можетъ произойти отъ ея промедленія на Дворянской, второй домъ отъ угла.

А на Дворянской происходитъ вотъ что:

— Марья! — кричитъ Мушуаровъ, поднимаясь съ кресла.— Приготовь самоваръ, купи конфетъ, тѣхъ, знаешь, что я давеча говорилъ, да грушъ купи, что-ли... яблокъ. А сама потомъ проваливай, куда хочешь.

— "Проваливай", — ворчитъ, на кухнѣ обиженная Марья.— Самъ бы ты лучше провалился. И вѣдь поди-жъ ты,—мозглякъ, кажется, такой, что и глядѣть не на что. А баба къ нему прямо стѣной идетъ. Слово онъ такое знаетъ, что ли, али что?..

У Мушуарова впереди еще часъ. Дѣлать нечего, а настроеніе хорошее. Надо дать исходъ живымъ силамъ, буйно бродящимъ внутри.

— Марья-а-а!

— Чего кричите? Тутъ я.

— Дай мнѣ рубашку.

— Уходить думаете?

— Не твое дѣло. Поймай... Какую же ты мнѣ рубашку даешь... ночную? Дура! мнѣ нужно съ твердыми манжетами.

— Вотъ извольте. Чистенькая.

— Безтоlochъ! Ты мнѣ грязную дай. Которую я давеча надѣвалъ.

— Эва! Да вѣдь она грязная.

— Ой! Что это за женщина! Она меня въ могилу сведетъ. Если ты такъ глупа, то исполняй мои приказанія буквально! Возьми изъ грязнаго бѣлья ту сорочку, которую я снялъ вчера, и принеси мнѣ. Поняла? На одну минуту! Потомъ унеси. Поняла?

Со вздохомъ бредетъ Марья на кухню. Приноситъ сорочку.

— Гдѣ лѣвая манжета? Вотъ эта? Хорошо, что ты еще въ стирку ее не вздумала отдать. Гдѣ тутъ карандашомъ записано? А, вотъ! 237—542. А теперь забирай свою дурацкую рубашку и проваливай. Центральная?

Алло! Дайте, барышня, 237—542. Отъ всего сердца спасибо. Это кто у телефона?.. Горничная? Позови, голубушка, барыню. Скажи, Мушуаровъ проситъ. Поймай! Поймай! Ты такъ и скажи: "проситъ, дескать, къ те лэфону господинъ Мушуаровъ, и что они, молю, будто не въ себѣ. Будто, молю, что-то случилось". Поняла?

Ждетъ Мушуаровъ. Беретъ изъ вазочки остро-отточенный карандашъ, начинаетъ рисовать человека съ неувереннымъ профилемъ и глазомъ, похожимъ на французскую булку.

— Алло! — слышитъ онъ. — Что такое случилось Мушуаровъ? Чѣмъ вы такъ взволнованы?

— Ничего особеннаго,—говоритъ Мушуаровъ, часто и тяжело дыша,—Ничего, ничего... Только я хотѣлъ спросить: нѣтъ ли у васъ случайно револьвера?

— Револьвера? Нѣтъ, не имѣется. А вамъ на что?

— Да такъ, знаете. Воры, можетъ быть, залѣзутъ, такъ я... въ нихъ... Впрочемъ, лучше не разспрашивайте, нѣтъ! Не нужно ничего у меня спрашивать...

— Успокойтесь, я не любопытна. Это все, что вы хотѣли у меня спросить? Ну, всякихъ вамъ благъ.

— Пойдите, Вѣра Петровна... Я у васъ еще что-то хотѣлъ спросить...

— Ну?

— У васъ случайно нѣтъ опиума? Или кусочка циганстага кали?

— Тоже для воровъ? Послушайте, Мушуаровъ... Вѣдь это же не крысы, которыхъ можно травить мышьякомъ. Подумайте, вамъ нужно сначала поймать вора, потомъ связать его, потомъ всунуть ему въ ротъ циганский кали—сколько возни!..

Изъ трубки вылетаетъ цѣлый снопокъ серебристаго смѣха.

Мушуаровъ болѣзненно морщится.

— Къ чему вы... такъ? Не хорошо смѣяться надъ человѣкомъ, который...

Онъ дѣлаетъ паузу, отпивая изъ стакана чай и снова взглянувъ на часы.

Издалека спрашиваютъ:

— Который... что?

— Котораго вы, можетъ быть, больше не увидите.

— Въ Австралию уѣзжаете?

— Нѣтъ,—глухимъ голосомъ отвѣчаетъ Мушуаровъ.— Но вы мнѣ вчера сказали, что вы любите другого, и что я для васъ нуль. Остальное—поймите.

— Голубчикъ, Мушуаровъ... Но что же дѣлать, если это такъ?!

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я вѣдь ничего и не говорю. Но только... я самъ не знаю, почему я къ вамъ позвонилъ. Мнѣ такъ хотѣлось въ послѣдній разъ услышать вашъ голосъ...

— Въ послѣдній разъ? Эй, ай, вы! Дядя! Да вы не думаете ли изъ-за меня стрѣляться?

— Вѣра Петровна! И вы говорите объ этомъ—такимъ тономъ?
— Извините, если я васъ обидѣла. Ну, давайте поговоримъ, какъ слѣдуетъ. Вы хотите изъ-за меня стрѣляться?

— Да... Вѣра... Петровна... Къ чему эта глупая скучная волынка, называемая жизнью, если вы не хотите быть моей?

— Такъ если же я васъ не люблю. Ну, что же мнѣ дѣлать? Посудите сами!

— Что-жъ... Склоняюсь передъ судьбой. Значить, такъ ужъ у меня на роду написано. Ну... Не поминайте лихомъ...

— До свиданія, милый...

— Послушайте! Вѣра Петровна... И неужели вамъ меня ни капельки не жалко?

— Ну, какъ не жалко. Жалко. Только я думаю, что вы этого не сдѣлаете.

— Вѣра Петровна... Ровно въ 12 часовъ ночи однимъ глупцомъ съ пробитымъ пулей вискомъ станетъ на нашей нелѣпой планетѣ меньше.

— Вы эго рѣшили категорически?

— Да!

— И ничто не измѣнитъ вашего рѣшенія?

— Да!

— Печально. Въ такомъ случаѣ, прощайте. Все-таки

— желаю вамъ одуматься.

— Нѣтъ! Одуматься? Ха.ха! Что Мушуаровъ рѣшилъ

— это свято! Завтра меня не будетъ въ живыхъ.

Онъ молчитъ, судорожно дыша. Послѣ нѣкоторой паузы говорить тихо, раздѣляя слоги:

— Прощайте. Не поминайте лихомъ... Склонивъ голову, ждетъ отвѣта.

— Алло! Я говорю—про-щай-те... Не поминайте лих... Вѣра Петровна! Вы у телефона? Алло! Барышня! Почему вы разъединили? Что? Тамъ трубку уже повѣсили? Не можетъ быть!! Дайте туда звонокъ. Алло;

— Вѣра Петровна?..

— Да, это я, Мушуаровъ? Что вы еще хотѣли сказать?..

— Насъ разъединили.

— Нѣтъ, это я сама повѣсила трубку. Вы что же, еще что-нибудь хотите сказать?

— Да. У меня одна къ вамъ просьба...

— Пожалуйста. Если смогу...

— Одна къ вамъ просьба: не приходите ко мнѣ на панихиду и не провожайте на кладбище... Это такая пошлятина—эти всѣ разговоры, пересуды... Общаете?

— Общаю.

— Ну... пр.. прощайте. Благослови васъ Господь.

— Мерси. Всѣхъ благъ.

Слышенъ стукъ повѣшенной трубки. Мушуаровъ долго сидитъ, ошеломленный. Проводитъ рукой по лбу.

— Вотъ дрянъ-то! Кто-бы могъ ожидать? Шель почти навѣрное и—на тебѣ! Ну, и чортъ съ ней. Однако, это плохо, что такъ вышло. Завтра смѣяться еще будетъ, другимъ расскажетъ... Гм!..

Долго ходить по своему кабинету Мушуаровъ, потирая лобъ и бормоча невнятные слова...

Наконецъ, рѣшительно подходитъ къ столу, придвигаетъ листъ толстой почтовой бумаги. Пишетъ:

"Вѣра Петровна. Какъ странно: былъ я боленъ и вдругъ сразу будто выздоровѣлъ, будто прозрѣлъ... Я васъ любилъ... Боже ты мой, какъ я васъ любилъ! Жизнь безъ васъ казалась мнѣ пучиной мрака... Вы мнѣ казались идеальной женщиной, свѣтлымъ лучомъ, ангеломъ доброты и ласки... И, не получивъ вашей любви, я рѣшилъ умереть. Мое рѣшеніе было безповоротно, и о немъ я сказалъ вамъ, думая, что такъ для насъ обоихъ будетъ легче. Я сказалъ вамъ... И на что же я наткнулся—я, уже приговорившій себя къ смерти?! На издѣвательство, смѣхъ, холодное, ледяное равнодушіе влюбленной въ себя эгоистки...И подумалъ я: изъ-за такой женщины—умирать? Изъ за такого черствого сухаря, не способнаго на высокій подъемъ души—лишать себя жизни? Нѣтъ! Она не достойна этого! И я рѣшилъ жить, убивъ свою любовь и взрастивъ на ея мѣстѣ холодное полупрезрительное равнодушіе... Нѣтъ! Не ради васъ Мушуаровъ разстанется со своей безумной жизнью. Вотъ о чемъ я нынче продумалъ всю ночь, и о чемъ сейчасъ, измученный этой безсонной ночью—пишу. Прощайте. Когда-то вашъ— Спиридонъ Мушуаровъ."

Въ передней раздался звонокъ.

— Пришла?—подумалъ Мушуаровъ, заклеивая письмо.—То-то же. Все-таки, какъ-никакъ, а процентовъ шестьдесятъ на этомъ дѣлѣ очищается...

ИСПОВѢДЬ, КОТОРАЯ ОБЛЕГЧАЕТЪ.

... Послѣ заутрени рѣшили идти разговляться къ Крутонову.

Пошли къ нему трое: два—веселые, оживленные, Вострозубовъ и Полянский,— шагали впереди, а сзади брелъ третій—размяченный торжественной заутреней, задумчивый, какой-то внутренне просвѣтленный.

Фамилію этотъ третій носилъ такую: Мохнатыхъ.

Когда пришли къ Крутонову, поднялась сразу веселая суета, звонъ стакановъ, стукъ ножей и вилокъ...

И опять трое были оживлены, включая и хозяина, а Мохнатыхъ попрежнему поражалъ своимъ задумчивымъ, растроганно-печальнымъ видомъ.

— Что съ тобой такое дѣлается, Мохнатыхъ?—спросилъ озабоченный Крутоновъ, разливая въ стаканы остатки четвертой бутылки.

— Эхъ, господа,—со стономъ воскликнулъ Мохнатыхъ, опуская пылающую голову на руки.— Можетъ быть, это единственный день, когда хочется быть чистымъ, невиннымъ, какъ агнецъ,—и что же! Никогда такъ, какъ въ этотъ день, ты не чувствуешь себя негодяемъ и преступникомъ!

— Мохнатыхъ, что ты! Неужели, ты совершилъ преступленіе?—удивились пріатели.

— Да, господа! Да, друзья мои,—простоналъ Мохнатыхъ, являя на своемъ лицѣ всѣ признаки плачущего человѣка.—Какъ тяжело сознавать себя отбросомъ общества, преступникомъ...

Хозяинъ разлилъ по стаканамъ остатки пятой бутылки и дружески посовѣтовалъ:

— А ты покайся. Гляди, и легче будетъ. По тону словъ хозяина Крутонова можно было безошибочно предположить, что въ этомъ совѣтѣ не заключалось ни капли альтруистическаго желанія облегчить душевную тяжесть пріателя Мохнатыхъ. А просто хозяинъ былъ снѣдаемъ самимъ земнымъ, низшаго порядка любопытствомъ: что это за преступленія, кото рья совершилъ Мохнатыхъ?

Разлилъ остатки шестой бутылки и еще разъ посовѣтовалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, покайся, Мохнатыхъ. Можетъ мы тебя и облегчимъ какъ-нибудь.

— Конечно, облегчимъ,—пообѣщали Востроаубовъ и Полянский.

— Дорогіе вы мои,—вдругъ вскричалъ въ необыкновенномъ экстазѣ Мохнатыхъ, поднимаясь съ мѣста.— Родные вы мои. Недостойнъ азъ, многогрѣшный, сидѣть среди васъ, чистыхъ, свѣтлыхъ и вкушать изъ одной и той же бутылки пресвѣтлое сіе питіе. Грѣшникъ я есмь, дондеже не...

— Ты лучше по-русски говори,—посовѣтовалъ Полянский.

— И по-русски скажу,—закричалъ въ самозабвеніи Мохнатыхъ:—И по французски, и по итальянски скажу—на всѣхъ языкахъ скажу! Преступникъ я, господа, и мытарь! Знаете ли вы, что я сдѣлалъ? Я нашему директору Топазову японскія марки дарилъ. Чилійскія, аргентинскія, капскія марки я ему дарилъ, родные вы мои...

Крутоновъ и Вострозубовъ удивленно переглянулись..

— Зачѣмъ же ты это дѣлалъ, чудакъ?

— Чтобъ подлизаться, господа, чтобы подлизаться. Пронюхалъ я, что собираетъ онъ марки,—хотя, и скрывалъ это тщательно старикъ! Пронюхалъ. А такъ какъ у него очищается мѣсто второго секретаря, то я и тово... Сталъ ему потаскивать рѣдкія марочки. Подлизуюсь, думаю, а онъ меня и назначить секретаремъ!

— Грѣхъ это, Мохнатыхъ,—задумчиво опустивъ голову, сказалъ хозяинъ Крутоновъ.—Мы всѣ работаемъ, служимъ честно, а ты—накося! Съ марочками подѣхалъ. Что жъ у него марочекъ-то... полная уже коллекція?

— Въ томъ-то и дѣло, что не полная! Нужно еще достать болгарскую выпуска семидесятаго года и какую-то египетскую съ обелискомъ. Тогда, говорить, съ секретарствомъ что-нибудь и выгорить.

— И не стыдно тебѣ?—тихо прошепталъ Крутоновъ.—Гнусно все это и противно. Марки-то эти можно гдѣ-нибудь достать?

— Говорятъ, есть такой собиратель, Илья Харитонычъ Тпрундинъ,—у котораго все, что угодно есть. Разущу его и достану.

— Омерзительно,—пожевалъ губами Крутоновъ.— Семидесятаго года болгарская-то?

— Семидесятаго. Горько мнѣ, братцы.

— Ну, что жъ,—пожалъ плечами Вострозубовъ.— Ты намъ признался, и это тебя облегчило. Если больше никакихъ грѣховъ нѣтъ...

— Нѣту грѣховъ? У меня-то?—застоналъ Мохнатыхъ.—А банковская операція съ купцомъ Тросносовымъ—это что? Это святое дѣло, повашему?

— Постой—тихо сказалъ Вострозубовъ, беря Мохнатыхъ подъ руку и отводя его въ сторону.—Ты имъ этого не говори; они не поймутъ. А я пойму. Вотъ—выпей и расскажи.

— И расскажу! Все расскажу!! Ничего не потаю. Пьянствовали мы недавно съ купцомъ Троеносовымъ.

Онъ и давай хвастаться своей чековой книжкой. "Видалъ, говоритъ, книжку? Махонькая, кажется? Корова языкомъ слизнетъ—и нѣтъ ея!! А большая, говоритъ, въ ней сила. Тутъ я, говоритъ, проставлю цифру, тутъ фамилію—и на тебѣ, получайте. Хоть десять тысячъ, хоть двадцать тысячъ!" Хвастался этакъ-то, хвастался, да и заснулъ. А я возьми съ досады, да и выдери одинъ листочекъ...

— Мохнатыхъ?! — съ негодованіемъ вскричалъ Вострозубовъ. — Неужели...

И снова громко застоналъ Мохнатыхъ.

— Да! Да! Каюсь ради великаго праздника! Три тысячи вывелъ я на листочкѣ, подписалъ "И. Троеносовъ"—благо онъ какъ курица пишетъ—и въ ту же недѣлю получилъ. Тошно мнѣ, братцы, ой, какъ тошно!!

— Куда же ты ихъ дѣвалъ, несчастный?

— А я пошелъ въ другой банкъ да на текущий счетъ всѣ три тысячи и положилъ. Вотъ и чековая книжечка, въ родѣ Троеносовской.

— Какая грязь! Покажи... Книжечку.

— Вотъ видишь... Тутъ сумма и число ставится, тутъ фамилія...

— Неужели, ни на одну минуту, Мохнатыхъ, совѣсть не схватила тебя за сердце, не ужаснулся ты?... А фамилія получателя развѣ тутъ не ставится?

— Ни-ни! На предъявителя. Понимаешь, какъ удобно. Предъявилъ ты чекъ, и расписокъ никакихъ съ тебя не берутъ—пожалуйста! Получилъ изъ кассы и иди домой.

— Гм!.. Смѣшные, ей Богу, эти банкиры. Покажи ка еще книжечку... Значить, ты сначала выдралъ такой листочекъ, а потомъ уже подписалъ купцову фамилію.

— Ну, конечно! Охъ, тошнехонько мнѣ, братцы!.

— Выпей, преступная твоя душа. Вонъ, тамъ твой стаканъ, на окнѣ... Ну, теперь бери твою книжку. Да спрячь подальше. А то, братъ, знаешь, не трудно и влопаться... Такъ всѣ три тысячи, значить, у тебя и лежать?

— Всѣ лежать,—вскричалъ кающійся Мохнатыхъ, ударяя себя въ грудь. — Ни копеечки не трогалъ!

— Н-да... Ну, ничего. Богъ тебя проститъ. По край ней мѣрѣ, теперь ты облегчился...

Полянскій уже давно ревниво елѣдилъ за интимнымъ разговоромъ Мохнатыхъ съ Вострозубовымъ.

Подошелъ къ нему, обнялъ дружески за талію и шепнулъ:

— Ну, что, легче теперь? Нѣту больше грѣховъ? Тоскливо поглядѣлъ на него Мохнатыхъ.

— Нѣту грѣховъ? Это у меня-то? Да меня за мой послѣдній грѣхъ повѣсится мало! Братцы! Вяжите меня! Плюйте на меня! Я чужую жену соблазнилъ!

— Какая мерзость!—ахнулъ Полянскій, съ презрѣніемъ глядя на Мохнатыхъ. — Хорошенькая?

— Красавица прямо. Молоденькая, стройная, руки, какъ атласъ и цѣлуется такъ, что...

— Мохнатыхъ!—сурово вскричалъ Полянскій,—не говори гадостей. И тебѣ не стыдно? Неужели, ты не подумалъ о мужѣ, объ этомъ человѣкѣ, котораго ты такъ безчеловѣчно обокралъ?!

— Жалко мнѣ его было,—виновато пролепеталъ Мохнатыхъ, опустивъ грѣшную голову. — Да что же дѣлать, братцы, если она такая... замѣчательная...

— Замѣчательная?! А святость семейнаго очага?! А устои? Говори, какъ ее зовутъ.

— Да зачѣмъ тебѣ это... Удобно ли?

— Говори, развратникъ! Скажи намъ ея имя, чтобы мы молились за нее въ сердцѣ своемъ, молились, чтобы облегчить ея и твой грѣхъ... Слышишь? Говори!

— Раба Божія Наталья ее звать,—тихо прошепталъ убитый Мохнатыхъ.

— Наталья? Богъ тебя накажетъ за эту Наталью, Мохиатыхъ. А по отчеству?

— Раба Божія Михайловна.

— Михайловна? Какой позоръ... Не спрашиваю ея фамиліи, потому что не хочу срывать покрывала съ тайны этой несчастной женщины... Но спрошу только одно: неужели у тебя хватало духу бывать у нихъ дома, глядѣть въ глаза ея мужу?!

— Нѣтъ... Я больше по телефону... Уславливался...

— Еще хуже!! Неужели, раскаяніе не глодало тебя?! Неужели, этотъ номеръ телефона, ужасный преступный номеръ—не врѣзался въ твою душу огненными знаками?! Не врѣзался? Говори: не врѣзался?

— Врѣзался,—раскачивая головой, въ порывѣ безысходнаго горя, прошепталъ Мохнатыхъ.

— Ты долженъ забыть его! Слышишь? То, что ты дѣлалъ—подло! 27—18?

— Что, номеръ? Нѣтъ... Хуже! Больше!

— Еще хуже? Еще больше? Какой же?

— 347—92.

— Ага... Наталья Михайловна... Такъ-съ. Какъ же ты подошелъ къ ней? Какимъ подлымъ образомъ соблазнилъ эту несчастную?..

— А я просто узналъ, что за ней ухаживалъ Смѣлковъ. Встрѣтилъ ее да и рассказалъ, что Смѣлковъ всюду хвастается побѣдой надъ ней. Выдумалъ. Ничего Смѣлковъ даже и не рассказывалъ... А она возмутилась, прогнала Смѣлкова... Я и сталъ тутъ утѣшать ее, сочувствовать.

— Трижды подло,—разсѣянно замѣтилъ Полянскій, описывая что-то карандашомъ на обрывкѣ

конверта.

— Всѣ грѣхи?—спросилъ Крутоновъ, разливая въ стаканы остатки восьмой бутылки и набивая ротъ куличемъ.— Во всемъ признался?

— Кажется, во всемъ.

— Ну, вотъ видишь. Легче теперь?

— Кажется, легче.

— Ну, вотъ видишь! Говорилъ я, что мы тебя облегчимъ... И облегчимъ!

— Конечно, облегчимъ,—серьезно и строго под твердилъ Вострозубовъ.

— Камень съ души снимемъ,—пообѣщалъ Полянской.

— Всѣ камни снимемъ! Камня на камень отъ твоихъ грѣховъ не останется.

— Я пойду домой, родные,—попросился раскисшій Мохнатыхъ.— Спаточки мнѣ хочется.

— Иди, дѣтка. Иди. Богъ съ тобой. Если еще будутъ какіе грѣхи—ты намъ говори. Мы облегчимъ...

И умягченный, обласканный, облегченный, пошелъ Мохнатыхъ домой, съ тихой нѣжностью прислушиваясь къ веселому, радостному звону пасхальныхъ колоколовъ.

КУСТАРНАЯ РАБОТА.

На глухой улицѣ южнаго городка стоялъ домъ съ садомъ, принадлежащей Ивану Авксентьевичу Чеботаренку.

Мой пріятель, столичный художникъ Здолбуновъ и я—мы гостили у тароватаго Чеботаренка весь май мѣсяцъ и часть іюня.

Хорошо было. Цвѣла сирень, цвѣла акація, цвѣло все, на что только падали жаркіе поцѣлуи солнца, и всѣ мы ходили, какъ полупьяные.

Въ день именинъ хозяина, вечеромъ, когда луна залила серебристо-зеленымъ свѣтомъ сирень въ саду и тополя, я ушелъ отъ гостей въ свою комнату, бросился на кровать и долго лежалъ такъ, часто и сильно дыша ароматомъ щедрой сирени, доносившейся изъ открытаго, выходившаго въ садъ, окна.

Хорошо было. Я въ этотъ моментъ никого не любилъ и, вообще, въ это время никого не любилъ, но чувствовалъ, что скоро полюблю сильно, сокрушающе и что эта любовь будетъ счастливая, долгая. Запахъ сирени можетъ многое рассказать, если въ него, какъ слѣдуетъ, вникнуть.

За окномъ раздался голосъ моего пріятеля, художника:

— Вотъ тутъ скамеечка есть. Тихо, безлюдно, и сирень безумствуетъ кругомъ. Сядемъ, Марья Николаевна.

Женскій голосъ поправилъ:

— Какая я вамъ Марья Николаевна?! Я Ольга Николаевна. Неужели вы еще не запомнили?

— Я-то не запомнилъ?! Таковский я, чтобы не запомнить. Нѣтъ, я запомнилъ, но только вамъ больше идетъ имя—Маруся. Марья Николаевна.

— Да ужъ вы сумѣете вывернуться, знаю я васъ.

— Какія у васъ холодныя руки, Ольга Никлаевна.

— А вы откуда знаете?

— Да я одну изъ нихъ взялъ.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете? Оставьте; не надо.

— Почему не надо? А, можетъ быть, я хочу поцѣловать вашу руку.

— Это совсѣмъ лишнее.

— Нѣтъ, не лишнее. У васъ красивыя руки, Марья Ник... Ольга! Ольга Николаевна!!

— Ну, ужъ нашли тоже красоту. Вѣроятно, всѣмъ женщинамъ говорите одно и то же.

— Если бы всѣ женщины были похожи на васъ, я бы говорилъ имъ то же самое.

— А что же, я развѣ не такая женщина, какъ другія?

— Вы? Вы особенная. Въ васъ есть что-то такое.. что-то, знаете, такое...

— Ой, рукѣ больно. Не жмите.

— Ну, ничего. Я ее поцѣлую, все и пройдетъ.

— Знаете, почему я держу вашу лѣвую руку, а не правую?

— Почему? — Лѣвая ближе къ сердцу.

— Такъ вы говорите—какая я?

— Вы? Особенная какая-то.

Пауза. Потомъ раздался притихшій голосокъ Ольги Николаевны:

— Странно. Это говорите не вы первый.

— Ну, вотъ видите! Какія у васъ красивыя плечи.

— Оставьте. Ну, такъ что же во мнѣ особеннаго?

— Въ васъ есть какое-то обаяніе. Меня влечетъ къ вамъ. Вѣдь мы познакомились только нынче за обѣдомъ, а мнѣ кажется, будто мы съ вами знакомы давно-давно.

— Какой вы странный.

— Да... Меня всѣ находятъ страннымъ. Я не такой, какъ другіе.

- А какой же вы?
- Какой? Да, знаете, долго говорить. Но только вы меня не должны бояться.
- Почему у вас такая рука холодная?
- Сердце горячее. Долгая пауза.
- Виктор Михайлович!
- Ну?
- О чем вы так глубоко задумались?
- Что? Эх!.. Не стоит говорить. Нѣтъ. Нельзя. Не спрашивайте.
- Наверное, о какой-нибудь из ваших много численных симпатий?
- О, Марья Николаевна... Как вы далеки от истины!
- Ольга я Николаевна! Какая я вам Марья Николаевна?! Съ кѣмъ вы меня путаете?..
- Это я нарочно назвала вас Марьей Николаевной, чтобы посмотреть: ревнивая ли вы?
- Да уж вы сумете вывернуться. Вас на это взять.

И своеобразная гордость прозвучала в голосе Ольги Николаевны. Будто она уже начала гордиться своим собеседником.

- Так о чем же вы так задумались? — О чем? Вѣрнѣе—о комъ.
- Ну, о комъ?
- Нѣтъ, зачѣмъ, Мар... Ольга Николаевна! Лучше не говорить... Скажу только одно; ваше имя надолго запечатлѣется в моемъ сердцѣ, какъ что-то милое дорогое и сладко-печальное.
- Ну, не надо быть такимъ... Ей Богу, вы странный. Такъ о комъ же вы думали?
- Сказать? А вы не разсердитесь?
- Нѣтъ. Почему же?
- Вотъ если вы меня поцѣлуете, тогда скажу.
- Съ какой же стати я вас буду целовать! Нельзя. Я замужемъ.
- Seriously?!
- Конечно. Пауза.
- Ну, такъ что жъ такое, что вы замужемъ?
- Какъ что? Вотъ, ей Богу... Какой вы странный.
- Жизнь меня сдѣлала страннымъ, милая Оля.
- Не смѣйте меня такъ называть.
- Хорошо, Оля. Не буду.
- То-то. Такъ о комъ же вы думали?
- О васъ.
- Интересно знать, что-же вы обо мнѣ думали?
- Я думалъ: сколько вы счастья можете дать тому человѣку, который вас полюбитъ.
- Наверное, всѣмъ женщинамъ говорите то же самое.
- Я?! Нѣтъ. Чего мнѣ! Только вамъ и говорю.
- Отчего вы такой печальный, Виктор Михайлович?
- У меня жизнь печально сложилась, Оленька.
- Бѣдный мой, бѣдный; ну, дайте, я вас по головкѣ поглажу. Оставьте: Пустите! Не смѣйте меня цѣловать! Я кричать буду!

Лежа у себя на кровати, я нервно насторожился, вотъ сейчасъ раздастся пронзительный крикъ.

Крика не было. Тишина, на секунду прерванная звукомъ поцѣлуя, царилъ за окномъ.

- Слушайте, если вы будете такъ себя вести — я уйду.
- Ну, не надо уходить.
- Да ужъ я знаю васъ—вы умѣете женщинъ уговаривать. Дайте слово, что больше этого не будетъ.
- Чего?
- Вотъ этихъ... поцѣлуевъ...
- Дамъ слово... Съ однимъ условіемъ,—чтобы завтра вы пришли ко мнѣ. Я покажу вамъ свои рисунки. Вы любите искусство?
- Страшно!
- Ну, вотъ видите. Вы такая чуткая, понимающая и вдругъ заброшены въ эту глушь. Я понимаю, каково вамъ приходится. У васъ красивая душа. Такъ придете?
- Я приду съ однимъ условіемъ: дайте мнѣ слово, что вы не позволите себѣ ничего лишняго.
- Лишняго? Что вы, Оленька?! За кого вы меня принимаете. Ничего лишняго. Будетъ самое необходимое.
- Ну, пойдемте отсюда... А то ушли и пропали...— даже неприлично. Только послушайте... Виктор Михайлович... Вы, наверное, меня не уважаете. Только сегодня познакомились, а мы уже съ вами... и цѣловались...
- Ольга Николаевна! Развѣ можно говорить о какомъ-то тамъ уваженіи, если налицо любовь!

Развѣ можно заботиться о какомъ-то насморкѣ, если у человѣка брюшной тифъ?

— Да ужъ я васъ знаю... Вы умѣете красиво говорить... Ну, идите впередъ, а я съ другой стороны выйду.

Черезъ полчаса Здолбуновъ, насвистывая что-то, зашелъ въ мою комнату.

— Ты тутъ? Что это ты дѣлаешь въ одиночествѣ?

— Здолбуновъ! Я все слышалъ, о чемъ ты говорилъ съ Ольгой Николаевной. Онъ засмѣялся.

— Стыдно подслушивать, дитя мое.

— Знаешь, Здолбуновъ...я записалъ весь вашъ разговоръ. Почти дословно. Не хочешь ли прочитать?

Онъ взялъ изъ моихъ рукъ бумажку и внимательно прочелъ ее.

— А вѣдь, ей Богу, недурно.

— Это? Недурно?! Здолбуновъ! Ты, который читаешь рефераты по искусству, ты, который имѣешь жену— чуткаго, тонкаго, умнаго человѣка, ты, который...

— "О ты, Катилина"! Успокойся, милый. Запомни мудрыя слова человѣка Здолбунова: на кита ходятъ съ гарпуномъ, а на пискаря достаточно примитивнѣйшаго крохотнаго стального крючка. Крючка кить даже не замѣтитъ; гарпуномъ пискарь будетъ раздавленъ, какъ букашка. Все на свѣтѣ разумно, и Марья Николаевна...

— Ольга!!

— Ну, Ольга. И Ольга Николаевна получить если и не мое уваженіе, то мою краткосрочную любовь.

— Да ужъ вы, мужчины, умѣете говорить. На это васъ взять,—засмѣялся я.

А въ окно врвался сладкій, ласковый запахъ сирени и все оправдывать, -и все оправдывать, и все оправдывать.

ОТДѢЛЪ III.

ТѢ, КОТОРЫЕ ДѢЙСТВУЮТЪ НА НЕРВЫ

ПРѢЗЖІЙ СЕЛЬДЯЕВЪ.

Посвящ. Ник. Серг. Шатоау.

Я прислушался... Изъ передней донесся голосъ моей горничной:

— Баринъ дома, но очень занятъ. Другой голосъ привѣтливо согласился.

— Ага... Такъ, такъ. Это хорошо. Ну, пусть себѣ занимается. Я мѣшать не буду. Доложите, что я хочу его видѣть...

— Да баринъ занятъ. Пишетъ.

— Ну, вотъ и хорошо. Навѣрное, какую-нибудь забавную вещь пишетъ. Скажите, что я хочу его видѣть...

— Баринъ сказалъ, что его отрывать нельзя.

— Да я и не оторву. Ей Богу. Только десять минутъ. Желаетъ, моль, видѣть его Сельдяевъ. Онъ меня приметъ.

— А они сказали, что никого не будутъ принимать,

— Ну да. Вообще. А я Сельдяевъ.

Голосъ у него былъ кроткій, убѣдительный, какъ у человѣка, который погрязъ съ головой въ разныхъ деликатностяхъ.

— Не знаю ужъ, какъ и быть.

— Вы только скажите ему, что я изъ провинціи. Этого онъ могъ бы и не говорить. Весь предыдущій разговоръ достаточно убѣдилъ меня въ этомъ. Я съ силой бросилъ перо на письменный столъ, вскочилъ, выбѣжалъ въ переднюю и, заложивъ руки

— Что?

— Мапочка!—закричалъ онъ, умиленный. — Не узнаешь! Вотъ смѣхи-то... Сельдяева не узналъ. Да какая же жизнь послѣ этого... Дайте-ка я перво-наперво васъ облобызаю.

Онъ привлекъ меня къ себѣ, а горничная въ это время стаскивала съ его плечъ шубу. Вышло такъ, что мы спутались въ одинъ странный комокъ, состоящій изъ горничной, Сельдяева, шубы его и меня.

— Простите, не узнаю,—пролепеталъ я, прижимая Сельдяева къ сердцу.

— Сельдяева-то? Помните, вы въ Армавирѣ у насъ читали лекцію, а я зашелъ привѣтствовать васъ

отъ имени армавирскаго общества любителей таксомоторной ѣзды. Еще послѣ мы съ Гугенбергомъ и Чухалинымъ вась на таксомоторѣ возили, городъ показывали. Кстати, знаете, Чихалинъ-то... Кинематографъ открываетъ въ Армавирѣ.

— Что вы говорите!—деликатно поразился я.—Это неслыханно! Кто бы могъ подумать... Эхъ, Чихалинъ, Чихалинъ... Не выдержала русская душа окружающей безпросвѣтной мглы... Садитесь.

— Сяду. Я вѣдь вамъ мѣшать не буду. У меня только одна просьба: покажите мнѣ вашъ Петроградъ.

Я поглядѣлъ на Сельдяева; взглянулъ на неоконченную рукопись. Первый, все равно, не отстанетъ;

вторую, все равно, окончить не удастся.

— Пойдемъ,—сказалъ я.

— А работа? Вы не безпокойтесь, пишите. Я минуточекъ пять подождать могу.

— Что вы! Тутъ работы часа на два.

— Ну, тогда, конечно, бросьте. Хе-хе... Сельдяевы не каждый день въ Петроградъ пріѣзжаютъ. Вѣрно?

— Пойдемъ.

Мы одѣлись и вышли.

— Вотъ это Невскій проспектъ,— сказалъ я пріостановившись, чтобы полюбоваться на его ошеломленное лицо.

Однако, лицо его было спокойно, какъ морской заливъ въ тихое лѣтнее воскресенье.

— Невскій?.. Такъ, такъ. Далеко тянется?

— Верстъ десять!

Я опять искося взглянулъ на него.

— Десять? Такъ. Но это въ обѣ стороны? "Нѣтъ,—подумалъ я,—улицей его не удивишь. А что ты, голубчикъ, запоешь, когда увидишь Казанскій соборъ?!".

— Это вотъ Казанскій соборъ. Каково, а? Хотите внутрь зайти?

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—пожалъ онъ плечами.—Соборъ какъ соборъ.

— Ну, не скажите... Колонны-то все таки... Видали, какія?

— Да, сѣрыя. Сто штукъ будетъ?

— Что вы,—сказалъ я, и хотѣлъ добавить: "меньше" но потомъ рѣшилъ ошеломить его.

— Больше! Около трехсотъ.

— Съ каждой стороны или въ общемъ? Я рѣзко повернулся:

— Пойдемъ.

Желаніе поразить этого человѣка пропало во мнѣ. Я вяло водилъ его за руку и не менѣе вяло указывалъ вялымъ пальцемъ:

— Исаакіевскій соборъ. Полтора мѣста милліоновъ обошелся.

Сельдяевъ значительно поджималъ губы и, поднимая одну бровь, спрашивалъ:

— Съ землей или безъ земли?

— А это вотъ Нева. Видите?

Онъ перегнулся черезъ перила и сталъ разсматривать рѣку такъ, будто бы хотѣлъ разглядеть какое-то насѣкомое, ползущее внизу.

— Это вотъ Нева и есть?

— Нева. Кажется, что не широка, а на самомъ дѣлѣ обманъ зрѣнія: пять верстъ!

Никакого изумленія не отпечатлѣлось на его лицѣ.

— Ну, вода-то здѣсь, говорятъ, ядовитая,—задумчиво опершись о перила, промямлилъ онъ.

— Вода? Страшно ядовитая. На одинъ кубическій сантиметръ воды четыре милліарда бактерій. Ежели нападутъ всѣ вмѣстѣ, человѣка растерзать могутъ.

— Такъ, такъ. А эта штука тамъ торчитъ—что это такое?

— Гдѣ?

— Вотъ эта. Кривая какая-то.

— Это—Троицкій мостъ! (Мы стояли отъ него въ ста шагахъ). Хорошая "штука"!.. Одна постройка обошлась полтора мѣста милл... (все равно!) милліардовъ.

— Все-таки, онъ металлическій?

— А вы какой же хотѣли?

— Да нѣтъ, я такъ. Мнѣ все равно. Металлическій такъ металлическій. Я призадумался.

— Когда кессоны устанавливали,—около трехъ тысячъ народу погибло.

Это былъ единственный разъ, когда онъ измѣнилъ себѣ, замѣтивъ:

— Ну, на такой большой мостъ неудивительно,— что столько народу пошло.

Я сразу погасъ, потухъ, обезсилѣлъ и побрелъ, еле перебирая ногами и неохотно влача Сельдяева за руку.

Были впереди еще—музеи, памятники, вся красота и мощь Петрограда.

Но—что это все Сельдяеву? Я рѣшилъ не церемониться съ нимъ.

* *

*

Мы шли по какой-то неизвестной мнѣ узкой улицѣ;
я указаль на сѣрый двухэтажный домъ и значительно сказалъ:

— Самый знаменитый домъ въ Петроградѣ

— А что?

— Здѣсь Пушкинъ написалъ своего "Евгенія Онѣгина".

— Пушкинъ? — переспросилъ Сельдяевъ. — Але ксандръ Сергѣевичъ?

— Да.

— Онъ тутъ что же... всегда жилъ или такъ только... Для "Онѣгина" поселился?

— Специально для "Онѣгина". Заплатилъ за квартиру двадцать тысячъ.

Печать холоднаго равнодушія лежала на каменномъ лицѣ Сельдяева.

— Вы что же думаете, — сурово спросилъ я — Что прежнія 20 тысячъ все равно, что тепершнія?

Теперь это нужно считать въ 50 тысячъ!

— Гм... да! А онъ за "Онѣгина"-то много получилъ? Я бухнулъ:

— Около трехсотъ тысячъ.

— Ну, тогда, значитъ, — разсудительно замѣтилъ Сельдяевъ, — ему можно было за квартиру такія деньги платить.

Мы, молча зашагали дальше.

— А вотъ этотъ домъ — видите? Тутъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошла страшная драма: одинъ молодой человѣкъ вырѣзалъ обитателей четырехъ квартиръ.

— Это сколько-жѣ народу?

— Да около такъ... пятидесяти человѣкъ. Онъ осмотрѣлъ фасадъ и спросилъ:

— Въ одинъ день?

— А то какъ же?

— Этакъ, пожалуй, и не успѣешь, если безъ помощниковъ. За что же онъ ихъ?

— Изъ мести. Они съѣли его любимую невѣсту. Сельдяевъ качнулъ головой.

— Людоѣды, что ли?

— Нѣтъ!! — отрѣзалъ я, дрожа отъ негодованія. Это былъ такой клубъ, гдѣ ради забавы каждый день ѣли по человѣку. И полиція молчала, потому что ей платили около трехъ милліоновъ въ годъ.

— Рублей?

— Нѣтъ, фунтовъ стерлинговъ!!! Въ фунтъ — 9 рублей 60 копѣекъ.

— Англійскіе фунты?

— Да! Да!

Онъ улыбнулся краешкомъ рта.

— Гм! Просвѣщенные мореплаватели...

* *

*

— Стойте! Вотъ домъ, который васъ позабавитъ. Здѣсь помѣщается питомникъ полицейскихъ собакъ. Есть тутъ одна собака Фрицъ, которая не только разыскиваетъ преступниковъ, но и допрашиваетъ ихъ.

— Овчарка? — спросилъ онъ, оглядѣвъ фасадъ.

— Чортъ ее знаетъ!! Недавно захожу я сюда, а она сидитъ за столомъ и спрашиваетъ какого-то парня:

"Какъ же вы говорите, что были въ тотъ вечеръ на Выборгской сторонѣ, когда я нашла ваши слѣды на лѣстницѣ дома Гороховой улицы?" Такъ парень на колѣни. "Ваше высокородіе! Не велите казнить, велите слово молвить!.. Такъ точно, повинюсь передъ вами"

— Да, да, — сказалъ Сельдяевъ, шумно вздыхая. —

Читалъ и я, что гдѣ-то въ циркѣ показывали собаку, которая разговариваетъ; потомъ кошку... тоже. Показывали... которая разговариваетъ...

Я погасилъ искорку ненависти, мелькнувшую у меня въ глазахъ, и сказать, хлопнувъ его по плечу:

— Такъ слушайте, что же дальше! Собака, значитъ, къ нему: "А такъ, ты сознаешься?!" — Такъ точно. Только вотъ что, ваше высокородіе; такъ какъ говоримъ мы глазъ-на-глазъ, то раздѣлимся по совѣсти. Я вамъ брилліантовыя сережки отдамъ, что укралъ, а вы меня отпустите..." И кладетъ передъ ней серьги. Собака только плечами пожала: "куда мнѣ онѣ... Въдь всѣмъ ювелирамъ примѣты и описаніе сережекъ разосланы. Попадусь еще... Есть у тебя рублей пятьдесятъ наличными — такъ дай. Тогда чортъ съ тобой, иди куда хочешь". — "Тридцать пять есть!" — "Ну, ладно, давай, да сережки то не здѣсь сбывай, а гдѣ-нибудь въ Берлинѣ или Дрезденѣ!" Опустила деньги въ карманъ да прочь со стола.

Сельдяевъ выслушалъ меня, и въ глазахъ его мелькнула тѣнь интереса къ моему разсказу.

— Да откуда жѣ у нея карманъ?

— Карманъ сюртука. Онѣ въдь одѣваются въ форменные сюртуки. Шашка. Сапоги. Свистокъ. Жалованье 11 рублей съ полтиной.

Но Сельдяевъ снова погасъ. Взялъ меня подъ руку и спросилъ:

— Ну, а что тутъ у васъ, вообще, въ Петроградѣ интереснаго?

— Вы лучше расскажите, что у васъ слышно въ Армавирѣ?

Онъ остановился, обернулся ко мнѣ, и лицо его сразу оживилось.

— Да вѣдь я вамъ и забылъ сказать: вотъ будете поражены... Ерыгина помните?

— Не помню.

— Ну, какъ же. Такъ можете представить, этотъ Ерыгинъ рѣшилъ ѣхать въ Сибирь! Нашелъ въ Иркутскѣ магазинъ, который ему передали на выгодныхъ условіяхъ—и переѣзжать туда... Не чудакъ ли?.. Что вы на это скажете?!

И онъ залился закатыстымъ смѣхомъ.

— Господи Иисусе! Кто бы могъ подумать!—воскликнулъ я и вслѣдъ за нимъ залился смѣхомъ.

Какъ это часто бываетъ, смѣялись мы по разнымъ поводамъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Къ подъѣзду большого коммерческаго банка подъѣхалъ господинъ среднихъ лѣтъ, незначительной наружности...

Когда онъ, среди потока другихъ кліентовъ банка, проходилъ черезъ стеклянный, монументальнаго вида, турникетъ, то пріостановился около усталаго, отупѣвшаго отъ безсмысленной работы швейцара и медлительно, съ нѣкоторой раздумчивостью, совсѣмъ не вязавшейся съ происходившей кругомъ суетой, спросилъ швейцара:

— Много народу, небось, у васъ бываетъ въ день?

— Много,—отвѣчалъ швейцаръ, вертя турникетъ.

— И всякаго, значить, пропустить надо... Работа, нечего сказать. Тутъ, небось, и о себѣ-то чтобы подумать—нѣтъ свободной минуты.

— Гдѣ тамъ!

— Тяжелая работа. Семейный?

— Семейный.

— Такъ-съ, — пожевалъ губами господинъ. — Для семьи, значить, приходится добывать. И дѣти есть? Швейцаръ съ нѣкоторымъ удивляіемъ отвѣтилъ:

— Двое.

— Мальчики, дѣвочки?

— Мальчикъ и дѣвочка.

— Ну, дай имъ Богъ добраго здоровьица. Пока до свиданья. Иду, братъ, деньги по переводу пглучать. Сто двадцать пять рублей. Директора у васъ хорошіе?

— Ничего, директора хорошіе. Сюда пожалуйте.

— Пойду, пойду... Не буду отвлекать тебя отъ дѣла

* *

*

— Скажите, мальчикъ, гдѣ тутъ у васъ по переводамъ получаютъ?

— У третьей колонны, налѣво.

Проворный мальчишка въ коричневой курткѣ съ золоченными пуговицами, хотѣлъ прошмыгнуть мимо, но посѣтитель задержалъ его и, снисходительно улыбувшись, сказалъ:

— Небось, вамъ, мальчикъ, уже надоѣли всѣ эти вопросы?.. Вотъ, думаете вы, какъ это просто, и надпись есть: "полученіе по переводамъ", а всѣ спрашиваютъ, справляются. Сколько жалованья получаете?

— Восемь рублей.

— Ну, что жъ, — задумавшись рѣшилъ посѣтитель, — все-таки родителямъ подмога. У родителей живете?

— У родителей, — съ важнымъ видомъ пискнулъ мальчишка, втайнѣ польщенный такой содержательной бесѣдой.

— Ну, ну. Это хорошо. Вы старайтесь.

* *

*

Посѣтитель подошелъ къ барьеру и, облокотившись о него, закивалъ головой завѣдующему оплатой переводовъ.

— Здравствуйте, здравствуйте. Ну, какъ банковскія дѣла? Подвигаются? Ничего? Все благополучно?

— Благодарю васъ, ничего. У васъ что? переводъ?

— Да, знаете... Хотѣлось бы получить. Жена-то у меня живетъ въ Кременчугѣ, ну, а мнѣ тутъ и понадобились деньги. Я ей и пишу: "Лиза, дескать, вышли немного, чтобы"...

- Хорошо, хорошо. Позвольте вашъ переводъ.
- Вотъ онъ—видите. Тутъ и сумма обозначена, и число, и отъ кого, и что—все есть. Женаты?
- Что?
- Вы-то, я спрашиваю, женаты? Или въ холостя какъ все еще маячите? Теперь какъ-то меньше стали жениться...

— Паспортъ съ вами?—тоскливо спросилъ завѣдующій переводами, поглядывая на кучку кліентовъ, толпившихся за спиной добродушнаго посѣтителя.

— Паспортъ? А зачѣмъ? Вѣдь я самъ пришелъ. Если бы мой слуга пришелъ, или тамъ братъ, или ктонибудь, вообще, изъ хорошихъ знакомыхъ—тогда я понимаю. А такъ—зачѣмъ же?

— Простите, безъ паспорта мы не можемъ выдать.

— Вы меня ошеломляете. Объясните мнѣ, почему такое странное правило?

— Да видите ли что... ленія... Мало ли что...

— Совершенно съ вами согласенъ, — отвѣтилъ посѣтитель. — Но вы были бы правы, если бы дѣло шло о какой-нибудь большой суммѣ... Ну, тамъ—пять или десять тысячъ... А тутъ? Каше-то сто двадцать пять рублей...

— Да, но разъ такое правило, я, какъ отвѣтственное лицо, не могу рисковать.

— Милый! Да развѣ же я не согласенъ!? Звѣрь я, что ли?! Бегетотъ какой-нибудь? Я согласенъ! Но тутъ, изволите видѣть, есть одно маленькое "но"... Вы, конечно, отвѣтственное лицо, но—вы слышите это "но"? но никто не имѣетъ права дѣлать изъ васъ машину, безсловесный рычагъ какой-то. Вы должны разсуждать! Какъ же вы должны разсуждать въ данномъ случаѣ? А такъ: вотъ пришелъ человѣкъ получать до переводу 125 рублей, а паспорта-то у него и нѣтъ. Жуликъ онъ или не жуликъ? Укралъ онъ этотъ переводъ или честно получилъ отъ жены по почтѣ? Прежде всего посмотрите на мое лицо! Всмотритесь въ мои глаза! Могутъ быть такіе глаза у жулика? Нѣтъ! Это первое. Второе:

жуликъ бы не дѣйствовалъ такъ просто, какъ я, простите, молъ, паспорта не захватилъ, прошу выдать просто такъ, на довѣріе. Жуликъ къ довѣрію никогда не обратится! Да онъ вамъ, батенька, тысячу документовъ поддѣла етъ, паспортъ украдетъ да подсунетъ, но о довѣріи даже и не вспомнить! Теперь—третье: жуликъ не будетъ получать такую маленькую сумму, не будетъ рисковать изъ-за какой-то сотни слишкомъ. Затѣмъ, замѣтите: жуликъ для вашего усыпленія всегда выведетъ не круглую сумму, а какую-нибудь самую заковыристую: 352 рубля 17 копѣекъ, 937 рублей 91 копѣйка!

— Простите, вы задерживаете публику. — Вотъ-то чудакъ человѣкъ! Да не я задерживаю публику, а вы меня задерживаете! Подумаешь, велика важность—125 рублей. Да я, можетъ быть, такую сумму въ одинъ разъ въ ресторанѣ оставлялъ.

— Нѣтъ, безъ паспорта мы выдать не можемъ.

— Такъ-съ. Значить, я, повашему, жуликъ?

— Я этого не смѣю сказать; но разъ существуетъ правило—я не могу рисковать...

— Эхъ, вы! А прелесть риска для васъ ничто? Сейчасъ видно, что вы не спортсмэнъ! Рискъ долженъ захватывать, долженъ кружить голову!.. Не дадите? Ну, хотите я вамъ дамъ честное слово, что переводъ мой и что тутъ нѣтъ никакого подвоха? Ну? Вотъ—смотрите.

Посѣтитель положилъ руки на грудь и сказалъ проникновеннымъ голосомъ:

— Клянусь вамъ и даю честное слово, что переводъ мой...

— О, Господи! Неужели вы не понимаете простыхъ вещей?!—застоналъ чуть не плачущій служащій.—Не могу я, поймите! Если бы еще тутъ былъ кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, который подтвердилъ бы...

— За этимъ только и остановка?! Такъ бы вы и сказали. Вотъ давайте познакомимся и дѣло съ концомъ. Позвольте представиться: Тимофей Николаевичъ Двоеруковъ, помѣщикъ. Очень радъ. Васъ какъ зовутъ?

— Меня зовутъ Васи́лемъ Николаевичемъ,—полусердито, полусмѣясь, проворчалъ служащій.— Но это, все равно, ни къ чему не поведетъ!.. Какое же это знакомство, если я васъ совсѣмъ не знаю?!

Посѣтитель поглядѣлъ на служащаго опечаленными глазами...

— Спасибо, спасибо вамъ, Васи́лій Николаевичъ, за такое отношеніе... Значить, я, повашему, жуликъ? Богъ васъ проститъ это, Васи́лій Николаевичъ. Но я утверждаю, что когда вы познакомитесь со мной ближе, вы поймете меня и оцѣните... Что вы дѣлаете сегодня вечеромъ? Завернули бы ко мнѣ, я тутъ недалеко на проспектѣ живу... Попили бы чайку, погугурили...

— Спасибо, но у меня... совсѣмъ нѣтъ времени. И умоляю васъ—не задерживайте очереди. Смотрите, какой хвостъ образовался благодаря вамъ.

— Хвостъ большой,—задумчиво сказалъ Тимофей Николаевичъ, оглядываясь.—Такъ что же мнѣ дѣлать, дорогой, Васи́лій Николаевичъ?.. Посовѣтуйте. Бросьте этотъ сухой офиціальнѣйшій тонъ, такъ гармонирующий съ дѣловой суетой, мраморными колоннами и шелканьемъ счетовъ. Посмотрите на меня ласково, вѣдь вы же человѣкъ и я человѣкъ... Неужели, завѣтъ Христа, что всѣ люди—братья... Эхъ, Господи! Солнца бы сюда побольше! Ласки побольше.

Служащій потеръ горячую голову и пролепеталъ, обезсиленный:

— Пойдите, попросите директора. Если онъ согласится...

Спасибо, Василий Николаевичъ. Вотъ это человѣческое отношеніе! Куда идти-то? Направо?

* *

*

Войдя въ кабинетъ директора, убранный со строгой, чисто дѣловой роскошью, Тимофей Николаевичъ приостановился у письменнаго стола и оглядѣлся:

— Какое у васъ тутъ строгое настроеніе. Воображаю, какъ бы на меня посмотрѣли, если бы я въ этой обстановкѣ затанцоваль гопака... Страшно у васъ тутъ, холодно. А я къ вамъ, Яковъ Матвѣичъ, по дѣлу. Я уже узналъ, какъ васъ зовутъ—не удивляйтесь. А моя фамилія Двоеруковъ, Тимофей Николаичъ. Душевно радъ. Работаете все, хлопочете? Солидное у васъ учрежденіе, богатое. Женаты?

— Чѣмъ могу служить?—съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросилъ директоръ.—Мнѣ доложили, что вы по дѣлу.

— Конечно, конечно. "Дѣла, дѣла", какъ сказалъ какой-то поэтъ. Слушайте: одинъ вашъ служащій меня прямо смѣшилъ. Такой смѣшной.

— Не знаю, кто такъ вамъ смѣшонъ?.. Служащіе у насъ хорошо воспитаны, вѣжливы...

— Эхъ, милый Яковъ Матвѣичъ! Да отъ ихней вѣжливости-то ледкомъ несетъ, холодомъ ледовитымъ! Ты мнѣ ласку дай, а не вежливость! Ты психологомъ будь! Гляди на человѣка и разсуждай!.. Жуликъ онъ или нѣтъ? А онъ такъ безо всякаго разсужденія, какъ машина, прямо рѣжетъ: "не могу дать деньги по переводу безъ вашего паспорта! Правило такое"! А если я забылъ паспортъ! А если его у меня украли. Эхъ, Яковъ Матвѣичъ! У банка вонъ оборотъ (я давеча на стѣнкѣ читалъ) ежегодно 240 миллионъ! А банкъ 125 рублей боится дать. Ну, предположимъ даже, что я жуликъ! Предположимъ...

— Простите... Мы не можемъ нарушать правила...

— Вотъ-съ! Вотъ-съ я васъ уже и поймалъ, многоуважаемый, достойнѣйшій Яковъ Матвѣичъ!.. Да вѣдь я же исключеніе! Поймите вы—я исключеніе на двухъ ногахъ!

Директоръ тыльною частью руки вытеръ потъ со лба и вѣжливо сказалъ:

— Но поймите, что разъ бываютъ злоупотребленія...

— Хорошо-съ! Понимаю! Но поглядите на меня! Вдумайтесь въ меня. Вотъ я встану въ профиль, анфасъ. Что вы видите? Отрытое, простодушное лицо, платье отъ недурного портного, брилліантъ на пальцѣ—настоящій, ей Богу. А тонъ? Тона вѣдь не поддѣлаешь. И при этомъ—только 125 рублей. Ну, какой бы, даже самый глупый, жуликъ поддѣлывалъ, воровалъ чекъ на 125 рублей? Да согласитесь вы, достойнѣйшій Яковъ Матвѣичъ...

— Хорошо,—съ легкимъ стономъ согласился директоръ.—Я распоряжусь. Вамъ выдадутъ? Онъ позвонилъ.

* *

*

Получивъ деньги, Тимофей Николаевичъ пожалъ Василию Николаевичу руку и привѣтливо сказалъ:

— Такъ если надумаете когда вечеромъ—милости просимъ. Вотъ вамъ карточка съ адресомъ. А если и Яковъ Матвѣичъ когда надумаетъ вмѣстѣ съ вами—очень буду обрадованъ. Прощайте, Василий Николаевичъ, прощайте, Сергѣй Петровичъ, всего вамъ хо рошаго, Василий Николаевичъ—не забывайте!

ЧЕХОВІАНЕЦЪ.

Память Антона Павловича Чехова для всѣхъ насъ священна.

Поэтому, съ благоговѣйнымъ чувствомъ въ годовщину его кончины возлагаемъ на дорогую могилу вѣнокъ.

Увы—вѣнокъ терновый.

Впрочемъ, Антонъ Чеховъ слишкомъ русскій писатель, чтобы могъ надѣяться на пошлѣйшій лавровый вѣнокъ.

Русскимъ писателями терновые вѣнки болѣе сродни Итакъ:

— Г. редакторъ! Васъ спрашиваютъ.

— Кто?

— Говорить: Чеховьянецъ. Должно, изъ армянъ.

— Да что ему нужно? Чѣмъ занимается?

— Я спрашивалъ. Говорить: Чеховьянецъ.

— Странное занятіе. Пригласите его;

Вошедшій господинъ вынулъ изъ кармана коробочку:

открылъ ее и послѣдовательно разложилъ передо мной, измятую, довольно грязную салфетку, двѣ обгорѣлыхъ спички, кусочекъ сахара и велосипедный билетъ за № 14121, выданный двинскому мѣщанину

Терентію Иванову.

— Вотъ.

— Что это?

— Не купите ли?

Я внимательно осмотрѣлъ разложенныя богатства.

— Видите ли что... Я предпочитаю покупать спички неиспользованными, оптомъ, такъ... не менѣе цѣлой коробки сразу. Сахаръ я приобретаю по знакомству, не-обрыженный и, кромѣ того, стремлюсь, чтобы онъ былъ безъ желтыхъ пятенъ. Покупка тоже оптовая: два-три фунта... Билетъ этотъ болѣе полезенъ велосипедисту Терентію Иванову, чѣмъ мнѣ—не велосипедисту и не Терентію Иванову. И, наконецъ, салфетка носить на себѣ очень замѣтный свѣтлый знакъ изъ буквъ и орнамента: "Золотой Якорь". Ну, какой же я, посудите сами. Золотой Якорь?!

— Ничего вы не понимаете,—сурово оборвалъ меня посѣтитель.—Я чеховіанецъ.

— Ага... Ну, что, какъ у васъ на Кавказѣ... все спокойно?

— На кой дьяволъ намъ съ вами Кавказъ?! Я тамъ никогда и не былъ!

— Простите, но ваша фамилія..

— Это моя профессія!? Посудите сами: разъ есть пушкиніанцы—почему не быть чеховіанцамъ?

— Допустимъ. Ну? Что вамъ нужно?

— Купите у меня эти вещи для Чеховскаго музея. Замѣчательныя реликвіи. И недорого: пара спичекъ по 15 рублей—вмѣстѣ уступлю за 25, сахаръ; ну, это... я самъ на него смотрю сквозь пальцы. Три-пять рублей совершенно предовольно за этотъ увражикъ. Салфеточка—вещь диковинная. На ней, такъ сказать, отпѣчатѣлись типично чеховскія черты. А велосипедный билетъ?... о, это вы должны у меня съ руками оторвать.

Хорошо было бы оторвать ему руки даже безъ этого билета. Но, признаться, велосипедный билетъ меня заинтриговалъ.

— Что же это за билетъ?

— А вы на фамилію обратили вниманіе?

— Ну, да. Ивановъ.

— То-то и оно. Прообразъ знаменитой Чеховской драмы.

— Это что же... Чеховъ своего "Иванова" и писалъ. съ этого... велосипедиста Терентія Иванова?

— Нѣтъ, но фамилія! Замѣчаете—фамилія? Одна и та же. Родственники Терентія рассказывали мнѣ, что гениальный писатель долго не могъ остановиться на какомъ-нибудь названіи своей пьесы, пока не познакомился съ Терентіемъ. Тутъ его и осяѣнило! Взялъ и на звалъ: Ивановъ. Просто и мило. Этотъ билетъ былъ семейной реликвіей, пока нужда не заѣла семью Ивановыхъ. Тутъ-то я и подвернулся. Купилъ совѣмъ за гроши: полтораosta. Дайте нажать четвертной. Отдамъ за 175.

— Спички тоже относятся къ билету?

— Нѣтъ, спички особо. Однажды былъ сильный вѣтеръ. Могучія деревья гнулись, какъ тростинки; и вотъ Антонъ Чеховъ, желая закурить трубку...

— Полно вздоръ говорить. Чеховъ не курилъ ни только трубки, но даже папиросъ.

— Курилъ! Ей Богу, вѣрьте совѣсти—курилъ. Только онъ стѣснялся родныхъ. Нѣжная, деликатная натура— не хотѣлъ никого огорчать. Тончайшая организація... Впрочемъ, спички я могу уступить и за двѣ красненькихъ. Но очень хорошія спички.

— На что онъ мнѣ,—усмѣхнулся я.—Если бы еще были необгорѣлыя...

— Варваръ!—хлопнулъ онъ меня салфеткой по плечу., кокетливо сощурясь.—Вандализмъ! Спички, которыя держали Чеховскіе пальцы!.. Вотъ сахаръ я не навязываю—хотите берите, хотите—нѣтъ. Всего-то ему и цѣна— пять цѣлковыхъ.

— А въ лавке берутъ 17 копеекъ за фунтъ.

— Нѣтъ!.. И это называется культурный человѣкъ! И это называется писатель! Редакторъ! Знаете ли вы, что однажды въ Москвѣ незабвенный творецъ "Романа съ контрабасомъ" пилъ кофе, и хозяйка наложила въ чашку столько сахару, что онъ усмѣхнулся своей ласковой немного задумчивой улыбкой и сказалъ: "Ого! Сахару слишкомъ много. Приторно!". Замѣйте, какая чуткая организація, не выносящая ничего лишняго, ни какихъ преувеличеній: "Приторно!". Хотите, я вамъ запишу этотъ случай? Или сами запишите... Только не забудьте эти чудесныя, такъ рисующія Чехова, слова:

"Ну, и навалили же вы сахару! Чуть сами туда не сѣли!". Какой истинно "чеховскій" сарказмъ, какая иронія. Каждое слово алмазъ. Вы только вслушайтесь въ эту разстановку словъ: "Ну, и напихали же вы сюда сладости! Какъ чашка не лопнетъ! Васъ только заставъ богу молиться!.." Это чудесное словечко "моленіе" Берете?

— Что?

— Сахаръ.

— Ну его.

— Странно. Неужели и салфетка для васъ пустой звукъ? Видите, какая?

— Да. Грязная.

— Святая грязь! Однажды проникновенный творец "Лошадиной фамилии" тьл у себя въ Мелиховѣ кисель. И вдругъ ложкой какъ тьпнетъ по тарелкѣ!..

— Зачѣмъ?—изумился я.

— Это у него бывало. Задумается, а потомъ вдругъ размѣется своимъ мелодичнымъ смѣхомъ неизвѣстно чего, да ложкой по тарелкѣ—хлопъ! Такъ и тутъ. Ну, кисель весь на бѣлыя брюки фонтаномъ. Покойный Тихоновъ присутствовалъ при этомъ—можете провѣрить. Что тутъ былъ за переполохъ—нельзя себѣ представить! Брюки-то восемь, а то и всѣ десять рублей стоили. Всѣ оцѣпенѣли прямо. А онъ, какъ ни въ чемъ, не бывало, схватилъ со стола салфетку, да и давай чистить брюки.

— Странно,—поднялъ я брови.—Вы говорите, что дѣло происходило у него въ имѣньѣ, а на салфеткѣ написано "Золотой Якорь".

— Извините,—сурово перебилъ онъ.—Память великаго бытописателя сумерекъ священна, и не намъ ее загрязнять. Утверждали же, что Некрасовъ слишкомъ счастливо игралъ въ карты. Неужели и мы, подобно этимъ гробокопателямъ, бросимъ тѣнь на великую могилу?!

— Чѣмъ же вы можете доказать, что эта салфетка:

именно Чеховская?

— Pardon!! А пятна?

— Ну, пятна... Пятна вы и сами могли сдѣлать.

— Pardon!! Я бывший офицеръ, и если превратности судьбы заставили меня... то я, вообще, прошу... Знаете;

не того!.. Мировые на это смотрять очень серьезно. И потомъ вы говорите абсурдъ! Ну, предположимъ, я сдѣлалъ пятна на салфеткѣ... А спички? А сахаръ? Я ихъ тоже сдѣлалъ? Значить, я долженъ, по вашему, открыть спичечный и сахарный заводы?! За кого вы мечя принимаете? За графа Бобринскаго? За Лапшина?!!

— Если вы будете кричать, я велю васъ вывести...

II.

Усталымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на меня.

— Ну, хотите за все двадцать пять рублей? Вѣдь, салфетка одна, если даже она и не чеховская—на худой конецъ полтора рубля стоитъ. А спички! А сахаръ! А. велосипедный билетъ прообраза Иванова?!

— Не надо, говорить вамъ. Вотъ если бы у васъ были какія нибудь личныя воспоминанія о Чеховѣ...

— Есть! Чего же вы молчали?..

— О чемъ?

— Вотъ, напримѣръ, одинъ памятный разговоръ съ нимъ. Однажды онъ рассказывалъ, какъ хотѣлъ открыть лотошный клубъ и какъ все уже было сдѣлано, да администрація запретила.

— Чеховъ? Лотошный клубъ?!

— Что васъ такъ удивляетъ? Покойникъ любилъ азартъ и не прочь былъ поднажить деньги. "Вѣришь ли, Ероша... (Это я. Ерофеемъ меня зовутъ.) Вѣришь ли,—говорить,—Ероша, запретили мнѣ лотошный клубъ Кому вредъ? Ну, проигрывали бы нудные, сумеречные людишки (какая четкость слога! Узнаете Чехова?), проигрывали бы—и чортъ съ ними! Все равно, такъ или иначе, а и мы и они ноги протянуть. Такъ хоть, по крайности, мы-то проживемъ въ свое удовольствіе".

— Это онъ такъ говорилъ?

— Онъ.

— Чеховъ?

— Ну, да.

— Вамъ?

— Угу.

— А при этомъ свидѣтели были?

— Что вы! Развѣ можно такія интимныя вещи говорить при постороннихъ!

— Гм... да. Впрочемъ, это не имѣетъ никакого отншенія къ литературѣ. А намъ нужны литературный воспоминанія о Чеховѣ.

— Есть.

— О чемъ?

— О пьесѣ "Чайка". Однажды мы съ нимъ сидѣли на скамейкѣ въ Таганрогѣ. Онъ и говоритъ: "Хорошо бы выпить чаю сейчасъ. Съ лимончикомъ". И такая при этомъ чеховская, немного разсѣянная улыбка. я говорю: "Какъ будетъ женскій родъ отъ слова: "чай" А.

"Какъ же,—отвѣчаетъ удивительный создатель "Средства отъ запоя",—очень просто! "Чайка"

будетъ отъ слова чай", И задумался. Потомъ прошепталъ: "Чайка! Это идея. Это красиво. На четыре акта хватить!". Вынулъ записную книжку, записалъ. Такъ и создалась "Чайка".

— А свидѣтели были при этомъ разговорѣ?

— Были. Тихоновъ былъ.

— Что вы все—Тихоновъ, да Тихоновъ. Тихоновъ умеръ.

— А я при чемъ, что онъ умеръ? Такъ берете воспоминамя?

— Нѣтъ.

— Болѣе, чѣмъ странно. А Чеховскія вещи берете?

— Нѣтъ.

— Такъ-съ. Стоило только, чтобы прошло нѣсколько лѣтъ со дня смерти—и уже забыть! И уже никому не интересенъ! Забвенъ отъ людей! Ну, давайте за все десять рублей.

— Не дамъ.

— Ну, пять!

— Нѣтъ.

— Что жъ... и рубля жалко? Вѣдь салфетка новехонькая. Ее только ежели выстирать...

— Рубль я дамъ. Но только салфетку забирайте. Не нужно.

— Вотъ за это мерси! И сахарокъ я ужъ возьму. А спички и билетъ—ваши. Будемъ считать спички по двутривенному, а билетъ за шестьдесятъ.

Когда онъ уходилъ, я вышелъ его провожать.

— О, не затрудняйтесь,—замахалъ онъ руками.

— Нѣтъ, почему же. Тутъ, кстати, виситъ мое пальто,

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?—прищурился онъ.

— Да то, что я слишкомъ скромнень для всего этого.

— Чеховіанцемъ вы можете быть, а аверченковіанцемъ вамъ дѣлаться не слѣдуетъ.

— Подождемъ!—загадочно сказалъ онъ, уходя. И неизвѣстно было, чего онъ хотѣлъ ждать: того ли, чтобы я сдѣлался извѣстнымъ, того ли, чтобы прислуга когда-нибудь оставила парадную дверь открытой?

Бѣдный Чеховъ! Десять лѣтъ тому назадъ тебя привезли въ вагонъ для устрицъ, и нынѣшніе "юбилейные" дни проходятъ подъ тѣмъ же нелѣпымъ знакомъ не лѣпой устрицы.

САМОНОВѢИШІЯ ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВѢ.

І. Писатель Деревянкинъ зъ гостяхъ у Чехова.

— Скажите, Антонъ Петровичъ сейчасъ дома? Павловичъ? Почему же Павловичъ? Отца Павломъ звали? Ну, это еще не доказательство.

Вы говорите, нѣтъ дома? А чей же это профиль я вижу тамъ, надъ письменнымъ столомъ? Стыдно врать, дѣвушка. Такая молодая и уже врешь. Скажу твоему барину, онъ тебя и прогонитъ

Что? Нѣтъ, я прямо къ нему въ кабинетъ пройду. Что? Ничего... Какъ писатель къ писателю. Это въ нашей средѣ допускается.

— Здравствуйте, коллега. Что? Конечно, коллега. Вы пишете и я пишу. Помѣшалъ? Пишете? Ну, ничего. Отдохнете. Вамъ же и полезно—вонъ всѣ говорятъ, что у васъ чахотка. Молоко нужно пить, капусту Исть, сало, гулять больше. А работа не уйдетъ. Посидимъ, поболтаемъ... Ну, расскажите чтонибудь о себѣ... Голова болитъ? Это отъ работы.

Хотя, вѣдь, эти штучки, что вы пишете, онъ не должны утомлять. Чикъ-чикъ, и готово!

Вотъ Достоевскій писалъ, это я понимаю. Не вертопрахъ былъ. Сто печатныхъ листовъ, полтора.

Послушайте, Антоша... (вы позволите мнѣ влсъ такъ называть?) Почему бы вамъ не написать большую вещь какую-нибудь... Романъ, что ли. А то такъ—что же...

Вѣдь, фнзіономіи не видно! Пишеть, пишетъ чловѣкъ а фнзіономіи и нѣтъ.

Конечно, я понимаю, рассказъ писать легче, чѣмъ романъ. Но, милый мой! Нужно же идти впередъ.

Да! Былъ со мной вчера случай— совсѣмъ тема для вашего рассказа. Вы эти штуки хорошо дѣлаете. Вотъ— изобразите: ѣду я вчера на извозчикѣ, вдругъ вѣтеръ шляпу съ головы—хлопъ! А на землѣ лужи послѣ дождя. Шляпа прямо въ лужу. Я погнался за шляпой, да ногой въ лужу—хлопъ! Въ это время одна барыня и проходи мимо. Я ее грязью изъ лужи—хлопъ! Все платье! Ахнула она, схватилась за голову и выпустила изъ рукъ веревочку, на которой вела собаку!.. Собака удирать, барыня оретъ, я чищу шляпу—шумъ, гамъ. У васъ это хорошо выйдетъ.

Что? Почему нельзя курить? Не переносите? Ахъ, да... Простите. И забылъ совсѣмъ, что туберкуленокъ не любить дыму. Ну, сейчасъ брошу. Докурю и брошу. Что? Жалко же такъ бросать.

Чуть не забылъ! Просьба у меня къ вамъ. Подарите мнѣ свою карточку съ надписью. А я вамъ свою. Я, впрочемъ, ужъ приготовилъ: "Пѣвцу сумерекъ отъ пѣвца яркого солнечнаго свѣта и красивой

жизни, Чехову—Деревянкинъ". Вы замѣчаете эпическую простоту послѣднихъ словъ.

Кто такой Чеховъ? Не нужно объяснять—всѣ знаютъ. Кто такой Деревянкинъ? Не нужно объяснять— всѣ знаютъ.

А вы напишите такъ на карточки: "Пѣвцу яркаго солнечнаго свѣта и красивой жизни—отъ пѣвца сумерекъ. Деревянкину—Чеховъ". Понимаете? Наоборотъ.

Неудобно? Почему неудобно? Странно... Если я сдѣлалъ такую подпись, почему же вамъ неудобно? Что? Какъ же вы не пѣвецъ сумерекъ? Васъ такъ и критика называетъ. Пишите, пишите. Вотъ вамъ перо.

Что это вы виски трете? Голова болитъ? Я вамъ надоѣлъ, навѣрно, своей болтовней? Нѣтъ? Ну, спасибо. Что? Посидѣть еще пять минутъ? Посижу, посижу.

Ну, что бы вамъ еще такое рассказать? Кстати! Тема у меня есть для васъ... я вамъ дамъ только канву, а ужъ вы тамъ... размажете пофигуристѣе. У моего зна комаго Булкина есть двѣ дочки... И появляется на горизонтов молодой человѣкъ Островерховъ! Понимаете? Ну, влюбляются... А Островерховъ въ это время къ какой-то вдовѣ-купчихѣ сталъ захаживать... Но та на него—нуль вниманія, пудъ презрѣнія—спитъ и видитъ, какъ бы ей познакомиться съ баритономъ Драбантовымъ. И чѣмъ же, вы думаете, это кончилось,—обо бралъ ее Драбантовъ и бросилъ! Каково? Вотъ вамъ и сумерки русской жизни. Какъ разъ для васъ... Вы ужъ эту коллизію распутайте сами. Что? Ахъ, я и за былъ, что нельзя курить... Совершенно машинально. Что? Гдѣ плакать? Ахъ, да, да. "Просятъ не курить". Ну, не буду. Докурю и брошу.

А анафемская эта штука—туберкулезъ. У насъ одинъ учитель чистописанія... Куда же вы? Послушайте!..

Ушель... Вотъ оригиналь-то. Вѣчныя причуды у этихъ "именъ". Слушай, Глаша! Какъ? Катя? Все равно. Послушай, Кэтти, куда это убѣжалъ твой баринъ? Это, знаешь ли, не совсѣмъ гостепріим... Наверхъ? А что тамъ у него наверху? Просто комната? Ага... Ну, тогда, значить, можно. Пойдемъ въ просто комнату...

— Антонеско! Здѣсь вы? Ишь ты куда забрался... Что это вы удрали такъ сразу? Ну, да ничего, ничего. Какія тамъ между коллегами церемоніи... Вы лежите, а я около васъ посижу... Поболтаемъ... Скажите, что такое вышло съ вашей "Чайкой?" Го ворятъ, презесточно провалилась... Что? Почему не пріятно вспоминать? Наплюйте! Вонъ, когда у меня провалились въ Останкинъ "Зовы женскаго сердца"—что-жъ, я страдалъ или нѣтъ? Нѣтъ! Пошелъ послѣ спектакля и такъ нализался съ комикомъ Горшокъ-Ухватовымъ, что до сихъ поръ на шеѣ два шрама... Водевиль мой: "Ахъ, ахъ, Матреша, что же это такое?"—такъ освистали, что до сихъ поръ въ ухахъ шумъ... Нѣтъ, пьесы это—чепуха! Нужно романъ писать...

Что? Голова болитъ? Я вамъ еще не надоѣлъ своей болтовней? А? Что? Почему же вы молчите? Послушайте! Я спрашиваю; а вамъ еще не надоѣлъ своей болтовней? Нѣтъ? Ну ладно. Посидѣть еще двѣ миу нуты, вы говорите? Ну, посижу.

Ахъ, да! Еще одна тема у меня для васъ есть.. Что? И тутъ нельзя курить? Почему? Тутъ же нѣтъ плаката! Ну, извините. Не зналъ. Не буду. Докурю и брошу.

Куда же вы? Антонъ Павлычъ! Аптонелли! Антонио!.. Ушель... Вотъ непосѣда!

Послушай, Миликтриса Кирбитьевна! Гдѣ баринъ твой? Въ сарай Пошелъ? Зачѣмъ? Просто такъ? А гдѣ-этотъ сарай? Ага! Спасибо.

— Послушайте, вы, чудачина... Что вы тутъ въ сараѣ дѣлаете? Сыро тутъ, а у васъ чахотка... Вотъ оригиналь: сидитъ на дровахъ и молчитъ. Подвиньтесь-ка...

— О чемъ я, бишь, началъ тогда? Ахъ, да! Тема для васъ есть. Какъ разъ въ нашемъ духѣ... Мнѣ теща рассказывала. Побились объ закладъ два мужика въ нашемъ городѣ, что одинъ изъ нихъ выпьетъ сорокъ бутылокъ пива. Началъ... Пьетъ онъ десятую бутылку, пятнадцатую, шестнадцатую... Всѣ сорокъ выпилъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Это вамъ, батенька, не сумерки!..

— Что это вы? Заснули? Послушайте... А зачѣмъ же лицо руками закрывать... Плачетъ! Вотъ чудакъ... Съ чего это вы! Вѣдь мужикъ же не умеръ, а пошелъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало по своимъ дѣламъ... Вотъ чувствительная душа-то! Плачетъ... Ну, успокойтесь Антонио, Антонаки! Хотите папиросочку? Не курите? Слушайте... Я вамъ не надоѣлъ, а? Вы скажите... Если надоѣлъ, я уйду.

Молчить... Вотъ чудакъ-то! Антуанъ! Чего же вы молчите? Я спрашиваю— надоѣлъ я вамъ? А? Оригиналь! Какъ я его своимъ мужикомъ разстроилъ... Молчить, а слезы по лицу текутъ...

— Антонеско! Куда жъ вы! Господи! Опять ушель... Прямо даже обидно.

— Поваръ, послушайте... Эй, какъ тебя... Красная рубаха! Вы не поваръ? А кто же вы? Кучеръ? Ну, на васъ не написано, что вы кучеръ. Скажите, кучеръ, въ какую сторону пошелъ Антонъ Павлычъ?

На коню-шню?... Что только этотъ человѣкъ можетъ выкинуть! Гдѣ его тамъ найти, кучеръ?

А у васъ лошади не кусаются? То-то. Гдѣ же твой баринъ? Его здѣсь нѣтъ. Въ стойлахъ погляди! Нѣтъ? А тутъ? За мѣшками? Нѣтъ?

Наверху у васъ что? Сѣноваль? А гдѣ же лѣстница? Ну, конечно, онъ тамъ, наверху... Вонъ и конецъ лѣстницы торчитъ. Съ собой втащилъ. Принеси другую!

— Антоша! Ты здѣсь? Ишь ты, шельмецъ... Забрался и молчитъ. Гдѣ ты тутъ? Ишь ты, какъ въ сѣно зарылся...

Опять плачетъ! Что съ нимъ такое? Ну, успокойся, Антонадзе! Неужели тебя исторія съ дочками Булкина такъ разстроила? Ишь, заливается! Что это въ самомъ дѣлѣ, у тебя за сумеречное настроеніе?.. Пойдемъ отсюда, милый... Тутъ не хорошо, сыро, холодно... Я тебя уложу дома въ постель, попою чѣмъ-нибудь, посижу около тебя. Ну, пойдемъ! Эй, Никита. Принимай снизу барина... Лови—бросаю! Гопъ!

II. Пѣвецъ сумерекъ.

(Воспоминанія друга покойного — Егуділа Дерееян-кина).

Десять лѣтъ...

Десять лѣтъ прошло со дня смерти пѣвца сумерѣкъ, а онъ будто сейчасъ живой стоитъ передъ нами. Съ покойнымъ писателемъ я былъ хорошо знакомъ. Правда, таланты у насъ были разнаго характера: я — весь въ солнцѣ, въ красивой яркой жизни, Чеховъ — умеренный, блѣдный, весь въ блеклыхъ полутонахъ...

Эта антитеза запечатлѣна даже самимъ Чеховымъ въ надписи къ его портрету, подаренному мнѣ въ одну изъ нашихъ долгихъ бесѣдъ съ покойникомъ. Вотъ эта надпись:

"Пѣвцу яркаго солнечнаго свѣта и красивой жизни отъ пѣвца—сумерекъ. Дерееян-кину—Чеховъ".

Какъ сейчасъ помню тотъ свѣтлый для меня день когда я получилъ зтотъ портретъ...

Писатель работалъ: писалъ какой-то новый рассказъ, но, узнавъ, что я пріѣхалъ, моментально отложилъ работу.

Онъ очень любилъ такіе неожиданные наѣзды друзей.

Бывало, сидитъ и слушаетъ пріятеля съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ лица.

И серьезный же былъ человѣкъ—рѣдко услышишь его смѣхъ; все больше мрачное настроеніе... Да оно и не удивительно: страшная болѣзнь подтачивала организмъ великаго пѣвца сумерекъ, о чемъ онъ зналъ изъ словъ близкихъ ему людей.

Особенно запомнилось мнѣ одно посѣщеніе... Именно то, когда я получилъ отъ Чехова портретъ съ такой я длинной меня надписью.

Я долго тогда просидѣлъ у него... Писатель былъ въ какомъ-то угнетенномъ состояніи духа, но долго не отпускалъ меня, и когда я собирался уходить,—все упрасивалъ: "Посидите еще пять минуточекъ". Однако вмѣсто пяти минуточекъ мы провели въ задушевной бесѣдѣ нѣсколько часовъ.

Тутъ же, помню, я далъ ему сюжетъ его знаменитаго "Дама съ собачкой"...

Маленькая подробность, на стѣнѣ висѣлъ двусмысленно составленный плакатъ: "Просятъ не курить".

Я говорю "двусмысленно составленный", потому что все-таки было не ясно: можно въ концѣ концовъ курить, или нѣтъ?

Поэтому, я нѣсколько разъ вынималъ папиросу, но Чеховъ всегда въ шутливой формѣ указывалъ на плакатъ, и я испѣшно бросалъ окурокъ.

Мы долго потомъ смѣялись надъ моей разсѣянностью.

Вообще, въ пылу разговора Чеховъ совершенно забывалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Онъ былъ способенъ въ задушевной бесѣдѣ повести собесѣдника на мезонинъ, потащить его въ сарай и даже очутиться въ концѣ концовъ на сѣновалѣ, какъ это и было однажды..

И вотъ—милая чеховская шутовскость: на сѣновалѣ онъ вдругъ, среди разговора, такъ зарылся въ сѣно, что я насилу его нашель.

И такъ онъ могъ шутить среди тяжелаго "нуднаго", какъ онъ любилъ говорить, настроенія, среди приступовъ жестокаго кашля.

Въ это посѣщеніе я прожилъ у дорогаго друга три дня, изъ которыхъ большую часть провелъ у его постели (онъ тогда занемогъ и слегъ)...

И эта шутка съ сѣномъ была его лебединой пѣсней. При моихъ послѣдующихъ посѣщеніяхъ онъ уже не шутилъ, а угрюмо молчалъ, еле отвѣчая на вопросы...

Болѣзнь дѣлала свое дѣло...

И, вообще, я нахожу всѣ слова о его жизнерадостности сильно преувеличенными. Я иногда по цѣлымъ недѣлямъ не разставался съ нимъ, и ужъ изучить-то характеръ покойнаго пѣвца русскихъ сумерекъ могъ основательно...

Спи, дорогаго другъ... Тамъ—свидимся.

ПЛАКУЧАЯ ИВА.

Лицо вошедшаго въ комнату Вихменева господина носило отпечатокъ разъ навсегда застывшей скорби. Будто бы въ ранней его молодости судьба однажды Размахнулась и отвѣсила ему своей грозной рукой такую полновѣсную пощечину, что господинъ огорчился и оскорбился на всю остальную жизнь.

Усы, складки у рта, волосы на лбу, морщины у глазъ—все спустилось внизъ, обвисло, какъ безсильныя вѣтви у плакучей ивы.

А глаза были столь скорбны, что кто заглядывалъ въ нихъ—тому дѣлалось скучно: "что, же это я,

моль, живу, наслаждаюсь жизнью, веселюсь, въ то время, какъ есть люди съ такими нечеловѣческими страданьями и вѣковѣчной печалью въ душѣ!.."

Общій видъ вошедшаго господина былъ хрупкій, грудь, украшенная чернымъ съ горошинками галстукомъ, вдавилась внутрь, будто отъ тяжести этого надгробнаго галстука, а суставы рукъ и ногъ были такъ развинчены, расхлябаны, что будь господинъ сдѣланъ изъ металла,—онъ весь дребезжалъ бы и лязгалъ частями, какъ допотопная телѣга...

А если бы придвинуть его поближе къ оконному свѣту, можно было бы замѣтить, что и въ складкахъ ушей, и во впадинахъ около скулъ, и за туго накрахмаленнымъ воротничкомъ— всюду пряталась скорбь...

И въ то время, когда вы бы его разсматривали, онъ, навѣрное бы, сказалъ печально, страдальчески:

— За что вы меня придвинули къ окну? Почему разсматриваете? Что я вамъ сдѣлалъ?

— Господи помилуй!—скажете вы,—ничего вы мнѣ не сдѣлали, я только хотѣлъ разсмотрѣть васъ поближе.

— Нѣтъ, ужъ я знаю, что вы меня не любите и за что-то сердитесь на меня... Только за что? Недоумѣваю!

— Ну, за что мнѣ васъ не любить? — пожмете вы плечами.—Что за вздоръ!

— Ну да, конечно... Вотъ вы и высказались... Конечно, я вздорный человѣкъ, я скучный человѣкъ, я это знаю... Ну, что-жъ: толкайте меня, бейте, распинайте!

Вотъ какой господинъ вошелъ въ комнату.

* *
*

Молча поздоровавшись, онъ усѣлся въ кресло и долго молчалъ, подкусывая желтыми зубами сухіе бугристые суставы пальцевъ.

— Ну, съ чѣмъ пожаловалъ, Зяка?—радушно привѣтствовалъ его хозяинъ.

— Ты спрашиваешь: "съ чѣмъ пожаловалъ?"—насторожившись, спросилъ господинъ, названный Зякой.— Ты думаешь, я по дѣлу? Нѣтъ, я такъ зашелъ. Если мѣшаю, я уйду.

— Ну, чего тамъ, сиди. Я очень радъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше я пойду. Дѣйствительно, зашелъ человѣкъ безо всякаго дѣла, навѣрное помѣшалъ—лучше ужъ уйти.

— Да сиди ты... чоррт...!

— Ну, какъ хочешь... А только я боюсь быть въ тягость.

Зяка всталъ, прошелся по комнатѣ. Взялъ какую-то книгу, развернулъ ее, сказалъ: "А, ты читаешь Додэ..." и пошелъ бродить дальше, наталкиваясь на всѣ углы.

— Хорогше цвѣты у тебя. Это гіацинтъ? — Гиацинтъ.

— Ихъ поливать надо.

— Слушаю-съ, ваше благородіе. Зяка подошелъ къ окну, заложилъ руки за согбенную скорбью спину и прошепталъ:

— Вотъ и тучи набѣгаютъ. А тамъ, гляди, и дождь.

Постоявъ такъ въ глубокомъ раздумьѣ минуты три, онъ неожиданно повернулся къ хозяину и спросилъ его, волнуясь, заикаясь и дрожа:

— За что ты меня не любишь?

— Я тебя не люблю? Съ чего ты это взялъ, чудакъ?

— Ну, ты мной недоволенъ... Признайся, вѣдь, правда?

— Что ты! Чѣмъ я могу быть недоволенъ?

— Ты какъ-то странно меня встрѣтилъ. Обыкновенно, ты встрѣчалъ меня ласково, шутливо: "А-а, старый пиратъ Зяка приплылъ!.." А сегодня ты почему-то просто спросилъ: "Съ чѣмъ пожаловалъ?"

— Вотъ ослятина! Стану я слѣдить за собой—назвалъ я тебя пиратомъ или нѣтъ! Если ты, братъ, будешь къ такимъ пустякамъ придирааться, такъ вѣдь съ тобой никому житья не станетъ!

— Другими словами, ты просто хочешь сказать, что я непріятный человѣкъ...

— Богъ съ тобой! Ты такъ же пріятенъ, какъ лѣтомъ холодный лимонадъ!

— Это иронія?

— Правда! Сушая правда въ трехъ частяхъ съ эпилогомъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Чѣмъ?

— Вотъ этимъ... Эпилогомъ. Не хочешь ли ты намекнуть, что для нашей дружбы требуется уже эпилогъ?

— Зяка, отстань, старая ты, разохшая бочка. У тебя, кажется, начинается манія преслѣдованія!

— Хорошая манія преслѣдованія! Третьяго дня, когда мы встрѣтились на Московской, ты еле поздоровался со мной, а когда я хотѣлъ тебѣ рассказать о своей размолвкѣ съ Утюговымъ—ты просто убѣжалъ..

— Зяка! Да пойми же ты, что я шель съ дамой! Ты могъ цѣлый часъ рассказывать свои исторіи и

инциденты съ Утюговымъ—не могъ же я заставлятъ свою даму ждать меня!

— Ну, да... А познакомить даму съ Зякинымъ—это намъ не пришло въ голову? Зякинъ недостойнъ дам скаго общества? Онъ грубъ, тяжелъ, невоспитанъ...

— Да изволь, познакомлю тебя хоть завтра. Сдѣлай одолженіе!

— Значить, ты хочешь увѣрить меня, что ничего противъ меня не имѣешь?

— Да постой... Развѣты сдѣлать что-нибудь такое, что заставило бы меня относиться къ тебѣ враждебно?

— Вотъ! Я именно и хотѣлъ спросить тебя: что я такое сдѣлалъ, что ты относишься ко мнѣ враждебно?

— Да я не отношусь къ тебѣ враждебно! Вотъ характерецъ!

— Не относишься? Ну? А я замѣтилъ, что у тебя по отношенію ко мнѣ какая-то злобная иронія. Я, вѣдь, напримѣръ, давеча просто, по-дружески посовѣтовалъ тебѣ: "поливай цвѣты почаще..." Къ чему же это ироническое насмѣшливое: "слушаю-сь, ваше благородіе!"? Обидно. Оскорбительно!

— Съ чего ты взялъ, помилуй! Просто пришло въ голову и отвѣтилъ шутливо. Если съ тобой нельзя даже пошутить—ты скажи прямо!

— Значить, ты находишь, что у меня тяжелый характеръ?

— Нѣтъ! Не нахожу!

— А что жъ ты, давеча, сказалъ: "ну, и характеръ!"?

— Это я съ восторгомъ сказалъ. Ты не понялъ тоже. Безсильно опустившись въ кресло, Зякинъ обхватилъ свою голову руками и съ болѣзненнымъ стономъ прошепталъ:

— Боже, сколько насмѣшки. Сколько холода и ненависти! За что, за что?

— А убирайся ты къ чорту!— неожиданно вскричалъ хозяинъ.— Слышишь? Ты мнѣ надоѣлъ.

Чувство нѣкотораго удовольствія появилось на лицѣ Зякина.

— Ну, вотъ видишь... Наконецъ-то, ты заговорилъ искренно, наконецъ-то, вырвалось у тебя неподдѣльное чувство по отношенію ко мнѣ. Зачѣмъ же притворяться, показывать дружбу и симпатію ко мнѣ, которой давно уже нѣтъ и въ поминѣ...

Хозяинъ вскочилъ на ноги и бѣшено заоралъ:

— Да пойми ты, идиотъ ты аргентинскій, тухлая ты ослятина, свинячья прямая кишка—пойми, что ты святого доведешь до того, что онъ дастъ тебѣ по твоей искаженной обидой мордѣ!!! Ну, можно ли имѣть такую физіономію?! Вѣдь отъ нея молоко скиснетъ!! Матери будутъ преждевременно рожать!! Лошади сорвутся съ привязи и звѣри завоюютъ въ логовищахъ. Такъ бы и треснулъ тебя!!

Зякинъ опустилъ всѣ свои многочисленныя складки и волосы внизъ, капнулъ на отворотъ сюртука крохотной мутной слезой и покорно подошелъ къ хозяину.

— Что жъ, бей... Зачѣмъ же сдерживать желаніе?.. Ударь друга, который не будетъ защищаться.

— Убирайся вонъ! Уходи!! Не будемъ просто встрѣчаться и конецъ.

Все большее и большее удовольствіе расплывалось по лицу Зякина.

— Ну? Не правъ ли я былъ? Вѣдь я же зна., что

ты противъ меня что-то имѣлъ... Зякина, голубчикъ, не проведешь.

— Агафья! Марина!! Пальто и шляпу господину Зякину! Онъ уходитъ!! Уберите его отъ меня, или сейчасъ большой грѣхъ случится!..

* *
*

Черезъ часъ озабоченный, грустный Зякинъ сидѣлъ у знакомаго Прядова и, покусывая большими желтыми зубами сухіе суставы пальцевъ спрашивалъ:

— Вы давно видѣли Вихменева?

— Вчера.

— Ничего ему про меня не говорили?

— Ничего.

— Не понимаю! Навѣрное, кто-нибудь другой наговорилъ ему про меня. Навѣрное, Утюговъ. Я уже давно замѣчалъ, что онъ на меня дуется. А сегодня прихожу къ нему посидѣть — и что же? Онъ меня просто выгналъ!! Что вы на это скажете?

— М... да.

— Нравится это вамъ?

— Мм... да!..

— То есть, какъ "да"? Вы, значить, одобряете такое обращеніе? Соглашаетесь съ нимъ? Павелъ Петровичъ, я уже давно хочу спросить васъ: что я вамъ сдѣлалъ, что вы меня не любите? Чѣмъ я заслужилъ такое недоброжелательное обращеніе? Я догадываюсь— это Вихменевъ вамъ что-нибудь наговорилъ? Или Сашинъ? или Кранцъ? Господи! Какой это ужасъ—быть опутаннымъ какой-то страшной невидимой сѣтью и не знать, откуда эта сѣть, кто ее соткалъ для меня?! Онъ уныло молчалъ, не слыша отвѣта. А отвѣтъ звучалъ, гдѣ-то въ сѣрой дали, въ про странствѣ, безъ конца, безъ предѣла;

— Никто, какъ Богъ.

РАЗСКАЗЪ О НИНОЧКЪ КРОХИНОЙ.

Я и хотѣлъ написать рассказъ о Ниночкѣ Крохиной.

И сюжетъ хорошій, и настроеніе у меня было такое, что по силѣ и яркости написаннаго— критика признала бы "Ниночку Крохину" однимъ изъ удачнѣйшихъ моихъ рассказовъ.

Не судьба.

Такъ читатель никогда и не узнаетъ изумительной потрясающей судьбы рѣдкой дѣвушки— Ниночки Крохиной.

Только что я, дрожа отъ нетерпѣнія и остраго стремленія укунуться въ океанъ увлекательнаго творчества, взялъ нѣсколько листовъ чистой бумаги и придвинулъ чернильницу поближе, какъ телефонный аппаратъ, стоящій на письменномъ столѣг неистово зазвенѣлъ.

— Что?!—грубо бросилъ я въ трубку.—Что надо?!

— Ой-ой, что за кровожадность,—засмѣялся гдѣ-то за нѣсколько верстъ женскій голосъ.—Не въ духѣ?

— А-а, здравствуйте,—съ напряженной радостью протянулъ я, сжимая свободную руку въ кулакъ.—Ну, что новенькаго?

— Нѣтъ, вы лучше скажите, почему у васъ былъ такой сердитый тонъ?

— Да нѣтъ... такъ просто... Это аппаратъ шалить.

— Сердечный?—слышится лукавый вопросъ.

— Телефонный.

— Вы, можетъ быть, на меня сердитесь, а? За то, что я позавчера каталась на островахъ не съ вами, а съ Дрягинымъ.

— Нѣтъ, что вы... Пожалуйста...

— Ахъ, такъ?! Нечего сказать—красиво. Такъ почему же вы были такой злой сейчасъ, а? "Что"?!! Будто изъ пистолета выстрѣлили.

— Простите, но когда я спросилъ: "что?" я вѣдь не зналъ, что это вы меня вызываете!..

— А если не я, такъ съ другими нужно быть грубымъ?

— Да нѣтъ... Но дѣло въ томъ, что я только что успѣлъ писать,—и поэтому всякій звонокъ можетъ легко сбить меня съ настроенія.

— Даже мой звонокъ?

Свободная, уже ранѣе сжатая въ кулакъ рука закачалась въ воздухѣ.

— О, нѣтъ, что вы... Я очень радъ, что вы позвонили. Ну, до свиданья, всего хорошаго.

— Успѣете тамъ съ вашимъ писаньемъ. Все равно, всего не испишете... А что, васъ, все-таки, часто отрываютъ отъ работы?

— Очень часто. То звонки, то визиты. Прямо ужасъ...

— А вы бы трубку съ телефона снимали...

— Не всегда удобно. Иногда бываютъ важные звонки, по экстренному дѣлу.

— Бѣдняжка! Ждете важныхъ звонковъ, а къ вамъ звонятъ не важные звонки.

— Да.

— Вы бы говорили, что васъ дома нѣтъ.

— Да.

— Или время бы какое-нибудь назначили опредѣленное.

— Да.

— Что это вы какъ будто чѣмъ то недовольны?

— Нѣтъ.

— Я замѣчаю, что вы въ послѣднее время какой то нервный. —Да.

— Я сама понимаю, что когда собираешься что-нибудь сдѣлать, а тебѣ помѣшаютъ — такъ теряешь навѣрное.

— Да.

— И, навѣрное, большей частью, безъ дѣла звонятъ?

— О, да, да. Конечно. Дѣйствительно!

— Не понимаю такихъ людей...

— Да. Ну, до свиданья!

— Всего хорошаго. Завтра что дѣлаете?

— Нѣтъ.

— Что "нѣтъ"?

— Да. Дѣлаю, вообще. Я вамъ позвоню. До свиданья.

— Всего хорошаго. Пишите вашъ рассказъ. Вчера не видѣли Птицына?

— Да.

— Видѣли? Ну, расскажите, что онъ дѣлаетъ вообще?

— Ничего. Спасибо. Гуляетъ. Ну, до свиданья.

— Боже, какъ вы хотите отъ меня избавиться!.. Ну, до свиданья. Не буду васъ больше мучить. Теперь вы на меня не сердитесь?

— Нѣтъ.

— Ага! Значить, раньше сердились!

— Нѣтъ.

— Мнѣ этотъ Дрягинъ не нравится. Въ немъ есть что-то вульгарное... Или нѣтъ? Какъ вы находите?

— Да.

— Что— "да"? Согласны вы со мной или нѣтъ?

— Согласенъ. Ну, до свиданья.

— Еще бы вы были не согласны!.. Когда при васъ выругаешь мужчину, вы всегда согласны, а похвалишь кого, такъ вы на стѣну лѣзете. Только такихъ циниковъ, какъ Мочуговъ,—вы и можете хвалить. Давно его видѣли?..

— Да, Давно. Спасибо. Гуляетъ. Ну, до свиданья.

— Нѣтъ, постойте... Разговоръ становится интереснымъ! Это мнѣ нравится; я назвала Мочугова циникомъ, а вы даже не протестуете... Почему же вы раньше такъ горой за него стояли?! Ну-ка, вы, "мужская логика", отвѣчайте!..

— Да. Гуляетъ. Спасибо.

— Кто?

— Этотъ... Мочуговъ. Вообще это все трудныя задачи. Ну, до свиданья. Позвоню.

— Ну, теперь окончательно: до свиданья!—Послушайте... Только не звоните послѣ трехъ. Меня дома не будетъ. И до одиннадцати тоже. Или нѣтъ, въ десять. Даже немножко раньше. Не спутаете?

— Да. Ну, до свиданья. Дрягинъ и не думайте. Онъ для васъ не опасенъ. Можетъ быть, кто другой...

— Да. Ничего. Онъ гуляетъ. Ну, до свиданья.

— Кто гуляетъ? Что вы затвердили: "гуляетъ да гуляетъ"!

— Да. Всѣ вообще. Погоды хорошія, они и тово...

— Стыдитесь! О погодѣ заговорили. Неужели, у васъ съ дамой нѣтъ болѣе содержательнаго разговора?

— Да. Кхе, кхе!.. Кх...

— Что это вы какъ будто кашляете? Простудились?

— Нѣтъ. Нервное.

— Почему?

— Да, знаете, мѣшаютъ всѣ. Приходятъ, звонятъ...

— А вы бы трубку снимали. Или просто говорили, что заняты, работаете, молъ.

— Я и говорю. Не помогаетъ.

— Вотъ, ей Богу, наказание. Дѣйствительно, поло женіе! Ну, если они таніе не чуткіе—вы бы сказали "извините", но я сейчасъ не могу разговаривать!"

— Извините, но я сейчасъ не могу разговаривать.

— Вотъ такъ. Молодецъ. Запомните это?

— Ну, до свиданья.

— Послушайте... А мнѣ пришло въ голову: можетъ, вы и меня такъ же потомъ ругаете за мои разговоры, какъ и другихъ, а? Я вамъ вѣдь, кажется, тоже помѣшала? — Да. Ну, конечно!

Ну, вотъ вы уже и шутите... Вотъ и хорошо. Я, значить, разогнала ваше дурное настроеніе. А есл и, предположимъ... Неужели повѣсили трубку?! Свин... положимъ... Что эт...

Барина дома нѣтъ.

— Да какъ же нѣтъ, если онъ сейчасъ по телефону разговариваетъ. Я вѣдь зашелъ на одну секунду. Входитъ человѣкъ. Не на четырехъ ногахъ, а какъ любой человѣкъ—на двухъ ногахъ.

— Я вамъ помѣшала сейчасъ?

— Собственно, какъ сказать?.. Я вѣдь пишу рассказъ..

— А вы вонъ сейчасъ по телефону разговаривали..

— Да; это одна дама оторвала меня. Только сбила съ настроенія...

— А вы бы сказали, что заняты.

— Говорилъ. Не помогаетъ.

— Ни на одну іоту у этихъ дамъ нѣтъ чуткости! Трубку бы не снимали на это время.

— Да.

— Или просто: нѣтъ дома—и конецъ.

— Да.

— Я вамъ, можетъ, мѣшаю? Я только на десять минутъ. Ну, что у васъ слышно съ вашей газетой?..

Я люблю людей.
Я готовъ ихъ всѣхъ обнять. Обнять и крѣпко при
жать къ себѣ.
Такъ прижать, чтобы они больше не пикнули.
Отчего я писатель? Отчего я не холера?
И зналъ бы тогда, кому слѣдуетъ захворать...

ОТДѢЛЪ IV.

ЛАСКОВЫЕ РАЗСКАЗЫ.

СЕМЬ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Иногда мы, большіе, взрослые люди, бородатые, усатые, суровые, съ печатью важности на лицѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего становимся жалкими, безпомощными, готовыми расплакаться отъ того, что мама уѣхала въ гости, а нянька ушла со двора, оставивъ насъ въ одиночествѣ въ большой полутемной комнатѣ.

Жалко намъ себя, тоскливо до слезъ, и кажется намъ, что мы одиноки и заброшены въ этомъ странно молчащемъ мірѣ, ограниченномъ четырьмя сумрачными стѣнами.

Почему-то это бываетъ въ сумерки праздничнаго дня, когда всѣ домашніе разбредаются въ гости или на прогулку, а вы остались одинъ, и долго сидите такъ, безъ всякаго дѣла. Забившись въ темный уголокъ комнаты и остановивъ пристальный взглядъ на двухъ свѣтло-сѣрыхъ четырехугольникахъ оконъ, сидите вы съ застывшими, какъ холодная лава, мыслями—тихій, покорный и безконечно одинокій.

Замѣтите: въ это время непремѣнно гдѣ-то этажомъ выше, робкія женскія руки трогаютъ клавиши рояля, и вы вливаете свою застывшую грусть въ эти неувѣренныя звуки и эти неувѣренные звуки крѣпко сплетаются съ вашей грустью. Молодія почти не слышна. До васъ доносится только отчетливый аккомпаниментъ, и отъ этого одиночество еще больше. Оно, впрочемъ, отъ всего больше—и отъ того, что улица за сѣрыми окнами дремлетъ, молчаливая, и отъ того, что улица вдругъ оглашается недоступной вашему сердцу рѣчью двухъ невѣдомыхъ вамъ пѣшеходовъ, отчетливо стучащихъ четырьмя ногами и двумя палками по заснувшимъ тротуарнымъ плитамъ.

— ...А что же Спирька на это сказалъ?

— Вотъ еще стану я считаться съ мнѣніемъ Спирьки этого дурака, который...

И снова вы застываете, одинокій, такъ и не узнавъ, что сказалъ Спирька и почему съ мнѣніемъ Спирьки не слѣдуетъ считаться? И никогда вы ничего больше не узнаете о Спирькѣ... Кто онъ? Чиновникъ, клубный шулеръ, или просто веснушчатый краснорукій гимназистъ выпускнаго класса?

Никому до васъ нѣтъ дѣла. Интересы пѣшеходовъ поглощены Спирькой, всѣ домашніе ушли, а любимая женщина, навѣрное, забыла и думать о васъ.

Сидите вы, согнувшись калачикомъ въ углу дивана сбоку или сверху у квартирантовъ робкія руки отбируютъ мѣрный, хватающій за сердце своей опредѣленностью тактъ, а гдѣ-то внизу проходить еще одна пара, и оставляетъ въ вашихъ мысляхъ она расплывающійся слѣдъ, какъ отъ брошеннаго въ мертвую воду камня:

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ, Анисимъ Ивановичъ...

— Почему же не будетъ, Катенька? Очень даже обидно это отъ васъ слышать...

— Если бы я еще не знала, что васъ...

И прошли.

Романъ, драма, фарсъ проплылъ мимо васъ, а вы въ сторонѣ, вы никому не нужны, о васъ всѣ забыли... Жизнь идетъ стороною; вы почти какъ въ могилѣ. Конечно, можно встать, встряхнуться, надѣть пальто, пойти къ пріятелю, вытащить его и побродить по улицамъ, оставляя, въ свою очередь, въ чужихъ открытыхъ окнахъ обрывки волнующихъ васъ словъ:

— Ты слишкомъ мрачно глядишь на вещи.

— Это я-то?! Ну, знаешь ли... Вѣдь она его не любитъ, ее просто забавляетъ то, что...

Конечно, можно самому превратиться въ такого пѣшехода, вырваться изъ оцѣпенѣлыхъ лапъ тихой печали и одиночества, но не хочется пошевелить рукой, не то что сдвинуться съ мѣста.

И сидишь, сидишь, а сердце обливается жалостью къ самому себѣ:

Забыли!.. Оставили!.. Никому нѣтъ до меня дѣла.

Я ли одинъ переживаю это, или бываетъ такое же истроеніе у банкировъ, желѣзнодорожныхъ бухгалтеровъ, цирковыхъ артистовъ и магазинныхъ продавщицъ оставшихся по случаю праздничныхъ сумерекъ дома?

О чемъ же вамъ-то грустить, далекіе неизвѣстные товарищи по временному одиночеству? Или никакой тутъ причины и не нужно, а все дѣло въ сумеркахъ, звукахъ рояля и голосахъ пѣшиходовъ подъ окнами?

Вотъ и сегодня: сижу я въ сладкомъ оцѣпненіи печали и жалости къ самому себѣ, и рояль рокошетъ басовыми нотами у верхнихъ квартирантовъ, и неизвѣстные мнѣ люди за окномъ переговариваются о да лекихъ мнѣ дѣлахъ и интересахъ...

Всѣ бросили меня, бѣднаго, никому я не нуженъ, всѣми забытъ... Плакать хочется.

Даже горничная ушла куда-то. Навѣрное, подумала брошу-ка я своего барина; на что онъ мнѣ, — у меня есть свои интересы, а мнѣ до барина нѣтъ никакого дѣла. Пусть себѣ сидитъ на диванѣ, какъ сытъ.

Боже жъ ты мой, какъ то диво, какъ обидно!

Въ передней звонокъ.

О счастье! Неужели обо мнѣ кто-нибудь вспомнилъ? Неужели я еще не старая кляча, всѣми позабытая и оставленная.

Незнакомая барыня въ лиловой шляпкѣ входитъ въ мой кабинетъ, садится на стулъ, долго осматриваетъ меня при свѣтѣ зажженныхъ мною лампъ.

— Вотъ вы какой!—говоритъ она внимательно меня оглядывая. — Какъ странно: читаю васъ нѣсколько лѣтъ, а вижу въ первый разъ.

Бодрое настроеніе возвращается ко мнѣ (я не за бытъ!).

— Читаете нѣсколько лѣтъ, а видите въ первый разъ? Печально, если бы было наоборотъ, — усмѣхаюсь я.

— Вы и въ жизни такой же веселый, какъ въ вашихъ разсказахъ?

— А развѣ мои разсказы веселые?

— Помилуйте! Иногда читая ихъ, просто, какъ сумасшедшая, смѣешься.

— Вотъ не думалъ. Когда я пишу свои разсказы я не подозреваю, что они могутъ разсмѣшить.

— Еще какъ! Вы знаете, почему я пришла къ вамъ? Я пришла поблагодарить васъ за хорошія минуты, ко торыя вы доставили мнѣ своими разсказами. Ахъ, вы такъ чудно, такъ чудно пишете...

Почему-то дѣлается жаль уплывшихъ сумерекъ, гулкихъ шаговъ и голосовъ невѣдомыхъ пѣшиходовъ и рояля, который тоже притихъ, будто сообразивъ, что онъ уже не въ тонѣ сумерекъ и голосовъ за окномъ.

— Нѣкоторые ваши разсказы я прямо наизусть знаю...

— Вы, право, избалуете меня... Ну, какой же разсказъ запомнился вамъ?

— Я какъ-то не запоминаю заглавій. Однимъ словомъ, о чиновникѣ, который хотѣлъ учиться кататься на лошади, а потомъ упалъ съ нея и его родственники смѣялиель надъ нимъ и невѣста тоже... отказалась выйти за него замужъ.

— Позвольте, сударыня... Да у меня нѣтъ такого разсказа.

— Быть не можетъ!

— Увѣряю васъ.

— Значить, я что-нибудь спутала. Ахъ, я, знаете, такая разсѣянная! Совсѣмъ, какъ та старушка въ вашемъ разсказѣ, которая забыла надѣтъ юбку, да такъ и пошла по улицѣ безъ юбки. Я страшно смѣялась, когда читала этотъ разсказъ.

— Сударыня! У меня и такого разсказа нѣтъ!

— Вы меня прямо удивляете! Какіе же у васъ разсказы есть, если того нѣтъ, этого нѣтъ!.. Ну, есть у васъ такой разсказъ, какъ еврейка выколола въ шутку сыну глазъ, а потомъ повезла его къ зубному доктору.

— Въ родѣ этого: она не выколола сыну глазъ, а просто у него заболѣлъ глазъ; бѣдная мать въ суматохѣ схватила не того ребенка, завернула его въ платокъ и повезла на послѣднія деньги въ другой городъ къ доктору, у котораго эта роковая для матери ошибка и обнаружилась.

— Ну, да, что-то въ родѣ этого. Мы съ сестрой такъ смѣялись...

— Простите, но этотъ разсказъ не смѣшной; это очень печальная исторія.

— Да? А мы съ сестрой смѣялись...

— Напрасно. Мы молчимъ.

— Я вамъ сейчасъ не помѣшала?

— Нѣтъ.

— Вамъ, навѣрное, надоѣли всякія поклонницы!..

— Нѣтъ, что вы! Ничего.

— И вы на меня не смотрите, какъ на сумасшедшую?..

— Почему же?...

— Вамъ нравится моя наружность?

— Хорошая наружность.

- Нѣтъ, серьезно? Или вы просто изъ вѣжливости говорите?
- Зачѣмъ же изъ вѣжливости?
- Ну, вотъ, вы писатель... Скажите: можно было бы мною серьезно увлечься?
- Отчего же.
- А вдругъ вы всѣмъ женщинамъ говорите одно и то же?
- Зачѣмъ же всѣмъ.

Я васъ видѣла недавно въ театрѣ, и вы мнѣ безумно понравились. Я тогда же рѣшила съ вами познакомиться.

- Спасибо.
- Въ васъ есть что-то притягательное. Садитесь сюда.
- Сейчасъ. Въ какомъ театрѣ вы меня видѣли?
- Это не важно. Вы, навѣрное, очень избалованы женщинами?
- Нѣтъ.
- Вы меня не прогоните, если я еще разъ приду? Съ вами такъ хорошо... Вы какой-то... особенный.
- Да, на это меня взять,—уныло соглашаюсь я.
- Я знакома еще и съ другими писателями... Съ Бѣлясовымъ.
- Не знаю Бѣлясова.
- Seriously? Странно. А онъ васъ знаетъ. Онъ вамъ страшно завидуетъ. Говорилъ даже, что вы всѣ ваши рассказы берете изъ какого-то англійскаго журнала, но я не вѣрю. Вреть, я думаю.
- Бѣлясовъ-то? Конечно, вреть.
- 165 —

- Ну, вотъ видите. Просто завидуетъ. А я васъ люблю. Васъ можно любить?
- Можно.

Спасибо. Вы такой чуткій. Я пойду... Ахъ, какъ не хочется отъ васъ уходить Вѣкъ бы сидѣла...

* *

*

Ушла.

И сказалъ я самъ себѣ: будь же счастливъ, не тоскуй. Ты не одинокъ. Сейчасъ ты вкусилъ славу, любовь женщинъ и зависть коллегъ. Тобой зачитываются, въ тебя влюбляются, тебѣ завидуютъ. Будь же счастливъ!! Ну? Чего же ты стонешь?

Я погасилъ огни, упалъ ничкомъ на диванъ, закусилъ зубами уголь подушки—и одиночество уже грозное и суровое,—какъ рыхлая могильная земля, осыпаясь, покрываетъ гробъ,—осыпалось и покрыло меня.

Сумерки сгустились въ ночь, рояль глухо забарабанилъ сухими аккордами, а съ улицы донеслись два лоса:

- Эхъ, напьюсь же я нынче!
- Съ чего это такое?
- Манька опять къ своему слесарю побѣжала. Прошли. Тишина. Вечеръ. Рояль. Опасно, если въ такой вечеръ близко бритва лежить.
- Зарѣзаться можно.

БЛИНЫ ДОДИ.

Безъ сомнѣнйя, у Доди было свое настоящее имя, но оно какъ-то незамѣтно стерлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой годъ—онъ для всѣхъ Додя, и больше ничего.

И будетъ такъ расти этотъ мужчина съ загадочной кличкой "Додя", будетъ расти, пока не пронюхаетъ какая-нибудь проворная гимназисточка въ черномъ пиджачикѣ, что пятнадцатилѣтняго Додю, на самомъ дѣлѣ, зовутъ иначе, что неприлично ей звать взрослого кавалера какой-то собачьей кличкой, и впервые скажетъ она замирающимъ отъ волненія голосомъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы мнѣ такое говорите, Дмитрій Михайловичъ?..

И сладко забьется тогда сердце Доди, будто впервые шагнувшаго въ заманчивую остролюбопытную область жизни взрослыхъ людей: "Дмитрій Михайловичъ!.." О, тогда и онъ докажетъ же ей, что онъ взрослый человѣкъ: онъ женится на ней.

- Дмитрій Михайловичъ, зачѣмъ вы цѣлуете мою руку! Это нехорошо.
- О, не отталкивайте меня, Евгенія (это вмѣсто Женички-то!) Петровна.

Однако все это въ будущемъ. А пока Додѣ—шестой годъ, и никто, кромѣ матери и отца, не знаетъ какъ его зовутъ на самомъ дѣлѣ: Даниилъ ли, Дмитрій ли, или просто Василий (бываютъ и таюя уменьшительныя у нѣжныхъ родителей).

* *

*

Характеръ Доди едва-едва начинаетъ намѣчаться. Но грани этого характера выступаютъ довольно рѣзко:

онъ любить все пріятное и съ гадливостью, омерзѣніемъ относится ко всему непріятному: въ восторгѣ отъ всего сладкаго; ненавидитъ горькое, любить вся кійшумъ, чѣмъ бы и кѣмъ бы онъ ни былъ произведенъ; боится тишины, инстинктивно, вѣроятно, чувствуя въ ней начало смерти... Съ восторгомъ измазывается грязью и пылью съ головы до ногъ; съ ужа сомъ приступаетъ къ умыванію; очень возмущается, когда его наказываютъ; но и противоположное ощущеніе—ласки близкихъ ему людей—вызываютъ въ немъ отвращеніе.

Однажды въ гостяхъ у Додиныхъ родителей сидѣли двое: красивая молодая дама Нина Бооисовна и молодой человѣкъ Сергѣй Митрофановичъ, не спускавшій съ дамы застывшаго въ полномъ восторгѣ взора. И было такъ: молодой человѣкъ, установивъ прочно и надолго свои глаза на лицѣ дамы, машинально взялъ земляничную "соломку" и сталъ разсѣянноткусывать кусокъ за кускомъ, а дама, замѣтивъ вертѣвшагося тутъ же Додю, схватила его въ объятія и, тиская мальчишку, осыпала его цѣлымъ градомъ бурныхъ поцѣлуевъ.

Додя отбивался отъ этихъ ласкъ съ энергіей уто пающаго матроса, борящагося съ волнами, извивался въ нѣжныхъ теплыхъ рукахъ, толкалъ даму въ высокую пышную грудь и кричалъ съ интонаціями дорѣзываемаго человѣка:

— Пущ... ти, дура! Ос.. ставь, дура!

Ему страшно хотѣлось освободиться отъ "дуры" и направить все свое завистливое вниманіе на то, какъ разсѣянный молодой человѣкъ поглащаетъ земляничную соломку. И Додѣ страшно захотелось быть на мѣстѣ этого млодого человѣка а молодому человѣку еще

больше хотѣлось быть на мѣстѣ Доди. И одинъ, отбиваясь отъ нѣжныхъ объятій, а другой, печально похрустывая земляничной солодкой,—съ бѣшеной завистью поглядывали другъ на друга.

Такъ—слѣпо и нелѣпо распредѣляетъ природа дары свои.

Однако справедливость требуетъ отмѣтить, что молодой человѣкъ, въ концѣ концовъ, добился отъ Нины Борисовны такихъ же ласкъ, который получилъ и Додя. Только молодой человѣкъ вель себя совершенно иначе:

не отбивался, не кричалъ: "оставь, дура", а тихо, безропотно, съ отгѣнкомъ даже одобренія, покорился своей вѣковѣчной мужской участи...

Кромѣ перечисленныхъ Додиныхъ чертъ, въ характерѣ его есть еще одна черта: онъ—страшный пріобѣтатель. Черта эта тайная, онъ не высказываетъ ее. Но увидѣвъ, напримѣръ, какой-нибудь красивый домъ, шепчетъ себѣ подъ носъ: "хочу, чтобы домъ былъ мой". Лошадь ли онъ увидитъ, первый ли снѣжокъ, выпавшій на дворъ, или приглянувшася ему городского,— Додя, шмыгнувъ носомъ, сейчасъ же прошепчетъ: "Хочу, чтобы лошадь была моя; чтобы снѣгъ былъ мой; чтобы городской былъ мой".

Рыночная стоимость желаемаго предмета не имѣетъ значенія. Однажды, когда Додина мать сказала отцу:

"А, знаешь, докторъ нашель у Марины Кондратьевны камни въ печени",—Додя сейчасъ же прошепталъ себѣ подъ носъ: "хочу, чтобы у меня были камни въ печени".

Славный, безкорыстный ребенокъ.

* *

*

Когда мама, поглаживая шелковистый Додинъ за тылокъ, сообщила ему:

— Завтра у насъ будутъ блины...

Додя не преминулъ подумать: "хочу, чтобы блины были мои", и спросилъ вслухъ:

— А что такое блины?

— Дурачекъ! Развѣ ты не помнишь, какъ у насъ были блины въ прошломъ году?

Глупая мать не могла понять, что для пятилѣтняго ребенка протекшій годъ—это что-то такое громадное, монументальное, что, какъ Монбланъ, заслоняетъ отъ его глазъ предыдущіе четыре года. И съ годами эти Монбланы все уменьшаются и уменьшаются въ ростѣ, дѣлаются пригорками, которые не могутъ заслонить отъ зоркихъ глазъ зрѣлаго человѣка его богатаго прошлаго, ниже, ниже дѣлаются пригорки, пока не останется одинъ только пригорокъ—увѣнчанный каменной плитой, да покосившимся крестомъ.

Годъ жизни наглухо заслонилъ отъ Доди прошлогодніе блины. Что такое блины? Ъдятъ ихъ? Можно ли на нихъ кататься? Можетъ, это народъ такой—блины? Ничего, въ концѣ концовъ, неизвѣстно.

Когда кухарка Марья ставила съ вечера опару— Додя смотрѣлъ на нее съ почтительнымъ

удивленіємъ и даже, боясь втайнѣ, чтобы всемогущая кухарка не раздумала почему-нибудь дѣлать блины,—искательно почистилъ ручонкой край ея черной кофты, вымазанной мукой.

Этого показалось ему мало:

— Я люблю тебя, Марья,—признался онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ну, ну. Ишь, какой ладный мальчущечка.

— Очень люблю. Хочешь, я для тебя у папы папиросокъ украду?

Марья дипломатично промолчала, чтобы не быть замѣшанной въ назрѣвающей уголовщинѣ, а Додя вихремъ помчался въ кабинетъ и сейчасъ же принесъ пять папиросоковъ. Положилъ на край плиты.

И снова дипломатичная Марья сдѣлала видъ, что не замѣтила награбленного добра. Только сказала ласково:

— А теперь иди, Додикъ, въ дѣтскую. Жарко тутъ, братикъ.

— А блины-то... будутъ?

— А для чего же опару ставлю!

— Ну, то-то.

Уходя, подкрѣпилъ на всякій случай:

— Ты красивая, Марья.

* *
*

Положивъ подбородокъ на край стола, Додя надолго застылъ въ нѣмомъ восхищеніи...

Какія красивыя тарелки! Какая чудесная черная икра... Что за поражающая селедка, убранныя зеленымъ лукомъ, свеклой, маслинами. Какая красота—эти плотныя, слежавшіяся сардинки. А въ развалившуюся на большой тарелкѣ неизвѣстную нѣжно-розовую рыбу Додя даже ткнулъ пальцемъ, спрятавъ моментально этотъ палецъ въ ротъ съ дѣланно-разсѣяннѣмъ видомъ... (—Гмъ!... Соленое).

А впереди еще блины—это таинственное странное блюдо, ради котораго собираются гости, дѣлается столько приготовленій, вызывается столько хлопотъ.

— "Посмотримъ, посмотримъ,—думаетъ Додя, бродя

вокругъ стола.—Что это тамъ у нихъ за блины такіе?.." Собираются гости... Сегодня Додя первый разъ посаженъ за столъ вмѣстѣ съ большими, и поэтому у него широкое поле для на блюденій.

Сбиваетъ его съ толку поведеніе гостей

— Анна Петровна — семги! — настойчиво говоритъ мама.

— Ахъ, что вы, душечка,—ахаетъ Анна Петровна.— Это много! Половину этого куска. Ах?, нѣтъ я не съѣмъ,

— "Дура",—рѣшаетъ Додя.

— Спиридонъ Ивановичъ! Рюмочку наливки. Сладенькой, а?

— Нѣтъ, ужъ я лучше горькой рюмочку выпью.

— "Дуракъ!"—удивляется про себя Додя.

— Семень Афанасьичъ! Вы право, ничего не кушаете!..

— "Врешь",—усмѣхается Додя.—"Онъ ѣлъ больше всѣхъ. Я видѣлъ".

— Сардинки? Спасибо, Спиридонъ Ивановичъ. Я ихъ не ѣмъ.

— "Сумасшедшая какая-то,—вздыхаетъ Додя.—Хочу, чтобы сардинки были мои"...

Марина Кондратьевна, та самая, у которой камни въ печени, беретъ на кончикъ ножа микроскопическій кусочекъ икры.

— "Ишь ты, — думаетъ Додя. — Навѣрное, боится побольше-то взять: мама такъ по рукамъ и хлопнетъ за это. Или просто задается, что камни въ печени. Рохля". Подаютъ знаменитые долгожданные блины. Всѣ со звѣрскимъ выраженіемъ лица набрасываются на нихъ. Набрасывается и Додя. Но тотчасъ же опускаетъ голову въ тарелку и, купая локоны темныхъ волосъ въ жидкомъ маслѣ, горько плачетъ.

— Додикъ, милый, что ты? Кто тебя обадѣлъ?!

— БЛИ...НЫ...

— Ну? Что блины? Чѣмъ они тебѣ не нравятся?

— Такіе... круглые...

— Господи... Такъ что жъ изъ этого? Обрѣжу тебѣ ихъ по краямъ,—будутъ четырехугольные...

— И со сметаной...

— Такъ можно безъ сметаны, чудачина ты!

— Такъ они тѣстяные!

— А ты какіе бы хотѣлъ? Бумажные, что ли?

— И... не сладкіе.

— Хочешь, я тебѣ сахаромъ посыплю?

Тихий плачь переходит въ рыданіе. Какъ они не хотятъ понять, эти большіе тупоголовые дураки, что Додѣ блины просто не нравятся, что Додя разочаровался въ блинахъ, какъ разочаровывается взрослый человѣкъ въ жизни! И никакимъ сахаромъ его не успокоить.

Плачетъ Додя.

Боже! Какъ это все красиво, чудесно началось—все, начиная отъ опары и вкуснаго блиннаго чада—и какъ все это пошло, обыденно кончилось: Додю выслали изъ-за стола.

* *
*

Гости разошлись.

Измученный слезами, Додя прикурнулъ на маленькомъ диванчикѣ. Отыскавъ его, мать беретъ на руки отяжелѣвшее отъ дремоты тѣльце и ласково шепчетъ:

— Ну, ты... блиноѣдъ африканскій... Наплакался? И тутъ же, обращаясь къ отцу, перебрасываетъ свои мысли въ другую плоскость:

— А знаешь, говорятъ, Антоновски получаютъ отъ Мразича оскорбленіе дѣйствіемъ.

И, подымая отяжелѣвшія вѣки, съ усиліемъ, шепчетъ обуреваемый пріобрѣтательскимъ инстинктомъ Додя:

— Хочу, чтобы мнѣ было оскорбленіе дѣйствіемъ. Тихо мерцаетъ въ дѣтской красная лампадка. И еще слегка пахнетъ всепроникающимъ блиннымъ чадомъ...

СТРАШНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Обращая взоръ свой къ тихимъ розовымъ долинамъ моего дѣтства, я до сихъ поръ испытываю подавленный ужасъ передъ Страшнымъ Мальчикомъ.

Широкимъ полемъ разстилается умилительное дѣтство—безмятежное купанье съ десяткомъ другихъ мальчишекъ въ Хрустальной бухтѣ, шатанье по Историческому бульвару съ цѣломъ ворохомъ наворованной сирени подмышкой, бурная радость по поводу какого нибудь печальнаго событія, которое давало возможность пропустить учебный день, "большая переѣмна" въ саду подъ акаціями, змѣившимися золотисто-зеленыя пятна по растрепанной книжкѣ "Родное Слово" Ушинскаго, дѣтскія тетради, радовавшія взоръ своей снѣжной бѣлизной въ моментъ покупки и внушавшія на другой день всѣмъ благомыслящимъ людямъ отвращеніе своимъ грязнымъ пятнистымъ видомъ, тетради, въ которыхъ по тридцати, сорока разъ повторялось съ достойнымъ лучшей участи упорствомъ: "Нитка тонка, а Ока широка" или пропагандировалась несложная проповѣдь альтруизма "Не кушай, Маша, кашу, оставь кашу Мишѣ", переснимочныя картинки на поляхъ географіи Смирнова, особый сладкій сердцу запахъ непровѣтренаго класса—запахъ пыли и прокисшихъ чернилъ, ощущеніе сухого мѣла на пальцахъ послѣ усердныхъ занятій у черной доски, возвращеніе домой подъ ласковымъ весеннимъ солнышкомъ, по протоптаннымъ среди густой грязи, полупросохшимъ, упругимъ тропинкамъ, мимо иаленькихъ мирныхъ домиковъ Ремесленной улицы, и, наконецъ,— среди этой кроткой долины дѣтской жизни, какъ нѣкій грозный дубъ возвышается крѣпкій, смахивающій на желѣзный болтъ, кулакъ, вѣнчающій худую, жилистую, подобно жгуту изъ проволоки, руку Страшнаго Мальчика.

Его христіанское имя было Иванъ Аптекаревъ, уличная кличка сократила его на "Ваньку Аптекарьнка", а я въ пугливомъ кроткомъ сердцѣ моемъ окрестилъ его: Страшный Мальчикъ.

Дѣйствительно, въ этомъ мальчикѣ было что-то страшное; жилъ онъ въ мѣстахъ совершенно неизслѣдованныхъ—въ нагорной части Цыганской Слободки;

носились слухи, что у него были родители, но онъ, очевидно, держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, не считаясь съ ними, запугивая ихъ; говорилъ хриплымъ голосомъ, поминутно сплевывая тонкую, какъ нитка, слюну сквозь выбитый Хромымъ Возжонкомъ (легендарная личность!) зубъ; одѣвался же онъ такъ шикарно, что никому изъ насъ даже въ голову не могло придти скопировать его туалетъ: на ногахъ рыжіе, пыльные башмаки съ чрезвычайно тупыми носками, голова вѣнчалась фуражкой, измятой, переломленной въ неподлежащемъ мѣстѣ, и съ козырькомъ, треснувшимъ посрединѣ самымъ вкуснымъ образомъ.

Пространство между фуражкой и башмаками заполнялось совершенно выцвѣтшей форменной блузой, которую охватывалъ широченный кожаный поясъ, спускавшійся на два вершка ниже, чѣмъ это полагалось природой, а на ногахъ красовались штаны, столь вздувшіеся на колѣнкахъ и затрепанныхъ внизу,—что Страшный Мальчикъ однимъ видомъ этихъ брюкъ могъ навести панику на населеніе.

Психологія Страшнаго Мальчика была проста, но совершенно намъ, обыкновеннымъ мальчикамъ непонятна. Когда кто-нибудь изъ насъ собирался подраться, онъ долго примѣривался, вычислялъ шансы, взвѣшивалъ и, даже все взвѣсивъ, долго колебался, какъ Кутузовъ перѣдъ Бородино. А Страшный Мальчикъ вступалъ въ любую драку просто, безъ вздоховъ и приготовленій: увидѣвъ не понравившагося ему человѣка или двухъ или трехъ,—онъ кричалъ, сбрасывалъ поясъ къ замахнувшись правой рукой такъ далеко, что она чуть его самаго не хлопала по спинѣ, бросался въ битву.

Знаменитый размахъ правой руки дѣлалъ то, что первый противникъ летѣлъ на землю, вздымая облако пыли; ударъ головой въ животъ валилъ второго; третей получалъ неуловимые, но страшные удары

обѣими ногами... Если противниковъ было больше, чѣмъ три, то четвертый и пятый летѣли отъ снова молниеносно закинутой назадъ правой руки, отъ методическаго удара головой въ животъ—и такъ далѣе.

Если же на него напали пятнадцать, двадцать че ловѣкъ, то сваленный на землю Страшный Мальчикъ стоически переносилъ дождь ударовъ по мускулистому гибкому тѣлу, стараясь только повертывать голову съ тѣмъ расчетомъ, чтобы примѣтить, кто въ какое мѣсто и съ какой силой бьетъ, дабы въ будущемъ закончить счеты со своими истязателями.

Вотъ что это былъ за человекъ—Аптекарьнокъ.

Ну, неправъ ли я былъ, назвавъ его въ сердцѣ своемъ, Страшнымъ Мальчикомъ?

* *
*

Когда я шелъ изъ училища въ превкушеніи освѣжительнаго купанья на "Хрусталькѣ" или бродилъ съ товарищемъ по Историческому бульвару въ поискахъ ягодъ шелковицы, или просто бѣжалъ невѣдомо куда, по невѣдомымъ дѣламъ,—все время палетъ тайнаго не осознаннаго ужаса тѣснилъ мое сердце: сейчасъ гдѣ-то бродитъ Аптекарьнокъ въ поискахъ своихъ жертвъ... Вдругъ онъ поймаешь меня и избьетъ меня въ ко нецъ—"пуститъ юшку", по его живописному выраженію.

Причины для расправы у Страшнаго Мальчика всегда находились...

Встрѣтивъ какъ-то при мнѣ моего друга Сашку Ганнибоцера, Аптекарьнокъ холоднымъ жестомъ остановилъ его и спросилъ сквозь зубы:

— Ты чего на нашей улицѣ задавался? Поблѣднѣлъ бѣдный Ганнибоцерь и прошепталъ безъ надежнымъ тономъ:

— Я — не задавался.

— А кто у Снурцына шесть солдатскихъ пуговицъ отнять?

— Я не отнять ихъ. Онъ ихъ проигралъ.

— А кто ему по мордѣ далъ?

— Такъ онъ же не хотѣлъ отдавать.

— Мальчиковъ на нашей улицѣ нельзя бить,—замѣтилъ Аптекарьнокъ и, по своему обыкновенно, съ быстротой молніи перешелъ къ подтвержденію высказаннаго положенія: со свистомъ закинулъ руку за спину, ударилъ Ганнибоцера въ ухо, другой рукой ткнулъ "подъ вздохъ", отчего Ганнибоцерь переломился надвое и потерялъ всякое дыханіе, ударомъ ноги сбиль оглушеннаго, увѣнченнаго синякомъ Ганнибоцера на землю, и полюбовавшись на дѣло рукъ своихъ, сказалъ прехладнокровно:

— А ты... (это относилось ко мнѣ, замершему при видѣ Страшнаго Мальчика, какъ птичка передъ пастью змѣи)...Аты что? Можетъ, тоже хочешь получить?

— Нѣтъ,—пролепеталъ я, переводя взоръ съ плачущаго Ганнибоцера на Аптекарьнка.—За что же... Я ничего.

Загорѣлый, жилистый, не первой свѣжести кулакъ закачался, какъ маятникъ, у самаго моего глаза.

— Я до тебя давно добираюсь... Ты мнѣ попадешь подъ веселую руку. Я тебѣ покажу, какъ съ баштана незрѣлые арбузы воровать!

"Всѣ знаетъ проклятый мальчишка", подумалъ я. И спросилъ, осмѣлѣвъ:

— А на что они тебѣ... Вѣдь это не твои.

— Ну, и дуракъ. Вы воруете всѣ незрѣлые, а ка кіе-же мнѣ останутся? Если еще разъ увижу около баштана—лучше бы тебѣ и на свѣтъ не родиться.

Онъ исчезъ, а я послѣ этого нѣсколько дней ходилъ по улицѣ съ чувствомъ безоружнаго охотника, бредущаго по тигровой тропинкѣ и ожидающаго, что вотъ-вотъ зашевелится тростникъ, и огромное, полосатое тѣло мягко и тяжело мелькнетъ въ воздухѣ.

Страшно жить на свѣтѣ маленькому человеку.

* *
*

Страшнѣе всего было, когда Аптекарьнокъ приходилъ купаться на камни въ Хрустальную бухту.

Ходилъ онъ всегда одинъ, несмотря на то, что всѣ окружающіе мальчики ненавидѣли его и желали ему зла.

Когда онъ появлялся на камняхъ, перепрыгивая со скалы на скалу, какъ жилистый поджарый волчонокъ, всѣ невольно притихали и принимали самый невинный видъ, чтобы не вызвать какимъ-нибудь неосторожнымъ жестомъ или словомъ его суроваго вниманія.

А онъ въ три-четыре методическихъ движенія сбрасывалъ блузу, зацѣпивъ на ходу и фуражку, потомъ штаны, стянувъ заодно съ ними и ботинки и уже красовался передъ нами, четко вырисовываясь смуглымъ, изящнымъ тѣломъ спортсмена на фонѣ южнаго неба. Хлопалъ себя по груди и если былъ въ

хорошемъ пастроеніи, то, оглядѣвъ взрослога мужчину, затесав шагося какимъ-нибудь образомъ въ нашу дѣтскую компанію, говорилъ тономъ приказанія:

— Братцы! А ну, покажемъ ему "рака". Въ этотъ моментъ вся наша ненависть къ нему пропадала—такъ хорошо проклятый Аптекарьнокъ умѣлъ дѣлать "рака".

Столпившіяся, темныя, поросшія водорослями, скалы образовывали небольшое пространство воды, глубокое какъ колодезь... И вотъ вся дѣтвора, сгрудившись у самой высокой скалы, вдругъ начинала съ интересомъ глядѣть внизъ, охая и по-театральному всплескивая руками:

— Ракъ! Ракъ!

— Смотри, ракъ! Чортъ знаетъ, какой огромный! Ну, и штука же!

— Вотъ такъ рачище!.. Гляди, гляди—аршина полтора будетъ.

Мужичище—какой-нибудь булочникъ при пекарнѣ или грузчикъ въ гавани,—конечно, заинтересовывался такимъ чудомъ морского дна и неосторожно приближался къ краю скалы, заглядывая въ таинственную глубь "колодца".

А Аптекарьнокъ, стоявшій на другой, противоположной скалѣ, вдругъ отдѣлялся отъ нея, взлеталъ аршина на два вверхъ, сворачивался въ воздухъ въ плотный комокъ—спрятавъ голову въ колѣни, обвивъ плотно руками ноги—и, будто повисѣвъ въ воздухѣ на полсекунды, обрушивался въ самый центръ "колодца".

Цѣлый фонтанъ,—нѣчто въ родѣ смерча—взвивался кверху, и всѣ скалы сверху донизу заливались кипящими потоками воды.

Вся штука заключалась въ томъ, что мы, мальчишки, были голые, а мужикъ—одѣтый и послѣ "рака" начиналъ напоминать вытасченного изъ воды утопленника. Какъ не разбивался Аптекарьнокъ въ этомъ узкомъ скалистомъ колодезѣ, какъ онъ ухитрился поднырнуть въ какія-то подводныя ворота и выплыть на широкую гладь бухты—мы совершенно недоумѣвали. Замѣчено было только, что послѣ "рака" Аптекарьнокъ становился добрѣе къ намъ, не билъ насъ и не завязывалъ на мокрыхъ рубашкахъ "сухарей", которые приходилось потомъ грызть зубами, дрожа голымъ тѣломъ отъ свѣжаго морского вѣтерка.

* *
*

Пятнадцати лѣтъ отъ роду мы всѣ начали "страдать". Это—совершенно своеобразное выраженіе, почти не поддающееся объясненію. Оно укоренилось среди всѣхъ мальчишекъ нашего города, переходящихъ отъ дѣтства къ юности, и самой частой фразой при встрѣчѣ двухъ "фрайеровъ" (тоже южное аргю) было:

— Дрястуй, Сережка. За кѣмъ ты страдаешь?

— За Маней Огневой. А ты?

— А я еще ни за кѣмъ.

— Ври больше. Что же ты дрюгу боишься сказать, чтолича?

— Да минѣ Катя Капитанаки очень привлекаетъ.

— Врешь?

— Накарай минѣ Господь.

— Ну, значить, ты за ней страдаешь. Уличенный въ сердечной слабости, "страдалецъ за Катей Капитанаки" конфузится и для сокрытія прелестнаго полудѣтскаго смущенія загибаетъ трехэтажное ругательство.

Послѣ этого оба друга идутъ пить бузу за здоровье своихъ избранницъ.

Это было время, когда Страшный Мальчикъ превратился въ Страшнаго Юношу. Фуражка его попрежнему вся пестрѣла противоестественными изломами, поясъ спускался чуть не на бедра (необъяснимый шикъ), а блуза верблужьимъ горбомъ выбивалась сзади изъ подъ пояса (тотъ же шикъ); пахло отъ Юнеши табакомъ довольно ѣдко.

Страшный Юноша, Аптекарьнокъ, переваливаясь, по дошелъ ко мнѣ на тихой вечерней улицѣ и спросилъ своимъ тихимъ, полнымъ грознаго величія голосомъ:

— Ты чиво тутъ дѣлаешь, на нашей улицѣ?

— Гуляю...— отвѣтилъ я, почтительно пожавъ протянутую мнѣ въ видѣ особаго благоволенія руку.

— Чиво жъ ты гуляешь?

— Да такъ себѣ.

Онъ помолчалъ, подозрительно оглядывая меня.

— А ты за кѣмъ страдаешь?

— Да не за кѣмъ.
— Ври!
— Накарай меня Госп...
— Ври больше! Ну? Не будешь же ты зря (тоже словечко) шляться по нашей улицѣ. За кѣмъ страдаешь?

И тутъ сердце мое сладко сжалось, когда я выдалъ свою сладкую тайну:

— За Кирой Костюковой. Она сейчасъ послѣ ужина выйдетъ.

— Ну, это можно.

Онъ помолчалъ. Въ этотъ теплый нѣжный вечеръ напоенный грустнымъ запахомъ акацій, тайна распирала и его мужественное сердце.

Помолчавъ спросилъ:

— А ты знаешь, за кѣмъ я страдаю?

— Нѣтъ, Аптекарьнокъ,—ласково сказалъ я.

— Кому Аптекарьнокъ, а тебѣ дяденька,—полушутливо, полусердито проворчалъ онъ.—Я, братецъ ты мой, страдаю теперь за Лизой Евангопуло. А раньше я страдалъ (произносить я вмѣсто а—былъ тоже своего рода шикъ) за Маруськой Королькевичъ. Здорово, а? Ну, братъ, твое счастье. Если бы ты что-нибудь думалъ насчетъ Лизы Евангопуло, то...

Снова его уже выросшій и еще болѣе окрѣпшій жилистый кулакъ закачался у моего носа.

— Видалъ? А такъ ничего, гуляй. Что жъ... всякомъ;

страдать пріятно,

Мудрая фраза въ примѣненіи къ сердечному чувству

* *
*

12 ноября 1914 года меня пригласили въ лазаретъ прочесть нѣсколько моихъ рассказовъ раненымъ, смертельно скучавшимъ въ мирной лазаретной обстановкѣ

Только что я вошелъ въ большую, уставленную кроватями палату, какъ сзади меня, съ кровати послышался голосъ:

— Здравствуй, фрайеръ. Ты чего задаешься на макароны?

Родной моему дѣтскому уху тонъ прозвучалъ въ словахъ этого блѣднаго, заросшаго бородой раненаго

Я съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него и спросилъ

— Вы это мнѣ?

— Такъ-то, не узнавать старыхъ друзей? Погоди попадешься ты на нашей улицѣ,— узнаешь, что такое Ванька Аптекарьнокъ.

— Аптекарь?!

Страшный Мальчикъ лежалъ передо мной, слабо и ласково улыбаясь мнѣ.

Дѣтскій страхъ передъ нимъ на секунду выросъ во мнѣ и заставилъ и меня и его (потомъ, когда я ему признался въ этомъ) разсмѣяться.

— Милый Аптекарьнокъ? Офицеръ?

— Да.

— Раненъ?

— Да. (И, въ свою очередь): Писатель?

— Да.

— Не раненъ?

— Нѣтъ.

— То-то. А помнишь, какъ я при тебѣ Сашку Ганинбоцера вздулъ?

— Еще бы. А за что ты тогда "до меня добирался"?

— А за арбузы съ баштана. Вы ихъ воровали и это было нехорошо.

— Почему?

— Потому что мнѣ самому хотѣлось воровать.

— Правильно. А страшная у тебя была рука, нѣчто въ родѣ желѣзнаго молотка. Воображаю, какая она теперь...

— Да, братъ,—усмѣхнулся онъ.—И вообразить не можешь.

— А что?

— Да вотъ, гляди.

И показалъ изъ-подъ одѣяла короткій обрубокъ.

— Гдѣ это тебя такъ?

— Батарею брали. Ихъ было человѣкъ пятьдесятъ. А насъ, этого... Мньше.

Я вспомнил какъ онъ съ опущенной головой и закинутой назадъ рукой, слѣпо бросался на пятерыхъ,— и промолчалъ.

Бедный Страшный Мальчикъ!

* *
 *

Когда я уходилъ, онъ, пригнувъ мою голову къ своей, поцѣловалъ меня и шепнулъ на ухо:

— За кѣмъ теперь страдаешь?

И такая жалость по ушедшемъ сладкомъ дѣтствѣ, по книжкѣ "Родное Слово" Ушинскаго, по "большой перемѣнѣ" въ саду подъ акаціями, по украденнымъ пучкамъ сирени,—такая жалость затопила наши души, что мы чуть не заплакали.